

Элиф Шафак

Ученик архитектора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18347590

Элиф Шафак. Ученик архитектора: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-11324-4

Аннотация

XVI век. Османская империя. Эпоха Сулеймана Великолепного.

Волею судьбы двенадцатилетний Джахан и его подопечный, белый слоненок по кличке Чота, оказываются в Стамбуле, при дворе могущественного султана. Здесь Джахану суждено пережить множество удивительных приключений, обрести друзей, встретить любовь и стать учеником выдающегося зодчего – архитектора Синана.

Удивительный рассказ о свободе творчества, о схватке между наукой и фанатизмом, о столкновении любви и верности с грубой силой...

Впервые на русском языке!

Содержание

***	6
***	8
***	14
До встречи с учителем	21
***	22
***	30
***	34
***	40
***	46
***	55
***	60
***	64
Учитель	67
***	68
***	70
***	73
***	79
***	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Элиф Шафак

Ученик архитектора

*Посвящается всем ученикам на свете. Кто бы мог подумать,
что сложнее всего – научиться любить*

*С первого взгляда тебя полюбила
Я силою тысяч сердец.
И пусть утверждают ханжи и святоши,
Будто любить – это грех.
Мне все равно, ну и пусть,
Я готова сгореть в его адском огне...*

Михри-хатун, турецкая поэтесса XV–XVI веков

*Я обыскала весь мир, но не нашла ничего,
Что любви моей было б достойно,
И потому прогоняют родные меня —
Я чужая средь них...*

Мирабай, индийская поэтесса XVI века

Elif Shafak
The ARCHITECT'S APPRENTICE
Copyright © Elif Shafak, 2014

© Е. Большелапова, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Элиф Шафак родилась в Страсбурге в семье философа и дипломата в 1971 году. Отроческие годы провела в Мадриде. Она является самым популярным писателем Турции. Шафак на регулярной основе сотрудничает с такими газетами, как «Гардиан», «Нью-Йорк таймс», «Монд», «Уолл-стрит джорнал», «Вашингтон пост», и журналами «Тайм» и «Ньюс уик». Писательница завоевала множество престижных наград в области литературы. Ее романы всегда занимают первые строчки в списках бестселлеров по всему миру. Книги Шафак переведены на многие языки мира. Элиф Шафак замужем. У нее двое детей. Она живет на два дома, деля свое время между Лондоном и Стамбулом. Ее веб-сайт www.elifshafak.com посетили около миллиона читателей.

Прекрасная книга, населенная отчаянными авантюристами, таинственными цыганами и прекрасными наложницами. Чувственная поэма о красотах Востока.

The New York Times Book Review

Захватывающий роман, в котором есть все: и тайны истории, и фольклорные мотивы...

The Pittsburgh Post Gazette

Роман Шафак воскрешает Османскую империю в зените своего могущества... К тому же это великолепная книга, в которой показано, что построение полноценной жизни может быть так же сложно, как и создание шедевров Синана.

The Sunday Times

Шафак создает потрясающий образ города, пропитанного тайнами, интригами и любовью.

The Daily Times

* * *

Из всех людей, сотворенных Богом и увлекаемых на гибельный путь шайтаном, лишь немногие проникают в центр Мироздания – туда, где не существует добра и зла, прошлого и будущего, где утрачивают смысл слова «я» и «ты». Там не бывает войн, ибо для них не имеется причин. Там царит покой, бескрайний и вечный, как море. Тех, кто попадает туда, настолько потрясает открывшаяся им красота, что они утрачивают способность говорить.

Ангелы, сжалившись над этими людьми, предлагают им выбор. Если человек хочет вернуть себе дар речи, он должен забыть то, что видел, и смириться с чувством утраты, которое навсегда завладеет его сердцем. Но если он не в силах отказаться от воспоминаний о красоте, его одурманенный рассудок уже никогда не сможет отличать реальность от миража. Всякий, кто принадлежит к малой горстке избранных, которые сумели попасть в таинственное место, не обозначенное ни на одной карте мира, расплачивается за это либо чувством неизбывной и невыразимой тоски, либо тщетными поисками ответов на целое сонмище вопросов. Те, кто тоскует по утраченному совершенству, обречены служить любви. Те, кто жаждет знаний, обречены служить науке.

Эту притчу учитель Синан часто повторял нам, четверым своим ученикам. При этом он склонял голову набок и смотрел на нас так пристально, словно пытался проникнуть взглядом в наши души. Я сознавал, что одержим тщеславием, которое отнюдь не пристало простолыдину вроде меня. Но всякий раз, когда учитель начинал говорить, мне казалось, что он прежде всего обращается ко мне, а потом уже – ко всем остальным. Его взгляд задерживался на моем лице, словно он чего-то ждал от меня. Я неизменно отводил глаза, боясь разочаровать Синана, опасаясь, что не сумею оправдать его ожиданий, хотя никогда так и не сумел понять, в чем же именно эти ожидания заключались. Хотел бы я знать, что учитель видел в моих глазах. Может, предчувствовал, что, несмотря на стремление к знаниям, в котором я превосходил многих, его ученик все-таки не сумеет избежать несчастной любви и окажется в ее власти?

Я был бы счастлив, если бы, оглядываясь на пройденный путь, имел право сказать, что обрел знания о любви, равные моей любви к знаниям. Но это будет ложь, а тот, кто лжет сегодня, завтра может оказаться в кипящих котлах ада. Теперь, когда я стар, словно засохший дуб, я явственно ощущаю, что завтрашний день уже стоит на моем пороге, и никто не убедит меня в обратном.

Нас было шестеро: учитель, четверо учеников и белый слон. Мы всегда работали вместе. Возводили мечети, мосты, медресе, караван-сарай, приюты для бедных, акведуки... Это было так давно, что моя память сглаживает острые углы, расплавляя воспоминания в жидкую боль. Всякий раз, когда я возвращаюсь в те дни, в сознании моем всплывают призраки, казалось бы навсегда утопленные в пучине памяти. Меня мучает чувство стыда, ибо я не помню их лиц, и я пытаюсь утопить эти призраки вновь. Однако я помню обещания, которые мы давали друг другу, но так и не исполнили. Я помню слова, которые мы произносили при этом, все до единого. Удивительно, что лица, эта плотная и видимая субстанция, растворились в небытии, тогда как слова, эфемерные и неосязаемые, остались.

Все мои прежние спутники, один за другим, уже покинули этот мир. Почему из всех нас лишь я один дожил до столь преклонных лет, известно только Богу. Каждый день я мысленно возвращаюсь в Стамбул. Представляю, как верующие входят во дворы построенных нами мечетей. Эти люди ничего не знают о нас, ровным счетом ничего. Наверное, они считают, что мечети, в которых они молятся, стоят здесь со времен Великого потопы. Но это не так. Их возвели мы: мусульмане и христиане, ремесленники и галерные рабы, люди и

животные. Нам потребовалось много дней, чтобы их построить. Но Стамбул – это город с короткой памятью. Город, где воспоминания исчезают так быстро, словно они записаны на прибрежном песке. Лишь созданием моего учителя уготована иная участь, ведь он творил из камня.

Под одним из камней я похоронил свою тайну. Мое время на исходе, но тайна по-прежнему ждет своего часа. Интересно, будет ли она когда-нибудь раскрыта? А если она станет известна людям, то сумеют ли они понять ее? Сие неведомо никому. Но я знаю наверняка: в основании одного из сотен зданий, возведенных моим учителем, скрывается центр Мироздания.

Агра, Индия, 1632 год

* * *

Стамбул, 22 декабря 1574 года

Уже перевалило за полночь, когда из темноты вдруг донесся яростный рык. Он сразу понял, кто это: проснулась самая большая кошка во дворце султана – каспийский тигр, огромный зверь с янтарными глазами и золотистой шкурой.

«Кто же посмел нарушить покой тигра? – с недоумением подумал он. – В столь поздний час все должны спать: люди, животные, джинны. В этом городе, раскинувшемся на семи холмах, помимо стражников ночного дозора, сейчас бодрствуют только два разряда людей: предающиеся молитве и предающиеся греху».

Впрочем, сам Джахан тоже не спал – он работал.

– Для таких, как мы, труд подобен молитве, – частенько говаривал его учитель. – Работая, мы беседуем с Богом.

– Но почему же Он не отвечает нам? – спросил Джахан как-то раз, когда был еще совсем юным.

– Господь отвечает. Его ответ – новая работа, которую Он посылает нам, – пояснил наставник.

Коли так, рассудил тогда Джахан, ему самому удалось достичь весьма прочной связи с Всевышним: ведь у него было не одно, а целых два занятия (пусть и совершенно не схожих между собой), и, стало быть, работать ему тоже приходилось в два раза больше: он трудился как погонщик слона и как рисовальщик на строительстве. И вообще, ему несказанно повезло, ибо в его жизни был учитель, которому Джахан платил дань уважения и восхищения. Учитель, которого он втайне мечтал превзойти. Звали этого человека Синан, он занимал должность главного придворного строителя и был воистину великим архитектором.

У Синана имелось великое множество помощников и последователей, сотни человек мечтали научиться у него мастерству. Тем не менее лишь четверых на всем белом свете он называл своими учениками. Джахан был горд тем, что принадлежит к их числу, очень горд, но в глубине души порой ощущал нечто вроде смущения. Много лет тому назад учитель сам выбрал его – простого парнишку, занимающего более чем скромное положение погонщика слона. Предпочел его, хотя школу Синана, расположенную при дворце султана, посещало немало одаренных молодых людей. Высокая честь, оказанная учителем, не только льстила самолюбию Джахана, но и наполняла его сердце тревогой. Вот уже который год его преследовал страх разочаровать единственного человека на свете, который в него поверил, и избавиться от этого страха было выше его сил.

Последним заданием, которое получил Джахан, было сделать проект хаммама – турецкой бани. Учитель, по обыкновению, дал ему ясные и четкие указания: огромная мраморная купальня, подогреваемая снизу; дымоходы, скрытые в стенах; высокий купол, опирающийся на мощные колонны; две двери, ведущие на разные улицы, дабы мужчины и женщины не встречались друг с другом. В ту зловещую ночь Джахан работал над чертежами, сидя за грубо сколоченным столом в своей каморке, которая прилегалась к придворному зверинцу.

Откинувшись назад и сдвинув брови, Джахан принялся рассматривать свой чертеж. Сделано топорно, без всякой гармонии и изящества, решил он. Как всегда, самым трудным для него оказался купол. Джахану перевалило за сорок – в этом возрасте Мухаммед уже стал пророком, – и он достиг немалого мастерства. Однако был по-прежнему убежден, что вырыть котлован под фундамент голыми руками намного проще, чем рассчитать высоту потолков и толщину перекрытий. О, если бы только можно было обойтись без балок и крыш,

если бы люди могли жить в домах, где крышей служит небо, самим смотреть на звезды и позволять звездам смотреть на них!

Расстроенный и недовольный собой, Джахан принялся за новый чертеж – бумагу он украдкой таскал у дворцовых писцов, – когда до него вновь донесся рев тигра. Словно пронзенный этим грозным звуком насквозь, Джахан замер, прислушиваясь. То был предупреждающий рык, от которого кровь стыла в жилах. Зверь давал врагу понять, что приближаться не стоит.

Джахан тихонько приоткрыл дверь и встал на пороге, вглядываясь во тьму. В тишине вновь раздался звериный рык, не такой громкий, как раньше, но по-прежнему угрожающий. Все прочие обитатели зверинца тоже пришли в возбуждение: затрещал попугай, затрубил носорог, сердито заворчал медведь. Рыку льва вторило злобное шипение леопарда. Кролики безостановочно барабанили по земле лапками – верный признак того, что они напуганы. Обезьян в зверинце было всего пять, но можно было подумать, что их целая стая – такую они подняли возню и визг. Лошади ржали и били копытами в своих стойлах. В этой какофонии звуков Джахан различил рев слона: короткий, какой-то вялый, словно гиганту не хотелось участвовать во всеобщей суматохе. Так или иначе, необходимо было выяснить, что встревожило животных. Джахан накинул плащ, взял масляный светильник и вышел во двор.

Свежий прохладный воздух был пронизан пьянящим ароматом зимних цветов и диких трав. Едва сделав пару шагов, Джахан увидел нескольких работников зверинца: сгрудившись под деревом, они испуганно перешептывались. Заметив Джахана, все выжидающе уставились на него. Но тот не мог ничего объяснить своим товарищам, а лишь сам задал вопрос:

– Что происходит?

– Звери чем-то сильно испуганы, – ответил Дара, работник, который ухаживал за жирафом. В голосе его звучало беспокойство.

– Наверное, поблизости бродит волк, – предположил Джахан.

Прежде такое уже случалось. Два года назад зима выдалась настолько холодной, что волки забегали в город и бродили по улицам, не делая различий между еврейскими, мусульманскими и христианскими кварталами. Нескольким волкам неведомо как удалось пробраться за ограду султанского дворца. Оголодавшие хищники набросились на уток, лебедей и павлинов, гулявших по двору, и разорвали в клочья нескольких птиц. Потом слугам еще долго приходилось убирать окровавленные перья, валявшиеся на земле и висевшие на ветках кустов и деревьев. Теперь тоже стояла зима, но спокойная и мягкая – ни снега, ни холодов. И причина исступления, в которое пришли обитатели зверинца, скорее всего, скрывалась во дворце.

– Надо проверить все закоулки, – сказал Олев, укротитель львов, здоровенный детина с огненно-рыжими волосами и усами такого же оттенка.

Решительный и смелый, Олев не боялся брать на себя ответственность и всегда знал, как поступить. Авторитет его среди прочих слуг был непререкаемым. Да что там слуги, сам султан поневоле испытывал восхищение человеком, который умел повелевать львами.

Разойдясь в разные стороны, работники зверинца принялись осматривать загоны, стойла и клетки, проверяя, не убежал ли кто-нибудь из их подопечных. Но все животные были на месте: львы и обезьяны, гиены и рыси, олени и газели, лисы и горностаи, горные козлы и дикие кошки, гигантские черепахи и крокодилы, страусы и гуси, ящерицы и змеи, кролики и дикобразы, а также леопард, зебра, жираф, тигр и слон.

Подойдя к загону, где жил Чота – тридцатипятилетний азиатский слон-самец необычного белого окраса, шести локтей ростом, – Джахан обнаружил, что его питомец беспокойно переминается с ноги на ногу. Огромные уши слона были настороженно наставлены по ветру, словно паруса.

Погонщик улыбнулся гиганту, чьи привычки знал как свои собственные:

– Что случилось, Чота? Ты чувствуешь опасность?

Джахан успокоительно похлопал слона по боку и протянул ему горсть миндальных орехов, которые всегда носил в сумке.

Чота никогда не отказывался от угощения. И сейчас он, не сводя взгляда с ворот, сгреб орехи хоботом и ловко забросил их в пасть. Проглотил и снова замер, упершись в землю своими чувствительными подошвами и насторожив огромные уши.

– Не волнуйся, все хорошо, – попытался успокоить своего любимца Джахан.

Он сам не верил в то, что говорил. И слон не верил тоже.

Вернувшись назад, погонщик увидел Олева, который убеждал остальных работников зверинца успокоиться и разойтись.

– Мы же всё осмотрели! Никаких причин для беспокойства нет: все звери на месте, клетки целы!

– Но животные волнуются... – возразил кто-то.

Олев указал на Джахана:

– Индус прав. Наверное, поблизости бродил волк. А может, шакал. Так или иначе, сейчас хищник ушел. Волноваться не о чем. Идем спать.

На этот раз никто не стал возражать. Покачивая головой и что-то бормоча, люди разбрелись по своим каморкам, где их ждали соломенные тюфяки. Эти жесткие, колючие лежа, полные блох и вшей, казались работникам зверинца теплыми и уютными, ведь ничего лучшего они не знали. Лишь Джахан замешкался во дворе.

– Эй, погонщик слона, а ты почему не идешь спать? – окликнул его Като, смотревший за крокодилами.

– Погожу маленько, – ответил Джахан, устремив взгляд в сторону внутреннего двора. Он только что уловил странный приглушенный звук, долетевший оттуда.

Вместо того чтобы свернуть налево, к сараю, сложенному из камней и бревен, Джахан двинулся вправо, к высокой стене, разделявшей двор надвое. Он шел медленно и осторожно, словно раздумывая, не стоит ли ему вернуться в каморку, к своим чертежам и рисункам. Дойдя до куста сирени, который рос в дальнем конце двора, он различил какую-то тень. Смутная и колеблющаяся, тень эта настолько напоминала призрак, что Джахан уже готов был броситься наутек. Но тут призрак повернулся к нему лицом, и Джахан увидел, что это Тарас Сибиряк. Тарас, человек, который за свою долгую жизнь, казалось, перенес все мыслимые недуги и несчастья, служил в зверинце дольше всех прочих. На его веку сменилось несколько султанов. Он видел, как вельможи, обладающие силой и властью, низвергаются в пучину унижений. Видел, как головы, увенчанные роскошными тюрбанами, валяются в грязи.

– Лишь две вещи в этой жизни остаются неизменными и постоянными, – шутили работники, – Тарас Сибиряк и несчастная любовь. Все остальное преходяще...

– Это ты, индус? – спросил Тарас. – Животные проснулись, да?

– Да, – откликнулся Джахан. – Ты слышал шум?

Старик издал какое-то бурчание, которое с одинаковым успехом можно было расценить и как утвердительный, и как отрицательный ответ.

– Шум доносился из-за стены, – настаивал Джахан.

Вытянув шею, он пристально смотрел на стену, возвышавшуюся перед ним, сплошную и высокую, цвета оникса. В эту минуту ему почудилось, что в ночном сумраке скрываются духи, испускающие жалобные стоны. Он даже слегка вздрогнул.

Внезапно воздух задрожал от грохота, за которым последовал топот множества ног, словно бежала огромная толпа. Из глубин дворца долетел женский крик, такой пронзительный, что казался нечеловеческим. Оборвавшись, крик сменился рыданиями. А потом, так же внезапно, воцарилась тишина. Повинуясь порыву, Джахан сделал движение в сторону стены.

– Эй, ты куда? – прошептал Тарас. Глаза его поблескивали от страха. – Это же запрещено.

– Я хочу узнать, что происходит, – пояснил Джахан.

– Не высовывайся, – отрезал старик.

Джахан на мгновение замешкался.

– Я погляжу, что там творится, и сразу вернусь, – решил он.

– Любопытство до добра не доводит, – вздохнул старик. – Но ты, как я вижу, глух к доводам разума. По крайней мере, не уходи далеко. Оставайся в саду, у самой стены. Понял?

– Не переживай, Тарас. Я буду осторожен и незаметен, как ночная птица.

– Я тебя подожду. Не стану ложиться, пока ты не вернешься. Расскажешь, что видел.

– Любопытство до добра не доводит. Но ты, как я вижу, глух к доводам разума, – ухмыльнулся Джахан.

Не так давно Джахан вместе с учителем работал над перестройкой дворцовой кухни. Они расширили также покои, занимаемые султанским гаремом. То была насущная необходимость, так как число его обитательниц за последние годы изрядно выросло. Строителям запрещалось пользоваться главными воротами, и они проделали в стене отверстие, через которое попадали во дворец кратчайшим путем. Закончив работы, они заделали лаз необожженными кирпичами, скрепив их глиной.

Подсвечивая себе масляной лампой, Джахан двинулся вдоль стены, постукивая по ней палкой. Некоторое время он слышал лишь ровный глухой звук. Но вот звук этот стал более звонким. Джахан остановился и изо всех сил ударил стену ногой. За первым ударом последовал второй, потом третий. Наконец несколько кирпичей вылетели. Джахан поставил лампу на землю, рассчитывая забрать ее на обратном пути, опустил на четвереньки и протиснулся в отверстие.

Серебристый лунный свет заливал огромный розарий, сейчас, в зимнюю пору, более похожий на кладбище роз. Голые ветви кустов, весной и летом сплошь усыпанные красными, розовыми и желтыми цветами, ныне казались унылыми и жалкими. Сердце у Джахана колотилось так быстро и громко, что он боялся, вдруг кто-нибудь услышит его стук. Он припомнил истории об отравленных евнухах и задушенных наложницах, страшные рассказы об обезглавленных визирях и шевелящихся мешках, сброшенных в Босфорский пролив, и по спине у него пробежал холодок. В этом городе было два кладбища: одно раскинулось на холмах, а другое, куда более обширное, скрывалось в море.

Перед ним возвышалось вечноезеленое дерево, на ветвях которого пестрели бесчисленные ленты, шарфы, цепочки, обрывки тесьмы и кружев, – так называемое Древо желаний. Всякий раз, когда у какой-нибудь наложницы из гарема появлялась тайна, которую она не могла доверить никому, кроме Бога, она просила евуха прийти к этому дереву и привязать к его ветке какую-нибудь принадлежавшую ей безделицу. Евух выполнял просьбу, и на дереве появлялось очередное украшение. Дерево было сплошь увешано секретными мечтами и просьбами, между которыми, по всей вероятности, происходили безмолвные споры и склоки – ведь желания одной женщины зачастую противоречат желаниям другой. Но сейчас, когда украшенные ленточками ветви слегка шевелил ветерок, дерево выглядело спокойным и безмятежным. Таким безмятежным, что Джахан не смог воспротивиться порыву подойти к нему, забыв, что обещал Тарасу не отходить от стены.

Всего десятка три шагов отделяли нашего героя от каменного здания, стоявшего в глубине двора. Укрывшись за стволом Древа желаний, Джахан оглядывался по сторонам, готовый в любую минуту броситься наутек.

Около дюжины глухонемых слуг сновало туда-сюда, появляясь то из одной, то из другой двери здания. Некоторые тащили мешки. Факелы, которые они держали в руках, разре-

зали темноту янтарными всполохами, и всякий раз, когда отсветы двух факелов скрещивались, тени на стене становились длиннее.

По-прежнему недоумевая, Джахан оставил свое укрытие и двинулся к дому, намереваясь обойти его сзади. Он двигался бесшумно и был почти столь же незаметен, как и воздух, которым дышал. Сделав полукруг, он оказался у задней двери. Как ни странно, она никем не охранялась. Не рассуждая, Джахан проскользнул в дом. Он знал: стоит только задуматься о возможных последствиях этого поступка – и страх скует его по рукам и ногам, лишив возможности действовать.

Внутри было холодно и сыро. Передвигаться в темноте приходилось почти ощупью. Джахан не останавливался, хотя по коже у него бегали мурашки, а волосы стояли дыбом. Сожалеть о содеянном было слишком поздно. Путь назад был отрезан, а значит, приходилось идти вперед. Скользя вдоль стен и тяжело дыша, он добрался до слабо освещенной комнаты и осмотрелся по сторонам. Столики с перламутровыми инкрустациями, на которых стоят стеклянные бокалы; диваны, заваленные подушками; зеркала в позолоченных резных рамах; гобелены, закрывающие стены от пола до потолка. А на полу – несколько туго набитых мешков, вроде тех, что таскали глухонемые.

Настороженно оглядываясь, Джахан сделал еще несколько шагов. Вдруг взгляд его выхватил нечто такое, от чего кровь мгновенно застыла в жилах, – человеческую руку, которая безвольно лежала на мраморном полу, словно мертвая птица. И тогда Джахан, увлекаемый какой-то неодолимой силой, принялся развязывать мешки один за другим. При этом он невольно жмурил глаза, словно отказываясь видеть то, что открывалось его взору. Кисти рук, плечи, головы. В каждом мешке было мертвое тело. Труп ребенка.

Их было четверо. Все мальчики. Они лежали рядом, словно выстроившись по росту – от самого высокого к самому маленькому. Старший – уже подросток, младший – еще грудной младенец. Богатые одеяния нигде не порваны и не измяты, дабы сыновья султана и после смерти сохранили свое достоинство. Взгляд Джахана упал на ближайший мешок – труп мальчика с нежной светлой кожей и золотистыми волосами. Он уставился на линии его открытой ладони – четко прочерченные, извилистые, переплетавшиеся друг с другом.

«Наверное, ни один предсказатель судьбы, которых так много в этом городе, не мог предвидеть, что высокородного отпрыска ожидает столь ранняя и печальная смерть», – подумал Джахан.

Казалось, мальчики не мертвы, а просто спят. Кожа их еще испускала свет жизни. Джахан не мог избавиться от ощущения, что они живы. Да, эти дети перестали двигаться, перестали говорить, но они не умерли. Состояние, в котором они пребывают ныне, недоступно человеческому пониманию. Но, должно быть, это приятное состояние, ведь на их губах застыло подобие улыбки.

С ног до головы сотрясаемый мелкой дрожью, Джахан стоял над трупами. Он не мог пошевелиться, и лишь звук приближающихся шагов вывел беднягу из оцепенения. Кое-как затянув мешки, он метнулся к стене и спрятался за портьерами. Несколько мгновений спустя в комнату вошли глухонемые слуги. Они несли еще один мешок, который осторожно положили рядом с остальными.

Тут один из них заметил, что ближайший к нему мешок развязан. Глухонемой растерянно замычал. Слуга не мог понять, сам ли он совершил оплошность или же в комнату тайно проник непрошенный гость. Его товарищи уже собирались уходить, но, остановленные тревожным сигналом, принялись обыскивать комнату.

Джахан сжался в углу ни жив ни мертв. Только тонкая ткань гобелена отделяла его от убийц. От ужаса у него перехватило дыхание. Вот и настал последний миг, пронеслось у него в голове. Сейчас будет оборвана нить его жизни. Жизни, в которой было слишком много лжи и обмана. Неожиданно Джахан вспомнил о лампе, которую оставил у стены. Наверное,

огонек этой лампы до сих пор мерцает в темноте. Мысль о двух дорогих существах, с которыми он расставался, – учителе и огромном белом слоне, – заставила его сердце сжаться от боли. Наверняка и тот и другой сейчас безмятежно спят. А потом Джахан подумал о женщине, которую любил. В этот глухой ночной час она тоже крепко спит и не знает, что он по собственной воле устремился навстречу смерти, проникнув туда, где ему не полагалось быть, и увидев то, чего ему не следовало видеть. А виной всему проклятое любопытство, неумное любопытство, всю жизнь заставлявшее его искать на свою голову неприятности. Джахан выругался, не разжимая губ. Сам виноват. На его могиле следует написать:

*Здесь лежит человек, который плохо кончил,
ибо любил совать нос в чужие дела.*

Погонщик слонов и ученик архитектора.

Помолитесь о его неприкаянной душе.

Как жаль, что ему некому продиктовать эту эпитафию.

* * *

Той же ночью в одном из домов на другом конце Стамбула кахья¹ не спала, предаваясь молитве. Она перебирала четки, и деревянные бусины глухо постукивали. Щеки ее были морщинистыми, как сухой инжир, спина согнулась, а зрение ослабло от старости. Но когда дело касалось хозяйства, вверенного ее попечению, взор кахьи по-прежнему был острым и наблюдательным. От внимания старой женщины не ускользало ничто: ни разошедшаяся половица, ни скрипучая дверная петля, ни расшатавшийся крючок. Ни один из обитателей этого дома не знал его так хорошо, как знала кахья. Никто из слуг, здесь работавших, не мог сравниться с ней в преданности своему хозяину и повелителю. В этом она даже не сомневалась.

Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь храпом, доносившимся из комнаты слуг. Иногда старухе удавалось различить едва слышное дыхание, долетавшее из-за закрытых дверей библиотеки. Там спал Синан. Минувшим вечером он опять работал допоздна. Как правило, он проводил вечера с семьей, перед ужином удаляясь в гаремлик,² где жили его жена и дочери и куда вход ученикам был заказан. Но нередко случалось, что после ужина Синан вновь возвращался к своим чертежам и эскизам и засыпал в библиотеке, посреди книг и свитков. Там, в библиотеке, самой просторной и солнечной комнате в доме, кахья готовила ему постель, расстилая на ковре тюфяк.

Хозяин работал без устали, хотя ему уже исполнилось восемьдесят пять лет. В столь преклонном возрасте человеку следует предаваться отдыху, баловать себя изысканными яствами и проводить время в обществе тех, кто дорог его сердцу, то есть детей и внуков. А тому, чьи ноги еще сохранили силу, следует совершить паломничество в Мекку. Если смерть настигнет старика в пути, это будет величайшим благом для его души. Почему же хозяин не думает о том, чтобы подготовиться к переходу в мир иной? Зачем он по-прежнему пропадает на строительстве, где его дорогую одежду покрывают грязь и пыль? Старая служанка очень сердилась и на своего господина, не желавшего заботиться о себе должным образом, и на султана и его визирей, нагружавших ее хозяина непосильной работой, и на учеников Синана, не способных облегчить груз, лежавший на плечах учителя. Ох, до чего же ленивы все эти юнцы! Хотя юнцами их уже никак не назовешь. Этих четверых кахья знала много лет, еще с тех пор, когда они были робкими, невежественными новичками. Николу, самого старательного и самого застенчивого из всех. Давуда, горевшего желанием учиться, но слишком уж нетерпеливого. Юсуфа, молчаливого и полного тайн, словно глухой, непроходимый лес. И наконец, индуса Джахана, который вечно задавал слишком много вопросов, но не давал себе труда выслушать ответы.

Кажья молилась и предавалась размышлениям; видения, долетавшие из прошлого, скользили перед ее глазами. Но вот ее скрюченные пальцы, перебиравшие янтарные бусины, замедлили движение, шепот «Хвала Аллаху» умолк, голова склонилась на грудь, и из приоткрытого рта вырвалось мерное похрапывание.

Старая служанка не могла сказать, когда – через минуту или через час – она проснулась, потревоженная каким-то отдаленным шумом. Топот копыт, грохот колес по булыжной мостовой. Судя по всему, по улице во весь опор мчалась карета. Дом Синана был единственным в глухом переулке, кончавшемся тупиком. Если карета свернет за угол, значит это точно к ним. Кажья вздрогнула, почувствовав, как по спине у нее пробежали мурашки.

Бормоча молитву, отгоняющую злых духов, старуха поднялась с неожиданным для ее возраста проворством. Осторожно спустилась по лестнице, миновала темный коридор и

¹ Кажья – домоправительница. – Здесь и далее примеч. автора, кроме особо оговоренных случаев.

² Гаремлик – в Турции часть дома, где живут жены, дети и слуги правоверного мусульманина. – Примеч. перев.

вышла в сад. Этот чудесный благоуханный сад, разделенный на террасы и украшенный прудом, радовал взоры и души всех гостей Синана. Хозяин сам устроил его. Для того чтобы провести в дом воду, ему потребовалось особое разрешение султана. Синан получил это разрешение, вызвав у своих врагов очередной приступ зависти и злобы. Сейчас водяное колесо мерно кружилось, спокойное бульканье воды навевало умиротворение и безмятежность – чувства, столь редкие в этом мире.

Серебряный серп луны скрылся за тучей, и на несколько мгновений земля и небо слились в непроницаемом сером сумраке. На террасе справа раскинулась небольшая рощица, а внизу – бостан, где росли целебные травы и овощи. Но служанка пошла по другой тропе, ведущей во внутренний двор. Там находился колодец, в котором вода оставалась ледяной даже в самые жаркие летние месяцы. В дальнем углу располагались нужники, в сторону которых старуха бросила опасливый взгляд. По ночам джинны справляют там свои свадьбы, а всякого, кто дерзнет потревожить их покой, ожидают неисчислимые бедствия и несчастья, причем проклятие падет не только на его голову, но и на головы всех его потомков до седьмого колена. Так что после наступления сумерек кахья обходила нужник стороной. Впрочем, пользоваться ночным горшком ей тоже не нравилось, поэтому вечерами бедняжка отказывалась от еды и питья, дабы держать свое тело в узде.

Наконец она подошла к воротам, ведущим на улицу. Старая служанка твердо знала, от кого в этой жизни можно ожидать всяческих неприятностей: от мужчины, продавшего душу шайтану, от женщины, гордящейся своей красотой, от вестника, который прибывает посреди ночи.

Карета остановилась за оградой. Лошадь фыркнула. Раздались тяжелые шаги. Старуха уловила запах пота, не то лошадиного, не то человеческого. Кем бы ни был незваный гость, кахья вовсе не спешила выяснить, какая неотложная надобность привела его в дом хозяина. Прежде она должна была семь раз прочитать суру аль-Фалак (Рассвет): «Прибегаю к защите господина Рассвета, от зла того, что Он сотворил, от зла мрака, когда он наступает, от зла колдуний, дующих на узлы, от зла завистника, когда он завидует».

Все то время, пока кахья читала суру, гонец тихонько стучал в ворота. Вежливый, но настойчивый, отметила про себя старуха. Оставаясь безответным, стук набирал силу и вскоре перерос в оглушительный грохот. Разбуженные слуги, на ходу набрасывая одежду, выбегали в сад со светильниками в руках. Понимая, что медлить более нельзя, кахья пробормотала: «Аллах великодушный и милостивый» – и отодвинула засов.

В это мгновение месяц выскользнул из-за тучи, давая старой служанке возможность разглядеть незнакомца. Низкорослый, широкоплечий, приземистый. Судя по разрезу глаз, татарин. На плече висит кожаная фляга. В осанке чувствуется надменность. Мужчина нахмурился, явно раздраженный тем, что на него уставилось столько глаз.

– Меня прислали из дворца, – произнес он чрезмерно громким голосом.

Слова эти были встречены настороженным враждебным молчанием.

– Я должен поговорить с вашим хозяином, – изрек посланник и, решительно расправив плечи, уже вознамерился было войти во двор.

Но кахья остановила его предостерегающим жестом:

– Ты уверен, чтоходишь с правой ногой?

– Что?

– Если ты хочешь переступить этот порог, то должен непременно войти с правой ноги.

Гонец в замешательстве уставился на свои ноги, словно опасаясь неповиновения с их стороны, потом осторожно сделал шаг. Оказавшись во дворе, он громогласно сообщил, что послан самим султаном по делу, не терпящему отлагательств. Объяснять сие не было никакой нужды; слуги и так это поняли.

– Мне приказано срочно доставить главного придворного строителя в сераль, – добавил гонец.

Кахья вздрогнула, щеки ее побелели. Слова, которые старая женщина собиралась произнести, застряли у нее в горле. О, как бы ей хотелось сказать, что ее хозяин лишь недавно забылся сном и она никому не позволит тревожить его в краткие часы отдыха! Но это, увы, было невозможно.

– Подожди здесь, – пробормотала старуха, злобно сверкнув глазами. И обратилась к одному из слуг: – Идем со мной, Хасан.

Ее слабые глаза не могли различить в сумраке лицо парня. Но кахья догадалась, что Хасан здесь, по запаху гвоздичных леденцов, которые он вечно сосал.

Они вошли в дом: впереди старуха, сзади юноша с лампой в руках. Половицы заскрипели под их ногами. По губам кахьи скользнула улыбка. Хозяин понастроил в этом городе немало великолепных дворцов и мечетей, а вот починить полы в собственном доме у него руки не доходят.

Стоило слугам войти в библиотеку, как они ощутили особый запах – запах книг, чернил, воска, кедровых четок и полок из орехового дерева.

– Эфенди, проснитесь, – мягким, как шелк, голосом прошептала старая служанка.

Ответа не последовало. Несколько мгновений она стояла, прислушиваясь к сонному дыханию своего господина, потом окликнула его вновь, на этот раз громче. Но он даже не пошевелился.

Тем временем юноша, которому никогда прежде не доводилось видеть хозяина так близко, не сводил глаз со спящего. Большой горбатый нос, высокий лоб, изборожденный морщинами, седая длинная борода, которую придворный строитель беспрестанно теребил в минуты раздумий, шрам над левой бровью – напоминание о том, как в молодости, работая в мастерской своего отца, Синан упал на ткацкий станок. Взгляд Хасана скользнул по рукам зодчего. Сильные, костистые пальцы, загрубевшие, мозолистые ладони. Руки человека, привыкшего к тяжелой работе.

Когда кахья окликнула Синана в третий раз, он наконец открыл глаза и сел в постели. На лицо зодчего набежала тень, когда он увидел перед собой две фигуры. Он знал: для того чтобы слуги осмелились потревожить его в этот час, должно произойти нечто из ряда вон выходящее. Бедствие, сопоставимое с пожаром, уничтожившим город до основания.

– Прибыл гонец от султана, – сообщила кахья. – Вас срочно требуют во дворец.

Синан с усилием поднялся на ноги.

– Может, это и хорошая новость. Иншаллах – если будет на то воля Божья, – бросил он.

Юноша, донельзя гордый тем, что ему доверено такое важное дело, помог хозяину умыться и одеться. Светлая рубаха, халат – не новый и роскошный, а, напротив, старый и неприметный: коричневый, теплый, отороченный мехом.

Все трое спустились по лестнице.

Увидев главного придворного строителя, гонец склонился в поклоне.

– Простите за то, что осмелился нарушить ваш покой, эфенди. Но мне приказано доставить вас во дворец.

– У каждого свои обязанности, – кивнул Синан.

– Может кто-нибудь из слуг сопровождать господина? – вмешалась кахья.

Гонец, не удостоив ее взглядом, вскинул бровь.

– Мне дан приказ доставить во дворец лишь вас, эфенди, и никого больше, – произнес он, глядя только на Синана.

Ком злобы, горькой как желчь, подкатил к горлу старой служанки. Она наверняка затеяла бы с наглцом перепалку, не положи Синан ей на плечо ладонь.

– Все будет хорошо, – успокоительно произнес он.

Старый зодчий и гонец вышли за ворота в ночную тьму. На улице не было ни души, даже бродячие собаки, которых в городе развелось полным-полно, куда-то подевались. Синан уселся в карету, гонец захлопнул дверцу и опустился на сиденье рядом с возницей, который не произнес ни слова. Лошади двинулись, и карета, покачиваясь из стороны в сторону, понеслась по булыжной мостовой.

Пытаясь скрыть тревогу, Синан отодвинул занавеску и уставился в окно. Карета катилась по узким кривым улочкам, мимо домов с темными окнами. Он думал о людях, которые спят сейчас в своих роскошных особняках и жалких хижинах. Путь в сераль пролегал через несколько кварталов: еврейский, армянский, греческий и левантский. Синан смотрел на христианские церкви, которым в Стамбуле запрещено было иметь колокола, на синагоги, стоявшие в глубине квадратных дворов, на мечети под свинцовыми крышами. К храмам, словно ища у них защиты и покровительства, во множестве лепились глинобитные и деревянные лачуги. Даже состоятельные люди строили себе здесь жилища из плохо обожженных кирпичей. В очередной раз Синан подивился тому, что столь прекрасный и богатый город застроен такими убогими домишками.

Наконец показался дворец. Карета остановилась в первом внутреннем дворе. К ней сразу бросились дворцовые скороходы, двигавшиеся с привычным проворством. Синан и гонец вошли в Средние ворота. Никто, кроме самого султана, не имел права въезжать в эти ворота верхом. В темноте виднелись мраморные фонтаны, испускавшие загадочное сияние, словно существа из иного мира. Дворец и все, что находилось вокруг, было хорошо знакомо Синану: ведь совсем недавно под его руководством были перестроены и расширены султанский гарем и дворцовая кухня. Внезапно он остановился, ощутив на себе взгляд, устремленный из сумрака. На него в упор смотрела пара глаз – больших, блестящих, влажных. То была газель. Вокруг виднелось множество других животных и птиц – павлинов, черепах, страусов, антилоп. Все они, по непонятным причинам, были сильно встревожены.

Холодный свежий воздух был пронизан ароматами мирта, чемерицы и розмарина. Минувшим вечером прошел дождь, и влажная трава поскрипывала под ногами. Старый зодчий и сопровождавший его гонец подошли к массивному каменному зданию цвета грозных туч. Стражники, стоявшие у дверей, посторонились, пропуская их. Они миновали просторный вестибюль, освещенный сальными свечами, огоньки которых подрагивали на сквозняке. Прошли через две комнаты и остановились в третьей. Гонец куда-то исчез. Синан прищурился, оглядывая помещение, поразившее его своими размерами. Все находившиеся здесь предметы: диваны, подушки, столики, кувшины – отбрасывали на стены причудливые тени, словно пытались скрыть какую-то тайну.

В дальнем углу комнаты на полу лежал наполовину развязавшийся мешок. Синан вздрогнул, увидев внутри труп. Вглядевшись в мертвое лицо, он понял, что перед ним мальчик-подросток, и глаза его увлажнились. Старый архитектор догадался, что здесь произошло. Ему и прежде доводилось слышать, будто бы подобная жестокость не редкость при султанском дворе, но до сих пор он отказывался верить молве. Ошеломленный, Синан прислонился к стене, чтобы не упасть. Когда он смог наконец молиться, губы его едва шевелились, а молитва то и дело прерывалась судорожными вдохами.

Не успел Синан произнести последние слова и вытереть лицо обеими руками, как за спиной у него раздался шорох. Синан уставился на гобелен, висевший на стене. Он был уверен, шум исходил именно оттуда. Охваченный зловещими предчувствиями, он подошел к гобелену, отдернул его в сторону – и тут же отпрянул, увидав знакомое лицо, искаженное гримасой ужаса.

– Джахан!

– Учитель!

– Что ты здесь делаешь?

Джахан мысленно возблагодарил свою счастливую звезду, пославшую сюда единственного человека на свете, который мог его спасти. Упав на колени, он поцеловал руку старого архитектора и прижался к ней лбом:

– Учитель, вы святой. Я давно об этом догадывался. А теперь я в этом уверен. Если выйду отсюда живым, то всем расскажу, что вы святой.

– Ш-ш. Ни к чему говорить подобные глупости, да еще так громко. Как ты здесь оказался?

Но времени для объяснений уже не было. Из коридора донеслись шаги, гулким эхом отдававшиеся под высокими потолками. Джахан заметался, словно надеясь стать невидимым. В следующее мгновение в комнату вошел султан Мурад III, сопровождаемый свитой. Небольшого роста, широкоплечий, плотный. Орлиный нос, длинная, почти белокурая борода, карие глаза пронзительно смотрят из-под изогнутых бровей. Несколько мгновений султан хранил молчание, видимо решая, какой тон следует избрать в данных обстоятельствах: мягкий, отеческий или же властный, устрашающий.

Самообладание быстро вернулось к Синану. Он склонился в благоговейном поклоне и поцеловал край халата своего повелителя. Джахан, едва живой от страха, тоже поклонился и более не поднимал головы, не осмеливаясь взглянуть на того, кто считался тенью всемогущего Бога на земле. Присутствие султана почти парализовало его. Впрочем, султаном Мурад стал совсем недавно. Не далее как вчера его отец Селим, имевший весьма нелестное прозвище Пьяница, разбил голову, поскользнувшись на мраморных плитках хаммама, и скончался на месте. Поговаривали, что султан, несмотря на все свои зарок не прикасаться к вину, был вдрызг пьян. Вечером этого же дня Мурад был объявлен новым падишахом. По традиции ему вручили меч его славного предка Османа, и событие это сопровождалось барабанным боем, ревом труб, россыпями фейерверков, а также вознесением безудержных похвал новому правителю.

Где-то вдали, за стенами дворца, тяжело вздыхало море. Джахан, казалось, окаменел, и только капли пота, выступившие у него на лбу, доказывали, что он еще жив. Спина его по-прежнему была согнута в три погибели, словно воцарившееся в комнате молчание тяжким грузом давило бедняге на плечи. Губы Джахана едва не касались пола, и можно было подумать, что он собирается поцеловать ковер.

– Почему здесь мертвецы? – спросил султан, указывая взглядом на мешок. – Вы что, совсем лишились стыда?

– Простите нашу оплошность, о достославный повелитель, – торопливо ответил один из его приближенных. – Мы думали, вы захотите взглянуть на них. Мы незамедлительно отнесем покойных в ледник и позаботимся о том, чтобы им были оказаны все необходимые почести.

Султан промолчал. Потом повернулся к двум коленопреклоненным фигурам:

– Строитель, это один из твоих учеников?

– Да, всесветлый султан, – ответил Синан. – Это один из четырех моих учеников.

– Но я распорядился, чтобы ты прибыл во дворец один. Неужели гонец неверно передал мой приказ?

– Нет, он передал его совершенно правильно, – произнес Синан. – Это моя оплошность. Простите меня, о светлейший повелитель. Я слишком стар и нуждаюсь в помощи.

Султан вновь погрузился в молчание.

– Как его имя? – наконец спросил он.

– Джахан, мой многомилостивый повелитель. Возможно, вам доводилось его видеть. Он работает в придворном зверинце. Ухаживает за белым слоном.

– Погонщик слона и ученик архитектора? – усмехнулся султан. – Как же, интересно, ему удалось совместить одно с другим?

– Он служил еще вашему славному деду, султану Сулейману, да упокоит Аллах его душу. Когда Джахан был юношей, я заметил, что у него есть способности к нашему делу, взял его под свое покровительство и передал толику своего мастерства.

Султан, не удостоив Джахана взглядом, пробормотал себе под нос:

– Мой дед был великим правителем.

– О, его величие сравнимо лишь с величием Пророка, имя которого он носил.

Дедом Мурада был не кто иной, как Сулейман Великолепный, великий законодатель, повелитель правоверных и защитник святых городов, человек, который правил страной сорок шесть лет, проводя куда больше времени в седле, чем на троне. Даже сейчас, когда останки этого правителя давным-давно сгнили в земле, имя его упоминалось лишь благоговейным шепотом.

– Да пребудет с его душой милость Аллаха, – изрек султан. – Я вспоминал о нем сегодня. «Что бы султан Сулейман сделал, окажись он в моем положении?» – спрашивал я себя. – Голос Мурада неожиданно дрогнул. – И я понял, что мой дед поступил бы точно так же. Увы, выбора не было. – Джахан догадался, что речь идет об убитых мальчиках, и сердце его ушло в пятки. А новый властитель продолжал: – Мои братья сейчас находятся рядом с Создателем всего сущего.

– Да пребудут небеса их обителью, – поспешно подхватил Синан.

В воздухе вновь повисло молчание, которое нарушил Мурад:

– Строитель, насколько мне известно, мой достославный отец, султан Селим, приказал тебе возвести для него гробницу. Это так?

– Именно так, мой великий повелитель. Ваш отец хотел, чтобы его похоронили возле Айя-Софии.

– Что ж, тогда выполняй приказ. Приступай к работе безотлагательно. Я разрешаю тебе сделать гробницу такой, какой ты считаешь нужным.

– Благодарю вас, мой милостивый повелитель.

– Я желаю, чтобы мои братья покоились рядом с отцом. Возведи мавзолей столь величественный, чтобы даже столетия спустя люди приходили туда и молились об их невинных душах. – Султан помолчал и добавил, словно осененный внезапной мыслью: – Но не делай гробницу слишком грандиозной. Она не должна поражать колоссальными размерами.

Краешком глаза Джахан заметил, что щеки учителя покрыла бледность. Он уловил в воздухе странный запах, точнее, смесь запахов – вроде бы можжевельника и березовых прутьев, с острым привкусом жженого вяза. От кого исходил этот запах, от султана или от учителя, Джахан определить не мог. Он почти ничего не видел, ибо так низко согнулся в поклоне, что лоб его касался пола. Джахан слышал, как султан испустил вздох, словно намереваясь сказать что-то еще, однако больше ничего не сказал. Вместо этого Мурад подошел так близко к зодчему и его ученику, что тень султана закрыла свет свечи. Содрогаясь всем телом, Джахан ощутил на себе пронзительный взгляд повелителя. Сердце его едва не выскочило из груди. Неужели султан догадался, что, увлекаемый любопытством, погонщик слона совершил тягчайшее преступление, тайком проникнув во дворец? Бедняге показалось, что это томительное мгновение длилось вечность. Но вот султан повернулся и двинулся к выходу, а его визири и стражники потянулись вслед за ним.

Таким образом, в декабре 1574 года, в начале Рамадана, Синан, исправлявший должность главного придворного строителя, и его ученик Джахан, который предстал перед очами падишаха волей случая, получили приказ возвести поблизости от мечети Айя-София мавзолей, где предстояло упокоиться усопшему султану и пятерым его сыновьям. Правитель, отдавший приказ, настаивал на том, что мавзолей должен быть достаточно роскошным и величественным, дабы никто не мог усомниться, что он чтит память отца и братьев. И в то

же время гробнице не следовало быть чересчур уж великолепной, дабы никто не мог утверждать, что Мурад пытается искупить вину перед братьями, задушенными по его приказу.

Тогда трудно было предвидеть, что всего несколько лет спустя, сразу после смерти султана Мурада, в столь же тревожную ночь, когда животные в придворном зверинце опять придут в возбуждение и их тревожные крики станут вторить зловещим завываниям ветра, будут убиты его собственные сыновья, девятнадцать мальчиков и юношей. Их задушат шелковыми шнурками, чтобы не пролить ни капли благородной крови, и, по странной прихоти судьбы, похоронят в мавзолее, возведенном архитектором Синаном и его учеником.

До встречи с учителем

* * *

У пророка Иакова было двенадцать сыновей, у пророка Иисуса – двенадцать апостолов. В двенадцатой суре Корана рассказывается история пророка Юсуфа (христиане называют его Иосифом), который был любимым сыном своего отца. Двенадцать караваев хлеба иудеи ставили на праздничный стол, двенадцать золотых львов охраняли трон царя Соломона. На этот трон вело шесть ступеней, но по ним можно было не только подниматься, но и спускаться. Шесть ступеней вверх, шесть ступеней вниз – в совокупности вновь получается двенадцать. На двенадцати основополагающих убеждениях строится индуизм. Шииты утверждают, что за пророком Мухаммедом следовали двенадцать имамов. Двенадцать звезд украшают венец Пресвятой Девы Марии. А мальчик по имени Джахан в возрасте двенадцати лет впервые увидел Стамбул.

Тощий, дочерна загорелый, непоседливый, как мелкая рыбешка, он был для своих лет явно маловат ростом. Словно пытаясь искупить сей недостаток, его темные волосы стояли на голове копной. Копна эта была так густа и непослушна, что казалась живым существом, не имеющим отношения к своему обладателю. Глядя на мальчика, люди в первую очередь обращали внимание на его шевелюру, а потом – на его оттопыренные уши, каждое размером с лопух. И все же мать мальчика утверждала: настанет пора, когда он будет пленять девушек своей лучезарной улыбкой и ямочкой на левой щеке. Против этой ямочки, похожей на отпечаток пальца стряпухи, который остался на лепешке, никто не сможет устоять, говорила мама Джахана, а он привык верить ее словам.

«Губы алые и свежие, как розовый бутон, волосы блестящие, как шелк, талия тонкая и гибкая, словно ивовый прут. Грациозна, как газель, но при этом вынослива, словно вол, а голос – ну чисто как у соловья. Этим сладким и нежным голосом, непригодным для пустой болтовни и брани, она станет петь колыбельные своим детям. И этот голос она ни разу не возвысит, разговаривая с мужем, которому будет неизменно покорна» – такую невесту обещала Джахану мать, пока была жива.

А потом она умерла. От черной меланхолии, как сказал деревенский лекарь. Но Джахан знал: бедняжка скончалась от побоев, которыми ее каждый день награждал грубый и жестокий муж, приходившийся мальчику одновременно и отчимом, и родным дядей. На похоронах отчим горько рыдал, словно не сознавая, что он сам и стал причиной смерти жены. С тех пор Джахан возненавидел этого человека лютой ненавистью. Поднимаясь на борт корабля, отплывающего в дальние края, он жалел только об одном: что покидает дом, так и не отмстив отчиму-дяде. Он твердо знал: проживи они с отчимом под одной крышей еще немного, и один из них непременно убьет другого. А если учесть, что Джахан был еще мальчишкой и отчим изрядно превосходил его в силе, то нетрудно догадаться, кому бы, скорее всего, пришлось покинуть этот мир. Пускаясь в бега, Джахан был твердо уверен, что обязательно вернется, когда настанет срок. Вернется и отомстит. А еще Джахан знал, что придет время и он встретит прекрасную девушку, которую полюбит всем сердцем. Их свадьба будет длиться сорок дней и сорок ночей, и все это время молодожены будут изнемогать от смеха и объедаться сладостями. А старшую дочь они назовут в честь его покойной матери. Таковы были мечты Джахана, которые он держал от всех в тайне.

По мере того как четырехмачтовая каракка приближалась к порту, птиц, круживших за кормой, становилось все больше. Кого здесь только не было: чайки, песочники, кроншнепы, воробьи, сойки и сороки. Некоторые птицы – самые отважные, а может, самые глупые – садились на мачты или летали над палубой, прямо над головами людей. Ветер приносил незнакомые запахи, странные, щекочущие ноздри.

После нескольких недель, проведенных в открытом море, Джахан наконец-то увидел берег. Когда вддали открылась панорама города, фантазия мальчика сыграла с ним удивительную шутку. Он глядел на берег во все глаза, но никак не мог понять, приближается Стамбул или же, наоборот, удаляется. Возможно, виной тому была туманная дымка, но суша казалась юному путешественнику продолжением моря. Город словно покачивался на волнах – ненадежный, призрачный, бесконечно изменчивый. Таким было первое впечатление Джахана от Стамбула. Тогда он и предположить не мог, что подобное впечатление столица великой империи будет производить на него и многие годы спустя.

Мальчик медленно прошелся по палубе. Поскольку матросы были заняты, никто не ворчал, что он путается под ногами. Джахан пробрался на нос корабля, чего никогда прежде ему сделать не удавалось. Ветер ударил ему в лицо, но он не обращал на это внимания. Мальчик смотрел вперед, пытаясь лучше разглядеть очертания города, расплывавшиеся в тумане. Но вот дымка рассеялась, как будто чья-то невидимая рука отдернула занавес. Теперь город, сверкающий под лучами солнца, был виден как на ладони. Стамбул раскинулся на холмах, на склонах которых тут и там зеленели кипарисовые рощи. Чутье сразу подсказало Джахану, что этот город таит в себе поразительные противоречия. Стамбул умел изменять самому себе и предавать тех, кто ему доверился. Он мог мгновенно менять настроение, в совершенстве владел искусством быть одновременно и милостивым, и бессердечным. Этот город обладал способностью щедро дарить и тут же отбирать свои дары обратно. Одержимый неумемным стремлением расти и тянущийся к небесам, он изнемогал от желаний, которые никогда не исполнялись. И мальчик, маленький чужестранец, впервые приближавшийся к берегам Стамбула, уже ощущал его неодолимое очарование.

Джахан поспешно спустился в трюм. Там в клетке томился слон, вялый и апатичный, вконец измотанный дальней дорогой.

– Чота, берег уже совсем близко! – воскликнул Джахан. – Скоро тебя отсюда выпустят!

Тут голос его слегка дрогнул, ибо он толком не представлял, что ожидает на новом месте его самого и его гигантского подопечного. Впрочем, это не имело особого значения. Какие бы неприятности ни встретили их обоих на суше, они наверняка не могли сравниться с тяготами изнурительного морского путешествия.

Чота, бессильно лежавший на соломе, никак не отреагировал на обращенные к нему слова. Глядя на неподвижного гиганта, мальчик даже испугался: а вдруг слон умер? Но потом увидел, что бока у того слегка вздымаются, и вздохнул с облегчением. Тем не менее слон был измучен донельзя: глаза его потухли, а кожа стала дряблой. Со вчерашнего дня бедняга ничего не ел и толком не спал. На нижней челюсти у него вздулась огромная опухоль, хобот распух. Пытаясь облегчить страдания своего питомца, Джахан без конца поливал ему голову водой. Но поскольку иной воды, кроме морской, в его распоряжении не было, то кожа несчастного животного воспалилась от соли и покрылась пятнами.

– Когда мы окажемся во дворце, я с ног до головы вымою тебя чистой водой, – пообещал мальчик.

Джахан бережно приложил к опухоли куркуму. За недели, проведенные в море, слон страшно исхудал. Последние дни путешествия были для него особенно мучительными.

– Вот увидишь, как славно мы заживем, – утешал его мальчик. – Султан тебя полюбит, даже не сомневайся. И все его наложницы тоже будут тебя баловать и приносить гостинцы. – Потом, решив, что следует предусмотреть все возможности, Джахан добавил: – А если вдруг они станут плохо к тебе относиться, мы убежим, только и всего. Не бойся, Чота, мы с тобой не пропадем!

Джахан мог бы еще долго разговаривать со своим питомцем, но тут на лестнице раздались торопливые шаги, и в трюм ворвался матрос.

– Живо иди к капитану! – скомандовал матрос. – Он хочет с тобой поговорить!

Несколько минут спустя мальчик уже стоял перед дверью капитанской каюты, из-за которой доносился сухой кашель, перемежавшийся сплевыванием. Джахан ужасно боялся этого человека, хотя и старался не показывать вида. Капитан Гарет был известен всем и вся под двумя прозвищами: Гяур (то есть Неверный) Гарет и Делибаш Рейс – Безумный Капитан (так его окрестили за неистовый нрав). Гарет мог вполне добродушно шутить и смеяться с кем-нибудь из матросов, а мгновение спустя выхватить из ножен саблю и изрубить бедолагу на куски. Джахан видел это собственными глазами.

Никто на свете не знал, по какой причине этот старый морской волк, уроженец приморского английского города, большего всего на свете любивший свинные отбивные с кровью и крепкий эль, предал свою страну и перешел на службу Османской империи. Эту тайну Гарет хранил в своем сердце и собирался унести с собой в могилу. Благодаря редкому бесстрашию, капитан стал известен и почитаем в серале. Султан был потрясен, узнав, что в сражениях с английской флотилией ни один из оттоманских капитанов не мог сравниться с Гаретом в отваге и ярости. Тем не менее Сулейман не доверял гяуру, хотя и обещал тому покровительство и защиту. Он знал: нельзя полагаться на верность человека, способного вонзить нож в чужую спину. Пес, некогда укусивший кормившую его руку, может сколько угодно выражать преданность своему нынешнему хозяину, однако рано или поздно настанет час, когда он вонзит зубы и в его плоть тоже.

Набравшись храбрости, Джахан вошел в каюту. Капитан сидел за столом. Сегодня он показался мальчику не таким грозным, как обычно. Его темная включенная борода была тщательно вымыта, расчесана, смазана маслом и приобрела более светлый, рыжевато-коричневый оттенок. Даже огромный шрам, который пересекал левую щеку капитана и тянулся от уха до рта, выглядел не таким зловещим. К тому же в честь прибытия в Стамбул Гарет переделался: темно-коричневую свободную рубаху сменила белая, ослепительно-чистая сорочка, а потертые кожаные штаны – шаровары из тонкой шерсти. На шее у него красовалось ожерелье из бирюзы – камня, предохраняющего от дурного глаза. Свеча, стоявшая на столе, почти догорела; рядом с ней лежала растрепанная книга, в которой капитан вел учет ценностям, награбленным во время плавания. Увидев мальчика, он поспешно закрыл книгу, хотя в этом не было ни малейшей нужды. Джахан не умел читать. Он не любил буквы, предпочитая им рисунки. А еще ему очень нравилось самому изображать различные фигуры и силуэты. Джахан рисовал всегда и везде, где только было можно, рисовал на любой поверхности – на земле, на песке, на телячьих и козлиных кожах. За время путешествия он создал множество портретов матросов и изображений корабля.

– Видишь, парень, я сдержал свое слово. Доставил тебя в Стамбул в целости и сохранности, – произнес капитан и яростно сплюнул, ловко попав в стоявшую поодаль плошку.

– Слон болен, – не глядя на капитана, сказал мальчик. – Вы не позволили мне выпустить его из клетки, вот он и заболел.

– Он поправится, как только окажется на суше, – снисходительно бросил капитан. – Да и в любом случае, тебе-то что за печаль? Разве это твой слон?

– Нет, этот слон принадлежит султану.

– Правильно, малец. И если ты сделаешь, как я скажу, мы все останемся в выигрыше.

Джахан уперся взглядом в пол. Ранее капитан уже упоминал о своих намерениях, но мальчик надеялся, что Гарет от них откажется. Как выяснилось, надеялся напрасно.

– Султанский дворец до отказа набит золотом и драгоценными камнями. Настоящий рай для воров, – изрек Гарет. – Когда ты туда попадешь, то без труда сумеешь стащить уйму всевозможных ценностей. Только не бери сразу слишком много. Если турки тебя поймут, мигом отрубят руки, можешь не сомневаться. Брать надо осторожно, понемногу.

– Да ведь там наверняка повсюду стражники...

Капитан вихрем налетел на мальчика:

– Ты что, отказываешься? Или, может, ты забыл, что случилось с тем несчастным погонщиком?

– Не забыл, – одними губами прошептал Джахан.

– Помни, тебя ожидал такой же конец! Да без моей помощи жалкому мальчишке вроде тебя ничем бы не выжить.

– Я очень вам благодарен, – выдал из себя мальчик.

– Так докажи свою благодарность не только словами, но и делом.

Капитан закашлялся, брызгая слюной, снова сплюнул и прошипел, притянув собеседника к себе:

– Если бы не я, ребята изрубили бы твоего слона на куски и скормили акулам. А что касается тебя... они бы славно с тобой позабавились, все по очереди. А потом продали бы в бордель. Но я за вас заступился, за тебя и за эту скотину. Так что, малец, ты мой должник по гроб жизни. И ты сделаешь все, что я скажу. Назовешься погонщиком слона и проникнешь в сераль.

– Но там же сразу поймут, что я не умею обращаться со слонами, – попытался возразить Джахан.

– Никто ничего не поймет, если ты будешь вести себя по-умному, – усмехнулся капитан и схватил мальчика за плечо, обдав его кислым запахом виски. – А ты будешь вести себя по-умному. Потому что ты смысленный парень. Я подожду, пока ты там освоишься, оглядишься по сторонам. А после сам тебя отыщу. И ты сделаешь все, что я скажу. А если вздумаешь мне перечить, пеняй на себя! Богом клянусь, я выпотрошу тебя живьем! А может, и не стану о тебя руки марать. Просто расскажу, что ты самозванец. Знаешь, какая участь ждет того, кто дерзнул обмануть султана? Беднягу подвешивают на железном крюке, и он болтается так, пока не умрет. Дня два, не меньше, а то и целых три. Только вообрази себе, малец, эти веселые денечки. Да ты будешь умолять о смерти как о великой милости.

Тут Джахан, изловчившись, вырвался из железной хватки капитана, выскочил из каюты и стрелой помчался по палубе. Прыгая через ступеньки, он спустился в трюм и калачиком свернулся на полу рядом со слоном. Увы, его единственный друг был лишен дара речи и не мог сказать ему ни слова утешения и поддержки. Поглаживая Чоту по хоботу, Джахан разрыдался, как маленький. Впрочем, он и был еще совсем ребенком.

Наконец корабль бросил якорь у пристани, и началась разгрузка. Мальчик прислушивался к шуму, доносившемуся сверху. Высунуться из трюма он не решался, хотя умирал с голоду и отчаянно хотел вдохнуть свежего воздуха.

«Любопытно, куда подевались крысы? – думал Джахан. – Неужели они, как положено благовоспитанным пассажирам, сошли на берег, едва корабль оказался в гавани?» Он представил, как хвостатые грызуны гуськом спускаются по трапу, а потом стремительно разбегаются по улицам и закоулкам Стамбула.

Наконец терпение Джахана иссякло, и он поднялся на палубу. К великому его облегчению, она была пуста. Скользя глазами по пристани, мальчик увидел, что капитан беседует с каким-то человеком в богатом одеянии и высоком тюрбане. Вне всякого сомнения, то было какое-то высокопоставленное лицо. Капитан заметил мальчика и сделал ему знак подойти. Джахан повиновался, сбежал по шаткому трапу и приблизился к ним.

– Капитан сказал, что ты погонщик слона, – изрек незнакомец.

На долю мгновения Джахан заколебался, но потом счел, что опровергать эту ложь не в его интересах.

– Да, эфенди, – кивнул он. – Я прибыл из Индии вместе со слоном.

– Вот как? – На лице чиновника отразилось подозрение. – Когда же ты научился говорить на нашем языке?

Джахан ожидал этого вопроса.

– При дворе шаха, эфенди. А еще на корабле. Мне очень помог капитан Гарет.
– Тем лучше, – бросил чиновник. – Мы заберем слона завтра утром. Прежде надо закончить разгрузку судна.

Неожиданно для самого себя Джахан упал на колени и взмолился:

– Прошу вас, эфенди, не надо медлить. Слон серьезно болен. Он умрет, если останется в трюме еще на одну ночь.

На этот раз на лице чиновника мелькнуло удивление.

– Вижу, ты действительно привязан к этому животному, – заметил он.

– О, Джахан – очень славный мальчик. Такой заботливый, – подхватил капитан и растянул губы в улыбке, плохо сочетавшейся с его ледяным взглядом.

* * *

Вывести слона из трюма поручили пятерым матросам. Бросая на животное взгляды, исполненные отвращения, и проклиная его на чем свет стоит, они обвязали слона веревками и принялись тянуть изо всех сил. Чота не шелохнулся. Мальчик наблюдал за багровыми от натуги матросами, и тревога его росла с каждым мгновением. Убедившись, что их усилия бесплодны, моряки решили поднять слона наверх вместе с клеткой. Для этого пришлось разобрать часть палубы и с четырех сторон привязать к прутьям клетки тросы, обмотанные вокруг колец из старого дуба. Когда все было готово, матросы взялись за кольца и попытались сдвинуть клетку с места. Они пыхтели от напряжения, пот катился с них градом, а мускулы вздувались горой. Постепенно клетка начала подниматься, но вдруг замерла в воздухе. Люди, стоявшие на пристани, изумленно глазели на слона, которого было хорошо видно сквозь прутья клетки. Гигантское животное парило в воздухе, словно даббат аль-ард – диковинное создание, полуживь-полуптица, которое, как утверждают имамы, явится на землю в день Страшного суда. Толпа становилась все более густой. Кто-то пришел на помощь матросам, и вскоре уже все люди, собравшиеся в порту, или смотрели на слона, или содействовали его выгрузке. Джахан в волнении носился туда-сюда. Он тоже хотел помочь, однако не знал как.

Но вот клетка с оглушительным грохотом опустилась на причал. Несчастный зверь ударился головой о потолок. Матросы, опасаясь, что слон их затопчет, не хотели выпускать его из клетки. Мальчику пришлось долго убеждать их, что Чота никому не причинит вреда.

Когда слона наконец вывели наружу, ему отказали ноги, и он рухнул на пристань, словно марионетка, лишившаяся кукловода. Донельзя измученный, слон отказывался двигаться. Веки его были опущены, словно он не желал видеть людей, суевившихся вокруг. А они толкали его, пинали, стегали и осыпали проклятиями, пытаясь заставить подняться. Наконец им удалось загнать слона на огромную подводку, запряженную дюжиной лошадей. Джахан как раз собирался присоединиться к своему питомцу, когда на плечо ему легла чья-то тяжелая рука.

Это был капитан Гарет.

– Прощай, сынок, – сказал он так громко, чтобы его слышали все, кто стоял вокруг, и добавил шепотом: – Удачи, мой маленький мошеник. Помни, я жду бриллиантов и рубинов. А если вдруг не дождусь, придется отрезать тебе яйца.

– Я все сделаю, – пробормотал Джахан, но слова эти, едва они сорвались с его губ, унес ветер.

Хватка капитана ослабла, и мальчик запрыгнул на подводку.

Подвода двинулась по городским улицам. Люди, пораженные диковинным зрелищем, в страхе жались к стенам домов. Женщины прижимали к себе детей, нищие прятали чашки для сбора милостыни, старики крепче сжимали свои палки, словно намереваясь защищаться.

Христиане осеняли себя крестом, мусульмане читали суры, отгоняющие шайтана, евреи просили у Бога защиты. Европейцы провожали подводу взглядами, в которых недоумение смешивалось с благоговением. Здоровенный казак побледнел, будто увидел призрак. Его испуг был таким наивным и откровенным, что Джахан невольно рассмеялся. Только дети ничуть не боялись белого гиганта, напротив, глаза их сияли от восторга и удивления.

Взгляд Джахана скользил по зарешеченным окнам домов – в некоторых виднелись женские лица, наполовину скрытые покрывалами, – по ярко раскрашенным птичьим домикам на стенах, по куполам и крышам, на которых горели последние отсветы закатного солнца, по деревьям – каштанам, липам, айвам – их в этом городе было не перечесть. А еще здесь на каждом шагу встречалось множество чаек и кошек: как видно, тем и другим в Стамбуле была предоставлена полная свобода. Чайки, дерзкие и наглые, кругами носились над улицами, время от времени снижаясь, чтобы выхватить рыбу из корзины рыбака, стащить кусок жареной печени с подноса уличного торговца или пирог, который хозяйка оставила остужаться на подоконнике. Судя по всему, здесь это было в порядке вещей. Если кто-то и отгонял птиц, то делал это лениво, без всякого раздражения.

Провожатый, оказавшийся весьма словоохотливым, рассказал Джахану, что в городе очень много ворот, и даже сообщил их точное число – двадцать четыре. Еще он объяснил, что этот громадный город на самом деле состоит из трех, и называются они Стамбул, Галата и Скутари. Мальчик заметил, что люди здесь носят одежду разных цветов, но не мог понять, какому правилу они при этом следуют. Водоносы тащили изящные фарфоровые кувшины, уличные торговцы предлагали всякую всячину, от мускуса до сушеной макрели. Повсюду стояли крохотные деревянные домики, в которых торговали каким-то напитком в глиняных чашках.

– Шербет, – пояснил чиновник и облизнулся.

Мальчик понял, что речь идет о каком-то лакомстве, но понятия не имел, на что этот шербет похож.

Его попутчик меж тем продолжал свой рассказ:

– Вон тот парень – грузин, а этот – армянин. Тощий оборванец, что стоит на углу, – дервиш, а рядом с ним – драгоман, переводчик. Видишь того толстяка в зеленом халате? Это имам. Только служители Аллаха имеют право носить зеленый цвет, излюбленный Пророком. Там, за углом, будет пекарня, ее владелец – грек. Надо признать, что эти неверные умеют печь вкусный хлеб. Только не вздумай покупать его у них, они осеняют крестом каждую буханку. Стоит проглотить хотя бы кусочек, и ты тоже станешь неверным. А вон в той лавке торгует еврей. Он продает цыплят, но сам не может убивать птиц и нанимает для этого работника. А этот малый в овечьей шкуре на плечах и с кольцами в ушах – торлак. Святая душа, как считают некоторые. А по мне, так просто бездельник и ничего больше. Посмотри-ка, а вон там янычары. Их очень легко узнать, ведь им запрещено отращивать бороды, так что у них только усы.

Головы мусульман венчали тюрбаны, евреи носили красные шапки, а христиане – черные. Арабы, курды, казаки, татары, албанцы, болгары, греки, абхазы, армяне, грузины, черкесы... Их тени на мостовых пересекались и сливались, но каждый из них ходил своим путем.

– В этом городе живет семьдесят два народа, точнее – семьдесят два с половиной, – пояснил чиновник. – У каждого свой квартал, и пока все соблюдают границы, в Стамбуле царит мир.

– Вы сказали: семьдесят два с половиной. А как это – половина народа? – любопытствовал Джахан.

– Да я имел в виду цыган. Это бродячее племя, которому нельзя доверять. Им запрещено ездить на лошадях, так что они передвигаются исключительно на ослух. Жениться

цыганам тоже запрещено, но они все равно плодятся как кролики. У этого сброда нет ни стыда ни совести. Если увидишь где-нибудь свору этих вонючих оборванцев, беги от них со всех ног.

Джахан кивнул, твердо решив держаться подальше от представителей этого ужасного племени. День меж тем догорел, последние лучи заката погасли, стали сгущаться сумерки. Улицы опустели, дома на них встречались все реже.

– Прежде чем показывать султану слона, надо привести его в порядок, – сказал мальчик. – Подарок великого индийского падишаха Хумаюна должен иметь надлежащий вид.

Чиновник удивленно вскинул бровь:

– Ты что, парень, не знаешь? Твой падишах теперь уже не падишах.

– Что вы имеете в виду, эфенди?

– Да то, что, пока ты болтался в море, твоего Хумаюна сбросили с трона. Теперь он больше не правит Индией. По слухам, все, что у него осталось, – жена да пара верных слуг.

Джахан прикусил губу. Какая участь ожидает слона теперь, когда правитель, пославший его в дар, стал никем? Если султан Сулейман решит отослать его обратно, несчастное животное умрет на корабле.

– Чота не переживет еще одного морского путешествия, – прошептал мальчик, едва сдерживая слезы.

– Да не расстраивайся ты понапрасну. Никто не собирается отправлять эту скотину обратно, – успокоил ребенка чиновник. – В придворном зверинце полным-полно всякого зверья, но слона, да еще белого, у султана никогда не было.

– Как вы думаете, султан его полюбит?

– Полюбит? Да он наверняка позабудет о слоне, едва взглянув. У правителя есть дела и поважнее. А вот султанша... – Тут чиновник осекся, не договорив, и вперился глазами вдаль.

Проследив за его взглядом, Джахан увидел впереди, на высоком холме, скопище громадных зданий. Факелы, горевшие на их стенах, мерцали в сумерках, многочисленные ворота были плотно закрыты, словно уста, хранившие секреты.

– Это и есть дворец? – благоговейно выдохнул Джахан.

– Да, это дворец, – ответил чиновник так гордо, словно дворец принадлежал его отцу. – Перед тобой сераль, обиталище владыки Востока и Запада. Смотри, какая красота.

Но мальчик и так смотрел во все глаза.

«Наверное, все покои там обиты шелком и парчой, – подумал он. – А потолки такие высокие, что эхо многократно повторяет людские голоса. Султанша так красива, что на нее больно смотреть, и с ног до головы увешана огромными бриллиантами, каждый из которых имеет собственное имя, звучное и нежное».

Подвода проехала мимо Имперских ворот. Суровые лица стражников, стоявших у ворот в карауле, остались непроницаемыми, словно они видели белых слонов каждый день. У Средних ворот, с обеих сторон украшенных остроконечными башнями, подвода остановилась. Джахан и его спутник спрыгнули на землю. В нос мальчику ударил резкий запах гниения. Оглядевшись по сторонам, он увидел у стены виселицы и похолодел. Виселиц было три, и на каждой была водружена отрубленная голова – разлагающаяся, распухшая, с вывалившимся языком. Мальчик уловил едва заметное шевеление и содрогнулся, представив сотни червей, пожирающих человеческую плоть.

– Предатели, – процедил чиновник и презрительно сплюнул.

– Но какие злодеяния совершили эти люди? – дрожащим голосом спросил Джахан.

– Я же сказал, их покарали за предательство. А может, и за что-нибудь другое. Например, за воровство. Так или иначе, парень, будь уверен: ни один проступок не остается здесь безнаказанным.

Голова у Джахана шла кругом, когда он на дрожащих ногах вошел в ворота. Впереди виднелись колонны здания столь колоссального, что мальчик рядом с ним чувствовал себя жалким и ничтожным. Язык у бедняги от страха прилип к гортани, щеки побелели. Больше всего ему хотелось немедленно удрать, со всех ног убежать отсюда. Но поскольку он не мог бросить слона, оставалось лишь положиться на милость судьбы. И, словно осужденный, поднимающийся на виселицу, Джахан вошел во дворец султана Сулеймана.

* * *

В тот вечер, как и во множество последующих дней и вечеров, проведенных в серале, мальчик видел лишь массивные стены и тяжелые кованые двери. Стены окружали внутренний двор, такой просторный, что, казалось, он может вместить целый мир. Что скрывается там, за стенами, оставалось тайной. Джахан догадался, что можно прожить во дворце всю жизнь, даже краешком глаза не взглянув на его роскошь и великолепие.

Их с Чотой отвели в просторный сарай с земляным полом, тростниковой крышей и высоченным потолком – новое жилище слона. Там их встретил угрюмый жилистый человек неопределенного возраста. Звали его Тарас Сибиряк, и он обладал удивительными пальцами, способными исцелять животных. Правда, на людские недуги его дар не распространялся. Лошадей было не видеть, но мальчик слышал, как они ржут и бьют копытами где-то поблизости, обеспокоенные соседством слона.

– Кони ненавидят слонов, так уж повелось с незапамятных времен, – пояснил Тарас. – Причем ненависть эта совершенно безосновательна, ведь слоны никогда не причиняют лошадям вреда. По крайней мере, я об этом ни разу не слышал, – добавил он.

Тарас тщательно осмотрел слона – глаза, рот, хобот, исследовал его помет. Бросил сердитый взгляд на Джахана, явно считая его главным виновником того плачевного состояния, в котором находилось животное. Мальчик чуть не сгорел от стыда заживо. Они оба совершили долгое путешествие на корабле, но Чота пребывал на грани жизни и смерти, а он сам был здоров и свеж, как молодой месяц.

Не говоря ни слова, Тарас осторожно смазал опухоль под челюстью слона какой-то невероятно вонючей мазью, а потом засунул его хобот в мешок, наполненный измельченными листьями и ароматной смолой: позднее Джахан узнал, что она называется мирра. Желая быть полезным, мальчик принес ведро свежей воды, которое поставил рядом с горами приготовленной для слона пищи: зеленых веток, яблок, капусты и зерна. После ужасной еды, которой беднягу кормили на корабле, то было настоящее пиршество. Но Чота даже не взглянул на угощение.

В сердце мальчика закралась ревность. С одной стороны, он отчаянно желал, чтобы Тарас вылечил животное, но с другой – боялся, что исцеленный слон полюбит своего спасителя сильнее, чем старого друга. Конечно, Чота был прислан в дар султану Сулейману, но в глубине души Джахан ощущал, что слон принадлежит ему.

Когда, раздираемый противоречивыми чувствами, Джахан вышел во двор, какой-то человек приветствовал его белозубой улыбкой. То был индус по имени Санграм. Обрадованный тем, что рядом будет жить его соотечественник, с которым он сможет поговорить на родном языке, Санграм бросился к мальчику, как иззябшая кошка к печке.

– Khush Amdeed, yeh ab aarka gahaish gah hai! Добро пожаловать, теперь это твой дом! – приветствовал индус Джахана.

Мальчик недоуменно уставился на него.

– Ты что, не понимаешь меня? – спросил Санграм по-турецки.

– В наших краях говорят на другом наречии, – нашелся Джахан.

Он рассказал индусу, что деревня, где он родился, расположена высоко в горах, выше облаков, так что дома там касаются крышами небесного свода. Голос его слегка дрожал, когда он повествовал о своих сестрах и покойной матери.

Санграм смотрел на него с удивлением. Казалось, он хочет перебить мальчика и сказать что-то важное. Но потом, оставив свое намерение, индус снова расплылся в приветливой улыбке:

– Что ж, теперь идем со мной. Познакомлю тебя с остальными.

Они двинулись по тропе, петлявшей между садовыми павильонами, мимо пруда, в котором, по словам Санграма, водилась самая разнообразная рыба. По пути индус рассказывал о местных нравах и обычаях. Мальчика куда больше интересовала жизнь обитателей дворца, но всякий раз, когда он осмеливался задать волнующий его вопрос, ответом было предостерегающее «ш-ш-ш». Тем не менее Джахан кое-что уяснил. Так, например, он узнал, что в дворцовом зверинце содержатся львы, пантеры, леопарды, обезьяны, жирафы, гиены, олени, лисы, горностаи, рыси, дикие собаки и кошки. Правда, пока он никого из них не видел и даже не слышал, но новый знакомый заверил Джахана, что очень скоро у него будет возможность вдоволь насмотреться на животных. А также познакомиться со слугами, в обязанности которых входит кормить, поить, холить и лелеять обитателей зверинца.

Санграм сообщил мальчику, что здесь содержатся только те звери, которые отличаются свирепым нравом, диковинным видом или же поразительной красотой. Недавно в зверинец прибыл носорог из Абиссинии, но, к сожалению, этот редкий зверь вскоре умер. Животных, которых тут слишком много, отсылают в другие города, вместе со слугами, которые за ними смотрят. Такая же участь постигает и зверей, которые надоедают султану или же попросту не нравятся ему. Самые крупные экземпляры содержатся в старом дворце Порфиrogenита. Этот императорский дворец, некогда служивший обиталищем отпрысков знатнейших византийских родов, ныне превращен в зверинец. Все прочие животные помещаются в бывшей христианской церкви поблизости от Айя-Софии. Именно там, скорее всего, со временем поселят и слона. Но пока его решили держать в серале: ведь, несмотря на свои размеры, Чота смирен и безобиден, как малый ребенок, да к тому же обладает удивительным белым окрасом.

Индус пояснил, что некоторые служители зверинца родом из дальних уголков империи, а другие – с крохотных островков, которых не отыщешь ни на одной карте. С рассвета до заката те звери и птицы, что не представляют опасности: газели, павлины, косули и страусы, – свободно бродят по саду, выходя из своих вольеров когда им вздумается. В общем-то, придворный зверинец – это настоящий маленький мир. И хотя этот мирок населен дикими животными, нравы там куда менее кровожадные, чем в городе, который раскинулся за его стенами.

Особой близости между работниками зверинца нет. Как леопард не станет дружить с газелью, так и люди, которые за ними ухаживают, не водят друг с другом компанию. Те, на чьем попечении находятся особо опасные хищники, как правило, держатся особняком. Правда, платят им ничуть не больше, чем прочим, да и кормят их тоже ничуть не лучше. Но среди сотен слуг, которые трудятся во дворце, люди, способные повелевать грозными хищниками, пользуются наибольшим уважением.

Джахана поселили в кирпичной пристройке, притулившейся к одной из стен. Кроме него, там было еще девять жильцов. Олев, здоровенный детина с огненно-рыжими волосами и такими же усами, смотрел за львами. Египтянина с раскосыми глазами, который ухаживал за жирафом, все называли Дара. С ног до головы покрытый шрамами африканец, ухаживавший за крокодилами, откликнулся на имя Като. Два китайца, братья-близнецы, присматривали за обезьянами и, как вскоре выяснил Джахан, питали пристрастие к гашишу. Человек, который ухаживал за медведем, носил имя Мирка и, благодаря широким плечам и тяжелым ногам, немного походил на своего питомца. На попечении двух черкесов находились породистые лошади. Тут же проживал и Тарас, звериный лекарь, с которым мальчик уже познакомился. Новые соседи встретили Джахана неприветливым молчанием. Судя по всему, они никак не ожидали, что погонщик слона окажется мальчишкой. Смысл многозначительных взглядов, которыми они обменялись, остался Джахану непонятен.

Санграм принес мальчику миску султача – риса, сваренного в сладком молоке.

– Поешь, это блюдо напоминает о доме, – сказал он и добавил шепотом: – Еда здесь далеко не такая вкусная, как у нас в Индии. Но ничего не поделаешь, придется тебе привыкать.

Джахан жадно набросился на угощение. Все остальные по-прежнему взирали на него с молчаливым любопытством. Мальчик не утолил терзавший его голод, но больше никакой еды ему не предложили. Зато выдали одежду, которую отныне следовало носить: светлую рубашку с широкими рукавами, шерстяной жилет, шаровары и мягкие кожаные башмаки. После того как Джахан переоделся, они с Санграмом вышли прогуляться. Оказавшись во дворе, новый товарищ Джахана сунул себе в рот кусок чего-то, внешне очень напоминавшего воск, и принялся жевать. Тогда Джахан еще не знал, что в состав этой пасты входят различные специи и опиум. Через некоторое время Санграм повеселел, морщины на его лбу разгладились, а язык развязался. Он поведал Джахану о кодексе молчания, установленном султаном Сулейманом в серале. Конечно, с особой неукоснительностью этот кодекс соблюдается в ближайших к покоям повелителя внутренних дворах – третьем и четвертом. Но даже тем, кто живет во втором и первом дворах, следует соблюдать тишину. Громкие разговоры и смех здесь строго-настрого запрещены.

– А петь можно? – спросил Джахан. – Чота любит, чтобы перед сном ему пели колыбельные.

– Петь... – задумчиво повторил Санграм, как если бы значение этого слова было не вполне ему понятно. – Ну, если только совсем тихонечко.

Они дошли до высокой стены и остановились. Темные ели стояли вдоль нее, точно стражники, их ветви образовывали подобие навеса.

– Никогда не заходи за эту стену, – сказал Санграм, и голос его прозвучал жестко и непрекаемо.

– Почему?

– Здесь не нужно спрашивать. Здесь нужно слушать старших.

Внутри у мальчика что-то болезненно сжалось. Должно быть, Санграм заметил его растерянность, потому что сказал:

– Твое лицо тебя подводит.

– Что?

– Когда ты рад, это сразу видно. Когда испуган – тоже. – Санграм покачал головой. – Женщины не умеют скрывать своих чувств, потому что слишком слабы. Им повезло, что они прячут лицо под покрывалом. А мужчина должен уметь управлять своим лицом.

– Но как этому научиться?

– Запечатая свое сердце, и тогда твое лицо станет непроницаемым, – последовал ответ. – А если ты этого не сделаешь, то вскоре и твое лицо, и твое сердце станут добычей червей.

* * *

Примерно час спустя Джахан, лежа на жестком соломенном тюфяке, прислушивался к ночным звукам, доносившимся снаружи. То была его первая ночь в Стамбуле, и сон никак не шел к мальчику. Где-то ухнула сова, вдалеке залаяла собака. В сарае тоже хватало всякого рода звуков. Его обитатели громко храпели, ворочались, выпускали газы и скрипели зубами. Кто-то разговаривал во сне на незнакомом мальчику языке. Джахан тоже внес свою лепту в общий хор – его голодный желудок громко урчал. Он попытался нарисовать в воображении какое-нибудь сытное блюдо, например мясо с пряностями. Но за мыслью о вкусной еде всегда следовала мысль о матери, а вспоминать о ней было слишком мучительно. Решив, что лучше вообще ни о чем не думать, Джахан повернулся к окну, где виднелся кусок темного

неба, столь не похожий на безбрежный свод, который он видел над своей головой в течение нескольких недель, что плыл на корабле. А сон все не шел. Джахан даже подумал, что вообще разучился спать, но тут усталость взяла свое и веки его сомкнулись.

Проснулся он внезапно, вырвавшись из власти смутных, тревожных видений. Кто-то тяжело дышал ему в шею и терся о его бедра. Мальчик не успел и слова сказать, как грубая рука зажала ему рот, а другая скользнула в шаровары. Джахан попытался вырваться, но человек, лежавший рядом, был намного сильнее. Он прижал бедного мальчика к тюфяку так, что тот не мог шевельнуться, и надавил ему на грудь. Джахан отчаянно хватал ртом воздух. Насильник, догадавшись, что едва не задушил его, слегка ослабил хватку. Тут Джахан изловчился и впился злоумышленнику зубами в большой палец. Тот злобно заворчал и отдернул руку. Джахан, сотрясаемый мелкой дрожью, вскочил на ноги. В слабом свете свечи он разглядел массивную фигуру работника, ухаживавшего за медведем.

– Иди ко мне, – прошипел Мирка.

Судя по всему, он вовсе не хотел, чтобы о его ночных делах узнали остальные. Джахан моментально сообразил, как надо действовать, и, пренебрегая дворцовым кодексом молчания, заорал во всю глотку. О том, какая участь его ожидает, если на крик сбегутся стражники, мальчик не думал.

– Если ты еще хоть раз меня тронешь, мой слон тебя затопчет! – кричал он. – Да от тебя мокрого места не останется!

Мирка поспешно натянул шаровары и, не глядя на соседей – все они, разумеется, проснулись, – направился к своему тюфяку.

– Плевать я хотел на твоего слона, – бормотал он себе под нос. – К тому же это даже и не слон еще, а слоненок.

– Чота скоро вырастет. А для того чтобы тебя затоптать, он достаточно велик и сейчас.

Джахан поймал одобрительный взгляд, который бросил в его сторону рыжий Олев, укротитель львов.

– Послушай меня, Мирка! – подал Олев голос из своего угла. – Если ты, ублюдок, тронешь мальчишку хоть пальцем, я оторву тебе яйца и приколочу их к стене. Понял?

– Заткнись! – процедил Мирка.

С бешено бьющимся сердцем мальчик свернулся на своем тюфяке – на этот раз спиной к окну, лицом к соседям, от которых, как выяснилось, можно было ждать всяческих неприятностей. Он понял: во дворце всегда, даже во сне, следует быть начеку. Нет, долго он здесь не останется, решил Джахан. Надо побыстрее выяснить, где султан хранит свои сокровища, набить полные карманы драгоценных камней и дать деру. С горечью он подумал о разлуке с белым слоном. Но Чота был собственностью султана, а он, Джахан, нет.

Мальчик не знал, что его питомец тоже не спит сейчас в своем сарае: прислушивается к незнакомым звукам и тревожно переступает с ноги на ногу. В непроглядной черноте ночи, такой густой, что она поглощала все прочие цвета, слон уловил запах единственного животного, внушавшего ему страх, – тигра.

* * *

Никому не было в точности известно, сколько человек обитает за дворцовыми стенами. Тарас Сибиряк, живший здесь дольше прочих, говорил, что людей во дворце так же много, как звезд на небе, как волос в бороде пилигрима, как тайн, которые разносит по земле морской ветер. Те, кто любил более точные цифры, утверждали, что население сераля составляет около четырех тысяч человек. Джахан частенько смотрел на гигантские ворота, отделяющие их внутренний двор от следующего, и пытался представить себе, что же там происходит.

Таинственная жизнь обитателей дворцовых покоев возбуждала любопытство не у одного только Джахана. Это было излюбленной темой разговоров среди работников зверинца. Они постоянно обсуждали вполголоса, вкусную ли халву готовит новый повар, справляется ли со своими обязанностями церемониймейстер и велика ли опасность, которой ежедневно подвергается раб, пробуящий все блюда, что подаются на стол султана. Каждую дворцовую сплетню, любой долетавший до них слух работники зверинца обсасывали, словно кусочек жженого сахара. Но конечно, наиболее жгучий интерес у них вызывали наложницы правителя. Одалиски, эти пленительные создания, на которых никому, за исключением самого султана и его евнухов, не дозволялось взглянуть даже краешком глаза, разжигали воображение и воспламеняли фантазию. Пытаясь их представить, товарищи Джахана мысленно рисовали образы, соблазнительность которых граничила с непристойностью. Делиться друг с другом своими фантазиями они не отваживались, ведь любые разговоры о фаворитках султана, даже те, что велись едва слышным шепотом, находились под строжайшим запретом. Впрочем, когда дело касалось султанши, запрет этот постоянно нарушался: слуги ненавидели эту женщину так сильно, что не могли отказать себе в удовольствии приписывать ей все мыслимые пороки.

Об обычаях и нравах гарема ходило множество слухов: иногда правдивых, иногда весьма далеких от действительности. Говорили, что ворота гарема охраняют чернокожие евнухи, лишённые мужского естества столь жестоким способом, что мочиться они могут лишь с помощью особой трубки, которую всегда носят при себе. Как известно, ислам запрещает кастрацию не только людей, но и животных, так что эта операция обычно выполнялась руками специально нанятых христиан и иудеев. Их отправляли на кораблях к берегам Африки, где они ловили подростков и кастрировали их. Некоторые мальчики умирали; тех же, кто выживал, отправляли в Стамбул. Не всем удавалось выдержать долгое изнурительное путешествие, и морские пучины принимали множество изувеченных детских тел. Лишь немногих, самых сильных и самых удачливых, ожидала высокая честь стать султанскими евнухами. Считалось, что потеря мужского естества – ничтожная плата за столь головокружительную карьеру. Впрочем, так думали не все. Санграм, например, часто повторял, что несчастным детям не только отрезают яйца, но и разбивают сердца. Став жертвами жестокости, они стремятся потом отплатить всему миру жестокостью еще большей и не знают ни снисхождения, ни пощады. Если какая-нибудь наложница попытается сбежать из гарема, евнухи расправятся с нею без всякой жалости, чтобы другим неповадно было последовать ее примеру.

Гарем, самая сокровенная часть дворца, был исполнен скрытого могущества. Его называли даруссаде – обитель счастья. Все покои гарема были связаны потайными коридорами с опочивальней валиде-султан – такой титул носила мать султана. В течение многих лет она каждый день следила за тем, что сотни женщин едят и пьют, какую одежду носят, какими делами заняты. Ни одна чашка кофе в гареме не была сварена без ее разрешения, ни одна песня не была пропета без ее одобрения. И уж конечно, она, и только она, решала, какой из наложниц следует предстать пред ясные очи повелителя. Главный черный евнух был ее

глазами и ушами. Но ныне валиде-султан оставила этот мир. Вся власть, принадлежавшая прежде матери Сулеймана, перешла в руки его супруги, которая, не довольствуясь этим, возжелала большего.

Имя этой женщины было Хюррем (Смешливая), но за глаза многие называли ее зхадди – ведьма. У Хюррем имелось немало приверженцев, но еще больше у нее было недоброжелателей и врагов. Последние утверждали, что она якобы приворожила султана, добавив приворотное зелье в вишневый шербет, обрызгав этим зельем его подушку и в ночь полнолуния завязав его одежду узлом. Нарушив традицию, хранимую три сотни лет, султан, сочетаясь с Хюррем браком, устроил церемонию столь пышную, что подробности ее до сих пор обсуждали во всех городских тавернах, публичных домах и притонах курильщиц опиума. Джахан, конечно, не бывал ни в тавернах, ни в борделях, ни в притонах, но Санграм регулярно посещал все эти заведения и приносил оттуда лакомые кусочки сплетен.

Разумеется, никто не знал наверняка, была султанша ведьмой или нет. Но всем было прекрасно известно, что Хюррем обожала всякого рода диковинки и ради удовлетворения этой страсти не останавливалась ни перед чем. Самая крошечная карлица в империи, музыкальная шкатулка с двойным дном, крестьянская девушка, покрытая змеиной кожей, или же кукольный домик из драгоценных камней – все эти редкости она жаждала получить с одинаковым пылом. Султанша любила птиц и часто посещала их вольеры. Один из попугаев – красно-зеленый ара – пользовался ее особым расположением, и Хюррем научила его десятку слов. Эти слова попугай выкрикивал своим пронзительным голосом всякий раз, завидев султана Сулеймана, что вызывало на лице правителя подобие улыбки. Султанша любила кормить с рук газелей и жеребят, а вот к клеткам с дикими животными приближалась крайне редко. Оно и к лучшему, думал Джахан, до дрожи ее боявшийся. Да и как не трепетать перед женщиной, способной читать чужие мысли и похищать чужие души?

В первые недели в зверинце не случилось никаких особых событий. Чота поправлялся, к нему постепенно возвращались аппетит и хорошее настроение. Слон набрал вес, кожа его вновь стала упругой и блестящей. Ему выдали две попоны: одну повседневную, из синего бархата, расшитого серебряной нитью, а вторую – праздничную, из блестящей тяжелой парчи. Джахану нравилось трогать эти попоны, ощущая пальцами переплетения затейливых узоров. Он больше не сожалел о предметах роскошного убранства, которыми снабдил слона шах Хумаюн и которые бесстыдно присвоили головорезы капитана Гарета.

По ночам, стоило мальчику закрыть глаза, из сумрака выступало ненавистное лицо отчима. О, как Джахану хотелось вернуться в родную деревню и убить мерзавца, из-за которого умерла его мама! Ведь этот негодяй пинал бедную женщину ногами в живот, хотя она была беременна и он прекрасно об этом знал. Сердце Джахана полыхало жаждой мести, но разум твердил, что время еще не пришло. Он непременно поквитается с отчимом, но не сейчас. Сперва надо похитить драгоценности султана, чтобы отвязаться от капитана Гарета. А если уж Джахан решится на столь отчаянный шаг, то, конечно, и себя не обидит. До крайности глупо будет отдать все сокровища капитану, ничего не оставив себе. Разумеется, он кое-что припрячет и вернется домой богатым и могущественным. Сестры с ума сойдут от радости, когда Джахан появится на пороге. Они ведь наверняка думают, что им больше не суждено увидеть брата, что тот погиб или пропал без вести. Увидев его живым и здоровым, они в первые минуты глазам своим не поверят. А он сначала покроет руки сестренок поцелуями, а затем бросит к их ногам свою добычу – бриллианты, изумруды, рубины.

А потом настанет день, когда Джахан встретит юную девушку, прекрасную, как полная луна. Девушку, чьи зубы подобны жемчугу, а груди – спелым персикам. Она пройдет мимо, скромно потупив голову, однако прежде одарит его робкой, но многообещающей улыбкой. Он непременно спасет ее от какой-нибудь жуткой опасности (вытащит, например, из воды, когда та будет тонуть, или отобьет от шайки разбойников, или вырвет из когтей свирепого

дикого зверя – тут Джахан всякий раз придумывал новые истории). После этого красавица наградит его поцелуем, и губы ее будут свежими, как капли росы, а объятия сладкими, как сваренные в меду фрукты. Любовь соединит их обоих нерасторжимыми узами, и Джахан станет упиваться ее ласками, словно прохладной родниковой водой. Блаженство влюбленных будет столь беспредельным, что и многие годы спустя, после того как они умрут от старости, сжимая друг друга в объятиях, люди будут вспоминать о них как о самой счастливой паре, когда-либо жившей под этим небом.

Освоиться на новом месте Джахану было бы намного труднее, если бы Олев, укротитель львов, не взял его под свое покровительство. Мальчика поражало, что этот повелитель грозных хищников, восхищавший его неизменной отвагой, трепетно заботился о своих усах: по пять раз на дню расчесывал их, смазывал воском и благовонными маслами. Как и Джахан, Олев рано лишился семьи: ему было всего десять лет, когда работорговцы схватили его и отправили в Стамбул. Огненно-рыжие волосы Олева, его могучее сложение и, конечно же, редкое бесстрашие определили дальнейшую судьбу. Он оказался в султанском зверинце, который не покидал вот уже много лет. А где-то в далекой северной стране родные, возможно, до сих пор ждут его возвращения.

Каждое утро работники зверинца просыпались на рассвете и умывались в мраморном фонтане, где вода была такой холодной, что от нее краснели руки. Около полудня они обедали овощной похлебкой и хлебом, вечером ужинали рисом, заправленным курдючным жиром. А когда сгущалась темнота, все укладывались на свои жесткие тюфяки, которые служили приютом бесчисленным ордам вшей и блох. Эти неугомонные паразиты постоянно перескакивали с животных на людей и обратно. Места их укусов невыносимо зудели, распухали и воспалялись. Время от времени зрители вычесывали всех своих подопечных от мала до велика и обрабатывали их шкуры смесью камфары, кардамона и лимонного сорго. Но парочка блох непременно выживала, и вскоре паразиты возобновляли свои атаки.

Дважды в неделю главный белый евнух, известный всем и каждому под именем Гвоздика Камиль-ага, посещал зверинец, дабы удостовериться, что животные содержатся надлежащим образом. Этот человек никогда не бранился и не повышал голоса. Тем не менее его имя внушало всем трепет, а косой взгляд разил наповал не хуже, чем стальной клинок. Под глазами у него неизменно темнели круги, ибо, по слухам, ночью Гвоздика Камиль-ага спал не более совы и проводил ночные часы, расхаживая по дворцовым коридорам. Зная, какими печальными последствиями чреват безмолвный гнев главного белого евнуха, зрители зверинца в преддверии его визита без устали скребли и чистили клетки. Нигде не оставалось ни лужицы мочи, ни катышка помета, а кормушки и поилки буквально сверкали. Джахану казалось, что их подопечным вся эта чистота не слишком по нутру. Лишенные привычных запахов – своих собственных и запахов соседей – животные начинали тревожиться, поскольку опасались посягательств на свою территорию. Все прочие работники зверинца также понимали причину их беспокойства, но ни у кого не хватало смелости сообщить об этом евнуху. Надо признать, зрители действительно прилагали все силы, чтобы заботиться о своих питомцах наилучшим образом. Ведь их собственное благополучие зависело от благоденствия животных. Если зверей осыпали милостями, частица этих милостей доставалась и людям, которые за ними ухаживали. Ну а если звери лишались расположения султана, то и люди неизбежно разделяли их участь.

* * *

Как-то раз в середине апреля произошел странный случай. Джахан выгулял слона и уже собирался заводить того в сарай, как вдруг из-за кустов до него донесся шорох – тихий, но такой отчетливый, что мальчик вздрогнул. Он устремил на кусты пристальный взгляд

и вскоре увидел маленькую шелковую туфельку, которая высунулась из зарослей подобно молодой неосторожной змее.

Джахан догадался, что за кустами скрывается девушка. Но тщетно он ломал себе голову, пытаясь понять, кто она такая. Среди работников зверинца женщин не было. Наложницам было строжайше запрещено покидать гарем, тем более без сопровождения евнухов. Не желая спугнуть незнакомку, Джахан сделал вид, что ничего не замечает. Наверное, та хочет посмотреть на слона, только и всего, решил он. Если так, пусть себе смотрит, он ничего не имеет против. После этого незнакомка приходила еще несколько раз: Джахан слышал треск прутьев под ее ногами и шелест ее одежды, но даже не поворачивал головы, продолжая заниматься своими обычными делами. К концу месяца он привык к визитам невидимой посетительницы. Она не имела ни малейшего намерения открывать свое присутствие, а мальчик не собирался ее разоблачать. Эта игра могла бы продолжаться долго, если бы не случай, избравший своим орудием осу.

В то утро Джахан чистил слону хвост, к которому пристали комья земли, когда тишину вдруг взорвал пронзительный визг. Из-за кустов вылетела совсем юная девушка с длинными развевающимися волосами. Размахивая руками и выкрикивая что-то нечленораздельное, она пронеслась мимо застывших от удивления Чоты и Джахана, ворвалась в сарай и с размаху захлопнула дверь, которая немедленно снова распахнулась настежь.

– А ну кыш! Пошла прочь! – заорал Джахан и, схватив валявшуюся на земле ветку, замахнулся на здоровенную осу, которая преследовала незнакомку.

Яростно жужжа, оса покружила около него, но, решив, что связываться с мальчиком не стоит, устремилась к зарослям розовых кустов.

– Не бойся, она улетела! – крикнул Джахан.

– Я сейчас выйду, – донеслось из сарая. – Склони голову, раб.

И девушка появилась в дверях сарая: высокая, стройная и гибкая, как тростинка. Гордо задрав нос, она изрекла:

– Да простит мне Аллах эти дерзкие слова, но я не понимаю, зачем Он создал таких мерзких тварей, как осы.

Незнакомка подошла к слону, явно потрясенная тем, что видит гиганта так близко. Джахан украдкой пожирал ее взглядом, от которого не ускользнули самые мельчайшие детали, вплоть до крохотных веснушек на щеках, золотистых и нежных, как цветы бархатцев. Светло-зеленое платье девушки в лучах солнца казалось почти белым, а из-под небрежно накинутого покрывала выбивались темные волны волос.

– Мой досточтимый отец, светлейший султан, уже видел это животное? – осведомилась она.

Осознав, кто перед ним, Джахан судорожно сглотнул, склонился в поклоне чуть не до земли и пробормотал:

– О досточтимая госпожа Михримах Султан.

Девушка равнодушно кивнула, словно не придавала своему титулу ни малейшего значения. Взгляд ее янтарных глаз снова устремился на белого гиганта.

– Быть может, милостивая госпожа соизволит погладить слона? – предложил Джахан.

– А он не кусается?

Мальчик улыбнулся:

– Поверьте, милостивая госпожа, Чота – самое добродушное создание на земле.

Дочь султана шагнула вперед и опасно коснулась морщинистой кожи слона. Джахан воспользовался моментом, чтобы вновь бросить на нее жадный взгляд. На шее у Михримах переливалось драгоценное ожерелье, украшенное семью жемчужинами, каждая размером с воробьиное яйцо. Руки девушки – тонкие, нежные и изящные – особенно поразили Джахана. Как зачарованный, он смотрел на эти руки, которые то взлетали к груди, подобно двум пти-

цам, то опускались обратно. Вот она соединила ладони, переплетя пальцы, и этот жест многое рассказал погонщику: он догадался, что под блистательной яркой оболочкой скрывается душа столь же уязвимая, как и его собственная. Это открытие придало мальчику смелости, и он сказал:

– Люди боятся животных, но сами они куда более кровожадны, чем дикие звери. Даже самые свирепые львы и крокодилы не могут сравниться с людьми в жестокости.

– Вот глупости! – воскликнула Михримах, насмешливо вскинув бровь. – Звери очень опасны, поэтому их и держат в клетках. Иначе они попросту сожрали бы нас.

– Милостивая госпожа, с тех пор как я здесь, я ни разу не слышал, чтобы зверь на кого-нибудь напал. Животные делают это, только если голодны. Если их хорошо кормить и не обижать, они никого не тронут. У людей же все иначе. Голоден человек или сыт, он всегда готов причинить зло другому. Рядом с сытым львом вы можете спать спокойно, а вот с незнакомым человеком следует быть настороже, даже если он наелся до отвала.

Девушка стрельнула в него взглядом:

– Ты странный мальчик. Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Я старше тебя. И лучше разбираюсь в жизни.

Джахан согнулся в почтительном поклоне, но не смог сдержать улыбки.

Михримах Султан гордилась тем, что старше его годами, словно у нее не было других оснований для превосходства. Как будто между нею, дочерью султана, и простым слугой не лежала пропасть. Словно они были равны или же могли стать равными в будущем. Прежде чем уйти, гостя снова бросила на погонщика пронзительный взгляд и спросила:

– Как тебя зовут?

Внезапно Джаханом овладело смущение, будто, назвав свое имя, он переступал какую-то запретную черту и делал их отношения более близкими.

– Слона зовут Чота, досточтимая госпожа, – пробормотал он. – А меня – Джахан. Но моя мать... – Он запнулся.

– Так что же?

Джахан никогда никому этого не говорил и не мог объяснить, какая сила сейчас вдруг потянула его за язык.

– Моя мать называла меня Гиацинт.

Михримах расхохоталась:

– Ничего не скажешь, подходящее имя для мальчишки! – Догадавшись, что ему обидно это слышать, она перестала смеяться и поинтересовалась: – А почему мать так тебя называла?

– Когда я родился, глаза мои цветом напоминали гиацинт. Мама говорила, это потому, что она ела цветки гиацинта, когда была в тягости.

– Глаза цвета гиацинта... – повторила девушка. – А где она сейчас, твоя мать?

– Она покинула этот мир, милостивая госпожа.

– Так ты сирота, – задумчиво протянула Михримах. – Знаешь, иногда я тоже чувствую себя сиротой.

– Но ваши высокородные родители живы, да продлит Аллах их дни.

В этот момент раздался женский голос:

– Я повсюду вас ищу, свет очей моих. Вам не следует приходить сюда одной.

Голос принадлежал полной женщине с багровыми щеками, пронзительным взглядом и укоризненно поджатыми губами. Нижняя ее челюсть была чуть выдвинута вперед, что придавало лицу суровое выражение. Она не удостоила взглядом ни слона, ни погонщика. Казалось, эта дама вообще не замечает ничего вокруг – ни сада, ни цветов, ни клеток с живот-

ными, – ибо ее всецело поглощает одна-единственная цель: найти дочь султана и уберечь ее от всех возможных опасностей.

– Это Хесна-хатун, моя дада – няня, – не без гордости сообщила девушка. – Вечно она обо мне беспокоится.

– Как же мне не беспокоиться, о луч яркого солнца в царстве тьмы? – подала голос няня. – Моему попечению вверено несравненное сокровище, и я обязана его беречь.

– Дада терпеть не может животных, – с шаловливой улыбкой заметила Михримах. – За одним-единственным исключением. Я имею в виду ее любимую кошку по имени Корица.

Взгляд дочери султана встретился с взглядом Джахана, и что-то неуловимое проскользнуло между ними. Внезапно на лицо девушки набежала тень тревоги. И она поинтересовалась у няни:

– Моя досточтимая мать спрашивала обо мне?

– О да, жемчужина моего сердца. Я сказала, что вы купаетесь в хаммаме.

– Ты моя спасительница! – расплылась в улыбке Михримах. – Что бы я без тебя делала, дада! – Она помахала рукой. – До свидания, Чота. Может быть, я скоро опять приду с тобой повидаться.

И, попрощавшись со слоном, но не сказав ни слова погонщику, дочь султана, сопровождаемая няней, двинулась прочь по садовой дорожке. Джахан долго смотрел ей вслед, позабыв обо всем на свете. В мыслях его царил сумбур, ноздри все еще ощущали запах изысканных духов, а в сердце словно бы засела заноза – во всяком случае, прежде он никогда не испытывал ничего похожего.

* * *

Джахан был уверен, что больше Михримах Султан к ним никогда не придет. Но она пришла. Одарив обоих своей обворожительной улыбкой, она также принесла слону гостинцы – и не какие-нибудь там яблоки или груши, а поистине царские лакомства: фиги, покрытые сладким кремом, шербет, марципан с вареньем из лепестков роз, сваренные в меду орехи. Джахан знал: чашка таких орехов стоит на базаре четыре аспры, никак не меньше. Вскоре у дочери султана вошло в обыкновение приходить в гости к белому слону всякий раз, когда царившие в серале порядки особенно досаждали ей. На Чоту она взирала с неизменным удивлением, словно не веря, что такой гигант может быть столь смиренным и добродушным. Слона с полным правом можно было назвать султаном зверинца, но нравом он ничуть не походил на отца Михримах.

Предугадать, когда дочь правителя вновь появится в зверинце, было невозможно. Иногда она не показывалась неделями, и Джахану оставалось лишь гадать, чем она занята: жизнь во дворце оставалась для мальчика тайной за семью печатями. А бывало, что Михримах приходила повидать слона чуть не каждый день. Ее неизменно сопровождала Хесна-хатун, которая терпеливо ждала в сторонке, пока принцесса вдоволь налюбуется белым великаном. По недовольно поджатым губам няни можно было догадаться: ей не по душе увлечение Михримах. Но она не говорила ни слова, по всей видимости надеясь, что ее воспитанница вскоре сама поймет: дочери султана не пристало интересоваться каким-то слоном.

Прошел год. Вновь настало знойное лето. Джахан бережно хранил те немногие ценные вещи, что ему удалось стащить: серебряные четки, которые он украл у главного садовника, шелковый, расшитый золотом носовой платок, который обронил новый евнух, фарфоровый расписной кувшин из дворцового буфета, золотое кольцо – его потерял посетивший зверинец чужеземный посланник. Джахан знал: всех этих жалких пустяков отнюдь не достаточно, чтобы удовлетворить алчность капитана Гарета. Но о том, где хранятся драгоценности султана, он по-прежнему не имел понятия и, честно говоря, с течением времени думал об этом все меньше и меньше. С того дня как они расстались на пристани, Гарет не давал о себе знать. Правда, он постоянно преследовал мальчика в страшных снах, подобно грозной тени, наползающей из прошлого. Джахан терялся в догадках, почему капитан не появляется наяву и не требует исполнения уговора. Единственное объяснение, которое приходило ему в голову: старый морской волк погиб во время очередного плавания.

Чота чувствовал себя превосходно, за год заметно вырос и прибавил в весе. Все разговоры, которые вели между собой дочь султана и погонщик, вертелись исключительно вокруг слона. Тем сильнее был изумлен Джахан, когда однажды Михримах начала расспрашивать его о жизни в Индии и о том, каким образом он оказался здесь. На следующий день мальчик поведал ей целую историю. Михримах слушала, сидя под кустом сирени, а он стоял перед нею на коленях. Девушка пристально его разглядывала, но сам Джахан не решался поднять на нее глаза. Она была так близко, что он ощущал аромат ее волос, но между ними лежала пропасть, и он не мог забыть об этом ни на мгновение.

История, рассказанная погонщиком слона дочери султана

В огромной и богатой стране, называемой Индия, жил-был бедный мальчик по имени Джахан. Домом ему служила жалкая хижина, стоявшая неподалеку от дороги, по которой часто проходили отряды воинов. То были стражники, охранявшие дворец шаха Хумаюна. Под одной крышей с Джаханом жили пять его сестер, а также мать и отчим, который одновременно приходился ему родным дядей, поскольку был старшим братом отца. Джахан с

ранних лет отличался любопытством. А еще он любил рисовать, лепить и мастерить всякие поделки, причем материалом для них служило все, что попадалось мальчику под руку: глина, дерево, камни, прутики. Как-то раз он построил на заднем дворе большую печь, чем несказанно обрадовал мать: в отличие от прежней, новая печь совершенно не чадила.

Конечно, прежде у Джахана был родной отец, но он исчез из его жизни, когда мальчику не исполнилось и шести лет. Всякий раз, когда Джахан пытался расспросить мать, куда подевался папа, та отвечала: «Он уплыл от нас по морю». И Джахан воображал, как его отец поднялся на борт корабля, совершил долгое плавание и достиг берегов некоей чудесной страны, где под ногами валяются драгоценные камни.

Другой мальчик, возможно, быстро догадался бы о том, что мать обманывает его, но Джахан предпочитал утешаться выдумками. Лишь несколько лет спустя он понял, что мать сплела вокруг него затейливую паутину лжи, предохранявшую сына от горькой правды. И даже когда мама вторично вышла замуж, за старшего брата своего первого супруга – человека, который стал глумиться над нею с первых же дней совместной жизни, – мальчик продолжал верить, что его родной отец когда-нибудь вернется. В бессильной ярости он наблюдал, как отчим сидит на отцовской циновке, спит на отцовской постели, жует листья бетеля, заготовленные еще отцом. Мать всячески старалась угодить супругу, и отчим воспринимал это как должное. Он не только ни разу не поблагодарил ее, но, напротив, без конца осыпал жену бранью. Придирам не было конца. Огонь, который она разводила, горел недостаточно ярко, молоко у нее слишком быстро прокисло, а если жена жарила пури, отчим заявлял, что лепешки по вкусу напоминают овечий помет. Самая же главная вина бедняжки состояла в том, что она не могла родить ему сына.

Впрочем, несмотря на скверный характер, бездельником отчим отнюдь не был. Он занимался тем, что воспитывал боевых слонов, обучая этих миролюбивых животных идти в атаку и убивать. Сестры Джахана помогали отчиму в этом деле, но он сам – никогда. Ненависть, которую мальчик испытывал к старшему брату своего отца, была столь велика, что он предпочитал держаться подальше и от этого человека, и от его животных. Исключение Джахан делал лишь для слонихи по имени Пакиза.

Прежде чем произвести на свет слоненка, Пакиза тысячу дней пребывала в тягости. Миновало три осени и три зимы, а она все носила под сердцем детеныша. Снова наступила весна. Деревья, росшие вдоль дороги, покрылись золотистыми цветками, склоны гор благодаря обилию цветов превратились в разноцветные ковры, змеи пробудились от зимней спячки и выползли из своих нор. А слониха все никак не могла разродиться, бока ее так раздулись, что она с трудом передвигалась. Вялая, безучастная ко всему, бедняжка тяжело переступала с ноги на ногу, и глаза ее были наполовину прикрыты веками.

Каждое утро, еще до рассвета, Джахан приносил Пакизе свежую воду и охапку зеленой травы. Он прижимался щекой к ее морщинистой коже и шептал:

– Может, великое событие произойдет сегодня, а?

Пакиза слегка качала головой, чтобы показать: она слышит мальчика и, несмотря на всю свою усталость, разделяет его надежды. Но день сменялся ночью, не принося никаких перемен. То были последние недели перед началом сезона дождей. Воздух, насквозь пропитанный влагой, казалось, давил невыносимой тяжестью. Джахан уже начал беспокоиться, что слоненок погиб в материнской утробе. А может, никакого слоненка и не было, думал он, и живот Пакизы раздул неведомый недуг, не имеющий ничего общего с беременностью. Однако, прижимаясь ухом к ее ходившим ходуном бокам, мальчик с облегчением слышал биение сердечка, слабое, но ровное. Малыш был жив, но по непонятным причинам не хотел пока появляться на свет, словно бы чего-то выжидая.

За время беременности вкусы слонихи изменились самым странным образом. Она с наслаждением пила из грязных луж, пожирала коровьи лепешки, облизывалась при виде

сухой глины. При любой возможности Пакиза отправляла себе в рот куски известки, отвалившиеся от беленых стен амбара. Отчим Джахана, заметив это, всякий раз безжалостно стегал ее плетью.

Слоны, родичи Пакизы, каждый день приходили к сараю, чтобы узнать, как у нее обстоят дела. Выйдя из лесу, они тянулись друг за другом по пыльной дороге. Головы их были опущены, огромные ноги вздымали столбы пыли. Подойдя поближе, самцы замирали в молчании, а самки начинали трубить, взывая к Пакизе на языке, ведомом лишь им одним. Стоило Пакизе их услышать, как она моментально настораживала уши. Иногда издавала ответный рев – наверное, просила соплеменников не волноваться за нее. Но чаще всего слониха молчала. Джахану было неизвестно, что в эти минуты творилось у нее на душе. Возможно, горло у нее перехватывало от любви к будущему детенышу, но не исключено также, что она тосковала по утраченной свободе.

Люди со всей округи приходили поглазеть на великое чудо – беременную слониху. Индуисты и мусульмане, приверженцы сикхизма и христиане толпами бродили вокруг жилища Джахана. Они приносили цветочные гирлянды, возжигали благовония и пели песни. На новорожденном слоненке будет пребывать особое благоволение небес, утверждали они, ведь пуповина связывает его с невидимым миром. Люди завязывали шарфы и ленты на ветвях смоковницы, росшей поблизости от загона, и верили, что теперь их молитвы будут услышаны. А те, кому посчастливилось дотронуться до Пакизы, не сомневались: самые заветные их желания непременно исполнятся, надо только не мыть руки до той поры, когда это произойдет. Самые рьяные пытались вырвать волосок-другой из хвоста слонихи, но Джахан отгонял их прочь.

Часто у их ворот появлялись и лекари, пользовавшие животных: одних влекло желание помочь, других – обычное любопытство. Одного из этих лекарей звали Шри Зизхан. Этот сухой жилистый человек с кустистыми бровями имел странную привычку постоянно обнимать деревья и камни. Он утверждал, что это помогает ему ощутить пульсирующие в них жизненные токи. Год назад Шри Зизхан, стоя на скале, попытался заключить в свои объятия закат, но потерял равновесие и рухнул вниз. Сорок дней он пролежал в постели, не двигаясь и не говоря ни слова; лишь глаза его подергивались под опущенными веками, словно и во сне бедняга продолжал падать. Жена уже начала оплакивать его как покойника, и вдруг, после сорокадневного забытья, Шри Зизхан поднялся на ноги – худой как щепка, но здоровый. Правда, вскоре выяснилось, что рассудок его стал шатким и ненадежным, словно мостик над горным потоком. Мудрецы утверждали, что такое нередко бывает с людьми, пережившими несчастные случаи. Возможно, говорили они, во время падения ему открылись картины иной реальности, сокрытой для простых смертных. Так или иначе, хотя речи этого человека зачастую граничили с безумием, к его суждениям теперь прислушивались очень многие.

В один прекрасный день лекарь появился в загоне, где стояла Пакиза. Подошел к слонихе, приложил ухо к ее животу, свисавшему чуть не до земли, и закрыл глаза. И вдруг заговорил низким глухим голосом, словно бы идущим из глубины ущелья, в которое он некогда упал.

– Слоненок слушает нас, – изрек Шри Зизхан.

– Ты хочешь сказать, он слышит все, что мы говорим? – уточнил Джахан, взиравший на гостя с благоговейным трепетом.

– Именно так. И если ты будешь кричать и ругаться, малыш никогда не выйдет из материнской утробы.

Джахан вздрогнул. Сам он никогда не кричал и не ругался, но отчим делал это постоянно. По всей вероятности, слоненок, до которого долетала грубая брань, решил, что ему нечего делать в этом жестоком мире.

Лекарь воздел вверх изогнутый палец:

– Послушай меня, сынок. Это не обычный слоненок.

– Что ты имеешь в виду?

– Он слишком... робкий. Боится войти в этот мир. Постарайся его успокоить, объяснить ему, что здесь не так уж плохо. Если слоненок тебе поверит, то вылетит из материнской утробы, словно стрела из лука. И если ты его полюбишь, он ответит тебе тем же, и вы никогда не расстанетесь.

Сказав это, лекарь подмигнул Джахану, словно они были заговорщиками, знавшими какую-то важную тайну.

Весь вечер, пока сгущались сумерки, мальчик ломал себе голову над неразрешимой задачей. Как успокоить слоненка, какими словами убедить его прийти в этот мир? Нет, подобное ему не по силам. Во-первых, как известно, слоны говорят на своем языке – они режут, трубят, урчат. Но беда не только в том, что Джахан не в состоянии овладеть этим языком. Мальчик попросту не знает, что сказать, не найдет нужных слов, ибо и сам толком не представляет, каков он, мир, раскинувшийся за пределами загона, за стенами их хижины.

Взглянув на небо, Джахан увидел вспышку молнии и понял, что сейчас грянет гром. И вот, в те несколько мгновений, пока он ожидал раската, его осенила идея. Конечно, он ничего не знает о жизни, но зато прекрасно представляет себе, что такое страх. Когда он был малышом и что-то сильно пугало его, он прятался под волосами матери, густыми и длинными, как покрывало.

Джахан со всех ног бросился в дом. Отчим сидел в деревянном корыте, а мать терла ему спину. Мыться отчим ненавидел и залезал в корыто лишь тогда, когда его окончательно заедали блохи. После мытья тело этого человека становилось чистым, но отмыть его грязную душу было невозможно. Дождавшись момента, когда отчим закрыл глаза и растянулся в воде, благоухающей камфарным маслом, Джахан сделал маме знак выйти во двор. Потом, тоже знаками, позвал во двор сестер. Все пять дочерей унаследовали от матери роскошные волосы, хотя ни одна из девочек и не могла сравниться с ней красотой. Непререкаемым тоном – прежде он и не подозревал, что способен так разговаривать, – Джахан приказал женщинам встать рядом со слонихой. К его удивлению, они молча повиновались, словно в подобной просьбе не было ровным счетом ничего странного. Следуя его распоряжениям, мама и сестры встали так, что волосы их, раздуваемые ветром, почти касались огромного живота слонихи, паря над ним, подобно сказочному ковру-самолету. Тут до Джахана донесся сердитый крик отчима, звавшего жену. Мать, разумеется, тоже слышала голос мужа, однако не двинулась с места. Шесть женщин с развевающимися на ветру волосами представляли собой невероятно прекрасное зрелище. Они словно бы создали над слоненком священный покров, ограждавший его от всех бед и напастей, – так сказал бы Джахан, если бы умел выражаться пышными фразами. Но мальчик лишь прошептал, обращаясь к детенышу в материнской утробе:

– Вот видишь, здесь не так уж и страшно. Выходи, не бойся.

Когда они вернулись в дом, отчим, взбешенный непокорностью жены, набросился на нее с кулаками. Джахан попытался защитить мать и получил свою долю побоев. В ту ночь он спал в сарае, рядом со слонихой, и проснулся в непривычной тишине.

– Мама! – крикнул он.

Ответа не последовало.

Взглянув на Пакизу, Джахан не заметил в ней никаких перемен. Но вдруг бока ее содрогнулись: раз, потом другой, и сзади начало что-то вспухать. Мальчик принялся во весь голос звать мать и сестер, но вскоре понял, что дом пуст. Пакиза начала оглушительно трубить, огромное ее тело сводила судорога. Джахану не раз случалось видеть, как рожают лошади и козы, но при родах слонихи он присутствовал впервые.

«Ничего страшного, – успокаивал он себя, – у Пакизы это уже шестой слоненок, так что она знает, что делать». И все же какой-то тревожный голос нашептывал мальчику, что не стоит всецело доверять природе и что слониха нуждается в помощи. Но вот о том, в какой именно момент и каким образом следует оказать эту помощь, внутренний голос, увы, умалчивал.

И вдруг из складок напряженной плоти появился бесформенный мешок, мокрый и блестящий, как речной камень. Он упал на землю, испустив потоки жидкости. Слоненок, с ног до головы запятнанный кровью и каким-то густым, почти прозрачным веществом, появился на свет поразительно быстро. Это самец, понял Джахан. Слоненок дрожал мелкой дрожью, и вид у него был такой измученный, словно ему пришлось проделать длинный путь. Пакиза обнюхала сына, легонько подталкивая его кончиком хобота. Потом отправила себе в рот оболочку, в которой детеныш вышел из утробы, и принялась ее жевать. Слоненок меж тем неуверенно поднялся на ноги. Глаза его были закрыты, на теле тут и там виднелись пучки светлой шерсти. Его размеры и цвет поразили Джахана. Перед ним был самый крошечный на свете слон. Белый, как вареный рис.

Сын Пакизы был почти вдвое меньше, чем обычный новорожденный слоненок. У всех слонят хоботы такие коротенькие, что в первые дни они сосут материнское молоко ртом. Но голова этого малыша не доставала до колен матери, и дотянуться до соска он никак не мог. Почти целый час Джахан наблюдал, как Пакиза подталкивает новорожденного хоботом, побуждая его взяться за сосок. Движения ее, сначала мягкие, вскоре стали нетерпеливыми, но по-прежнему не приносили никакого результата.

Понимая, что этим двоим необходима помощь, Джахан направился в дальний угол сарая, где хранилась всякая всячина, и среди прочего – грубо сколоченная бочка с остатками корма, который они давали слонам зимой. Когда мальчик попытался сдвинуть бочку с места, по ногам его пробежала крыса, которую он потревожил. Но сейчас Джахану некогда было обращать внимание на подобные пустяки. Он опустошил бочку и подкатил ее к слонам. Потом сбегал в дом и принес горшок, в котором варили похлебку. Вернувшись, подвинул бочку как можно ближе к Пакизе и вскарабкался на нее.

Увидев распухшие соски слонихи, он содрогнулся, но все же, пересиливая страх, осторожно сжал один из них двумя пальцами и потянул. Джахану не раз приходилось доить коз, и он надеялся, что со слонихой надо действовать сходным образом. Но в горшок не упало ни капли молока. Тогда он с силой сжал сосок всей ладонью. Пакиза пошевелилась, едва не столкнув его с бочки. Мальчик решил применить иной способ. Задержав дыхание, он схватил сосок губами и принялся сосать. Но как только первые капли коснулись его языка, Джахана вырвало. То, что молоко слонихи окажется таким отвратительным на вкус, стало для него полной неожиданностью. Вторая и третья попытка оказались столь же неудачными, как и первая. Ему никак не удавалось преодолеть себя. Никогда прежде он не пробовал ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего по вкусу молоко слонихи – невероятно густое и жирное, сладкое и кислое одновременно. Джахан взмок от пота, голова у него шла кругом. Он попробовал повторить попытку, зажав нос платком, и это помогло. Дело пошло на лад. Он сосал и сплевывал молоко в горшок, сосал и сплевывал. Когда горшок наполнился примерно на треть, мальчик спрыгнул с бочки и, довольный собой, понес угощение детенышу.

В тот день ему пришлось доить слониху еще множество раз. Молоко, добытое с великим трудом, слоненок поглощал одним жадным глотком. Проделав этот трюк раз десять, Джахан решил, что заслужил отдых. Сидя на земле и потирая усталые челюсти, он наблюдал за новорожденным. Тот тоже посматривал на мальчика, и рот его изгибался так, что со стороны казалось: детеныш приветливо улыбается. Мальчик улыбнулся в ответ. Вот у него и появился молочный брат, подумал он.

– Я назову тебя Чота – Малыш, – сказал он. – Но имей в виду: ты все равно должен вырасти большим и сильным. Договорились?

Слоненок издал забавное короткое урчание, как видно в знак согласия. И мальчик понял: даже если этому слону предстоит долгая жизнь и другие люди пожелают переименовать его на свой вкус, он уже никогда не признает иного имени. До конца своих дней будет откликаться лишь на имя Чота, данное ему Джаханом.

В последующие три недели слоненок так вырос, что мог сосать мать самостоятельно. Вскоре он уже бегал по двору, гоняясь за курами, распугивая птиц и с упоением познавая окружающий мир. Все женщины, живущие в доме, холили и лелеяли малыша, умиляясь его проказам. Вскоре стало ясно, что это отважный слон, который не боится ни ударов хлыста, ни раскатов грома. Лишь одно на свете вселяло в Чоту ужас: раскатистый рык, который иногда доносился из глубин леса; рык, подобный шуму каменистого горного потока. То был голос тигра.

* * *

Джахан завершил свой рассказ, по-прежнему стоя на коленях. Умолкнув, он не отваживался поднять глаза на свою слушательницу и смущенно рвал травинки, росшие вокруг. Взгляни мальчик сейчас на дочь султана, он увидел бы, что на губах ее играет улыбка, легкая, как утренний туман.

– Ну а что же случилось после? – спросила Михримах.

Однако, прежде чем Джахан успел открыть рот, вмешалась няня:

– Уже поздно, свет очей моих. Ваша мать может вернуться в любой момент.

– Ты права, дада, – вздохнула девушка. – Нам пора идти.

Она поднялась на ноги, одернула платье и легкой, танцующей походкой двинулась по дорожке. Хесна-хатун некоторое время молча смотрела ей вслед. А когда Михримах отошла так далеко, что уже не могла разобрать ее слов, она заговорила. Голос няни был тих, почти нежен, и грозный смысл сказанного дошел до Джахана лишь после того, как верная спутница Михримах скрылась из виду.

– Глаза цвета гиацинта. Молочный брат слона. Ты странный парень, индус. А может, ты просто искусный лжец? Если это так, если ты обманываешь мою добрую, доверчивую девочку, можешь не сомневаться – тебе придется об этом горько пожалеть.

* * *

Когда на следующий вечер дочь султана вновь пришла проведать слона, няня, по обыкновению, сопровождала ее, но была молчалива, как камень. Что касается Михримах, то в свете угасающего дня она показалась Джахану еще более прекрасной, чем обычно. На одном из пальцев девушки сверкал бриллиант размером с грецкий орех, цвета голубиной крови. «Завладей я таким камнем, – пронеслось в голове у Джахана, – этого богатства мне хватило бы до конца жизни». И тут же поморщился: сама мысль о том, чтобы обворовать эту девушку, показалась ему отвратительной.

Угостив Чоту черносливом, дочь султана опустила на траву под кустом сирени. От волос ее исходил восхитительный легкий аромат – не то цветов, не то диких трав.

– Я хочу знать, что случилось с мальчиком и слонем дальше.

По спине Джахана пробежал холодок, но голос его был невозмутим и спокоен:

– Ваше желание – закон, милостивая госпожа.

История, рассказанная погонщиком слона дочери султана

Примерно через год после того, как Чота появился на свет, индийский шах Хумаюн принимал во дворце редкого гостя – флотоводца Оттоманской империи, который потерял все свои корабли и половину людей во время сильного шторма. Выслушав рассказ о страшных бедствиях и испытаниях, выпавших на долю гостя, шах пообещал подарить ему новую каравеллу, дабы тот смог вернуться к родным берегам.

– Я вывел свои корабли в море, намереваясь сражаться с язычниками, – поведал флотоводец. – Но волею судьбы и ветра я оказался здесь. Теперь я понимаю, почему так произошло. Аллах хочет, чтобы я, испытав на себе, как велика щедрость великого шаха, поведал о ней своему султану.

Польщенный шах осыпал флотоводца роскошными подарками: богатыми тканями и драгоценными камнями. А некоторое время спустя, когда Хумаюн, удалившись в свои покои, принимал ванну из лепестков роз, на него вдруг снизошло озарение. Жизнь шаха являла собой череду горестных событий, его окружали бесчисленные враги, причем многие из этих врагов приходились ему кровными родственниками. Покойный отец дал сыну совет: никогда не причиняй вреда своим братьям, даже если они заслуживают этого. Однако Хумаюн не представлял, как возможно сражаться с родными братьями, не причиняя им вреда. Но с другой стороны, как сохранить власть, отказавшись от сражений? Лежа в ванне, обнаженный, как в час рождения, окутанный облаками пара, шах предавался горестным размышлениям. Внезапно взгляд его упал на лепесток розы. Будто увлекаемый невидимой силой, лепесток этот подплыл к его груди и прилип к влажной коже.

Впечатлительный по натуре, склонный к мистике, Хумаюн счел это знамением. Несомненно, решил он, лепесток розы указал на самое уязвимое его место: сердце. Он часто идет на поводу у своих чувств, тем самым подставляя себя под удар. А что, если этот неудачливый флотоводец, которого прибило к берегам его страны, послан ему с той же целью, что и лепесток розы, подумал шах. Ну конечно, так и есть: это тоже знамение. Аллах хочет сказать Хумаюну, что, обратившись за помощью к Оттоманской империи, тот сумеет одержать верх над своими врагами. Мокрый и довольный, правитель вышел из ванной.

А надо вам сказать, что в ту пору между двумя мусульманскими государствами, Индией и Оттоманской империей, шел непрерывный обмен людьми: купцы, посланники, бродячие проповедники, мастера и пилигримы постоянно путешествовали туда-сюда. Разумеется, правители посылали друг другу всевозможные подарки: шелка, драгоценные украшения,

ковры, пряности, перламутровые ларцы, музыкальные инструменты, львов, гепардов, кобр, наложниц и евнухов. Гонцы, доставлявшие эти дары, постоянно курсировали между двумя столицами. Воистину, то было вечное движение, ибо правитель, получивший подобный знак внимания, обязан был ответить дарителю не менее щедрым подношением.

Сулейман Великолепный, властелин мира, великий законодатель, предводитель правоверных и защитник святых городов, давно возбуждал любопытство Хумаюна, Великого Миротворца, Тени Бога на Земле. От своих соглядатаев шах знал, что каждую ночь, перед тем как лечь спать, султан надевает на палец перстень с изображением соломоновой печати, который дает своему владельцу власть над животными, людьми и даже джиннами. Власть, которой обладал Сулейман, была велика и неоспорима. Но у него имелись свои слабые струны, тщательно скрывающиеся под роскошными шелковыми халатами. Говорили, что султан никогда не надевает один и тот же халат дважды.

До шаха Хумаюна доходило немало слухов и о Хюррем – самом пышном цветке султанского гарема. Недавно она приобрела в Египте тысячу почтовых голубей, умеющих доставлять письма, которые прикрепляли к их лапкам. Птиц привезли в Стамбул на корабле и там выпустили. Когда голуби взвились в небо, посреди дня вдруг наступила непроглядная тьма, и люди бросились в мечети, думая, что пришел Судный день.

Хумаюн решил завоевать расположение оттоманской султанши, преподнеся ей подарок, подобного которому она никогда не получала. Подарок, который будет приятен султану и в то же время напомнит ему, что на свете есть страны, не менее богатые диковинками, чем его собственная. Завернувшись в халат, шах приказал позвать великого визиря Джохара, на чью мудрость он всегда полагался.

– Скажи мне, какой подарок послать человеку, у которого есть все? – спросил шах.

– Тут не подойдут ни шелка, ни драгоценные камни, ни золото, ни серебро, – ответил визирь. – Я бы посоветовал послать ему какое-нибудь редкостное животное. Ведь у каждого зверя свой нрав, и ни один из них не походит на другого.

– Но это должен быть могучий зверь, при взгляде на которого султан поймет, насколько велика и сильна наша империя, – добавил шах.

– Ты прав, как и всегда, мой повелитель. Пошли ему слона. Это самый большой зверь на свете.

Шах призадумался.

– Но как султан истолкует подобный подарок? – с сомнением спросил он. – Не удивит ли его, что могущественная империя, на бескрайних просторах которой водятся подобные гиганты, просит его о помощи.

– Тогда, о мой мудрый повелитель, пошли ему маленького слоненка. Этот подарок подскажет султану, что сейчас мы еще не готовы к битве и нуждаемся в помощи и поддержке. Но вскоре мы обретем непревзойденную мощь. И тогда, вступив в бой, мы одержим победу над любым врагом.

* * *

В то утро, когда великий визирь в сопровождении отряда воинов вошел во двор дома, где жил Джахан, мальчик кормил слоненка. Чота уже весил почти восемь кантаров, но по-прежнему оставался белым, как сахар.

Отчим Джахана, польщенный визитом столь важного гостя, склонился в поклоне до земли и угодливо пропел:

– Чем я могу служить благородному слуге великого шаха?

– Я слышал, у тебя есть белый слоненок, – последовал ответ. – Ты должен отдать его нам. Великий шах намерен послать его в дар султану Оттоманской империи.

– О, я сочту это за честь, – ответил отчим.

– Ты ведь не отдашь им Чоту, правда? – раздался за спинами говоривших чей-то дрожащий голос.

Обернувшись, они увидели Джахана.

Отчим упал на землю ниц:

– Простите глупого мальчишку, о мой милостивый господин. Его мать скончалась совсем недавно от какого-то внезапно постигшего ее недуга. Только что была здорова и вдруг умерла. Она была в тягости, бедняжка. Мальчик просто обезумел от горя. Он сам не знает, что говорит.

– Мама умерла, потому что ты ее бил. Бил каждый день, даже когда она...

Отчим не дал Джахану договорить, закатив ему сокрушительную оплеуху, сбившую мальчика с ног.

– Не смей бить сына! – возмутился великий визирь.

– Я не его сын! – крикнул Джахан, еще не успевший подняться.

Джохар улыбнулся:

– Я вижу, ты храбрый мальчик. Подойди поближе. Я хочу как следует на тебя посмотреть.

Под полыхающим злобой взглядом отчима Джахан исполнил просьбу великого визиря.

– Почему ты не хочешь, чтобы слона отправили в дар оттоманскому султану? – поинтересовался гость.

– Чота не обычный слон. Он особенный. И должен остаться дома.

– Ты очень привязан к слону. Это хорошо, – заметил Джохар. – Но не волнуйся за Чоту, у него все будет прекрасно. Во дворце Сулеймана за ним будут ухаживать, как за отпрыском знатного рода. Да и твоя семья внакладе не останется.

И великий визирь сделал знак слуге, который извлек из-под полы своего одеяния туго набитый кошелек.

Глаза отчима сверкнули жадным блеском.

– Не обращайтесь внимания на этого сопляка, мой щедрый господин, – прошипел он. – Мальчишка несет всякие глупости. Слононок принадлежит великому шаху. Пусть делает с ним все, что считает нужным.

* * *

Участь Чоты была решена, и Джахану оставалось лишь смириться с разлукой и подготовить своего любимца к длительному путешествию. Он давал слоненку целебные травы, которые улучшают пищеварение, без конца мыл Чоту, смазывал ему кожу маслами и благовониями, чистил чувствительные подошвы слона и подстригал ему когти. И при этом всякий раз, стоило Джахану подумать, что час расставания уже близок, сердце его сжималось от боли. Мальчик знал: сопровождать слона будет другой погонщик. Тот был на пять лет старше его самого и имел немалый опыт обращения со слонами. Джахан уже видел этого самоуверенного коренастого юнца с выступающим вперед подбородком и близко посаженными глазами. Звали его Гураб – имя это прочно засело в памяти Джахана. Имена врагов никогда не забываются.

Из дворца прислали громадную клетку, украшенную золотой и серебряной резьбой, перевитую цветами и кистями. Когда Джахан увидел клетку, глаза у него защипало от слез. Чоту, это добродушное, жизнерадостное создание, закуют в цепи и будут держать за решеткой, словно опасного преступника. Мысль эта казалась Джахану невыносимой, хотя он пытался убедить себя, что без клетки слону просто невозможно совершить морское путеше-

ствие. От тоски мальчик лишился сна и аппетита. Сестры смотрели на него с беспокойством, даже отчим счел за благо на время оставить пасынка в покое.

Гураб постоянно заглядывал к ним, чтобы проверить, как идет подготовка, и, как он сам выражался, поближе познакомиться со своим подопечным. Джахан ревниво наблюдал за соперником, и на сердце у него становилось гораздо легче, когда он замечал, что слон не желает слушаться нового погонщика.

– Возьми это! – приказывал Гураб, протягивая слону палку.

Но тот даже не устаивал его взглядом.

– Чота, возьми у него палку! – кричал Джахан с дальнего конца двора, и слон послушно исполнял приказание.

Разумеется, Гураб обижался, и несколько раз дело едва не доходило до драки. Но, так или иначе, вскоре всем стало ясно: Чота подчиняется только Джахану, и никому больше. Было решено, что Джахан будет сопровождать своего питомца до порта Гоа. А после того как слона погрузят на борт корабля, направляющегося в Стамбул, мальчик вернется домой, в Агру.

В день, когда им предстояло тронуться в путь, старшая сестра Джахана отвела его в сторону.

– Ты уезжаешь, – сказала она так тихо, словно у нее не хватало дыхания произнести слова, само звучание которых было ей тягостно.

– Я только провожу Чоту и вернусь обратно вместе с отчимом, – ответил Джахан, укладывая в сумку хлеб, испеченный сестрой. – Через несколько дней я снова буду дома.

– Никому из нас не дано знать, какой путь ему предстоит – короткий или длинный. Сегодня утром я подумала: будь мама жива, что она сказала бы тебе на прощание? Я стала молиться и просить Бога, чтобы он вразумил меня и подсказал, какой совет дать тебе. Но я не получила ответа на свою молитву.

Джахан молча склонил голову. Он тоже хотел бы услышать материнское напутствие. Мальчик выпрямился, огляделся по сторонам и увидел слона, принаряженного в дорогу. Хобот ему расписали разноцветными узорами, а спину покрыли попоной, расшитой блестками. С губ мальчика сами собой сорвались слова:

– Всегда будь добр с животными и с теми, кто слабее тебя, – вот какой совет дала бы мне мама.

В глазах сестры, печальных и темных, вспыхнули огоньки.

– Ты прав. Она сказала бы так: при любом повороте судьбы старайся никому не причинять вреда и не позволяй причинять вред себе самому. Не разбивай чужих сердец и береги свое собственное.

* * *

По низкому серому небу над портом Гоа проносились тучи. Корабль, в течение нескольких дней ожидавший попутного ветра, мог наконец выйти в море. Паруса были уже подняты. По давнему морскому обычаю в воду бросили старые рваные штаны – верный способ привлечь удачу и отогнать прочь все несчастья. Гураб, щеголявший в вышитой куртке цвета осенних листьев, готовился подняться на борт вместе со слоном. Рядом с одетым в лохмотья Джаханом он выглядел настоящим махараджей. Искося взглянув на соперника, Гураб бросил:

– Можешь уходить. Нам ты больше не нужен.

– Никуда я не пойду, пока корабль не снимется с якоря.

– Ну и болван, – пожал плечами Гураб.

Джахан в ответ толкнул обидчика. Тот, не готовый к нападению, упал и запачкал куртку.

– Я убью тебя, – прошипел он, поднимаясь.

Завязалась драка. Джахан был куда меньше и слабее противника, но он ловко уклонялся от ударов – мальчик прошел хорошую школу, защищаясь от побоев отчима. Между прочим, тот сейчас с удовольствием наблюдал за дракой, стоя поодаль. Казалось бы, сильный и рослый Гураб должен был без труда одержать верх над тщедушным Джаханом, но ему никак не удавалось это сделать. Джахан сражался отчаянно, глаза его полыхали яростным огнем. Для него Чота был не просто слоном. Он был его лучшим другом и молочным братом.

– Так и быть, живи. Неохота марать о тебя руки, – процедил Гураб и отступил, решив, что с этим безумцем лучше не связываться.

Дрожа всем телом, Джахан подошел к слону. Стоило мальчику коснуться рукой морщинистой кожи Чоты, как печаль, терзавшая его сердце, стала невыносимой.

– Прощай, братишка, – сказал он.

Слон, уже закованный в цепи, грустно махнул хоботом.

– У тебя все будет замечательно. Султан наверняка примет тебя как дорогого гостя. А его жена сразу тебя полюбит, вот увидишь.

С этими словами мальчик, заливаясь слезами, пошел прочь. Но далеко он не ушел. Подчинившись внезапному наитию, Джахан притаился в укромном уголке и стал ждать. Вскоре к клетке подошел Гураб, успевший отчистить свою куртку.

Уверенный в том, что его никто не слышит, он пнул слона ногой и заявил:

– Ну, белая образина, теперь ты полностью в моей власти. Имей в виду: если не будешь слушаться, я уморю тебя голодом.

Поднять слона на борт оказалось задачей не из легких. Чота и глядеть не хотел на клетку. В ответ на все попытки Гураба заставить его сдвинуться с места слон и ухом не повел. Напрасно погонщик лупил упряма тростью. Чота словно бы и не замечал ударов. Гураб принялся колотить его как бешеный. У Джахана все поплыло перед глазами. Мальчик понял: если он доверит этому извергу своего молочного брата, слон вряд ли доберется живым до турецких берегов.

К этому времени матросы уже закончили погрузку. Оставалось погрузить лишь слона и его клетку. По просьбе Гураба четверо моряков обвязали животное веревками. Чоте это совершенно не понравилось, и он принялся недовольно трубить. Матросы тянули за веревки, пытаясь сдвинуть слона с места, но тот стоял как скала. Чоте еще не исполнилось и года, но силой он уже превосходил четверых взрослых мужчин. На помощь пришли еще шестеро матросов. Совместными усилиями им удалось наконец-то затащить зверя в клетку. Железная дверь захлопнулась, лязгнул засов. Чота огляделся по сторонам, взгляд его был исполнен недоумения и боли. Только теперь слон осознал, что оказался в ловушке. Клетку, обмотанную цепями, подцепили крюком и стали поднимать на борт с помощью сложной системы блоков. Оказавшись в воздухе, Чота устремил печальный взор вдаль, в сторону диких лесов и бескрайних долин, где бродили стада слонов, свободных и счастливых.

Джахан наблюдал за всем этим, едва сдерживая рыдания. Случайно взгляд его упал на деревянный ящик, стоявший на земле. Несколько досок в стенках ящика отлетело, и сквозь отверстия можно было различить, что внутри лежат свертки какой-то материи. Несомненно, этот груз тоже должны были поднять на борт. Мальчик переводил глаза с клетки со слоном на ящик и обратно. Наконец он принял решение и, удостоверившись, что никто его не видит, юркнул в полупустой ящик. Губы его расплылись в довольной улыбке, когда он представил, как отчим будет искать его повсюду. Теперь оставалось только затаиться и ждать. Джахану показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он ощутил мощный толчок. Грузчики обращались с ящиком вовсе не так осторожно, как хотелось бы мальчику. Несколько минут его швыряло из стороны в сторону, потом ящик с глухим стуком коснулся деревян-

ной поверхности, а Джахан с размаху ударился головой о доски. Из глаз у него посыпались искры, но это было сущей ерундой по сравнению с тем, что он все-таки оказался на борту.

Корабль, на который Джахану удалось пробраться, назывался «Солнечный свет». То была четырехмачтовая каррака, на главной мачте которой, помимо так называемого вороньего гнезда, где обычно сидел загорелый дочерна матрос, имелись дополнительные паруса – их поднимали при попутном ветре. Команда насчитывала семьдесят восемь человек. К тому же на корабле находились несколько миссионеров, пилигримов, посланников, купцов и просто путешественников, желающих посмотреть чужие края.

Джахан понимал, что до наступления темноты ему лучше не покидать свое укрытие. Но как только солнечные лучи, проникавшие в щели между досками, погасли, он выбрался из ящика и отправился на поиски слона. Много времени для этого не понадобилось – слон тоже находился в трюме, в сырости и темноте. Погонщика рядом не было. Увидев Джахана, Чота издал ликующий трубный звук. Мальчик устроился рядом со своим другом и пообещал, что проводит того до Стамбула и, лишь убедившись, что слон добрался до нового места жительства живой и здоровый, вернется домой, к сестрам.

На следующее утро Джахан, желудок которого был пуст, как пересохший колодец, отважился подняться на палубу. Какой-то матрос, которому было ровным счетом наплевать, откуда на корабле взялся мальчик, дал ему воды и немного хлеба. Подкрепившись, Джахан поспешил к слону. Чота снова пребывал в одиночестве. Гураб явно не имел намерения проводить много времени в трюме. Обрадованный его отсутствием, Джахан решил, что ему нечего опасаться быть пойманным – и ошибся.

– А ты здесь откуда? – раздался знакомый голос у него за спиной.

Джахан повернулся и увидел изумленного донельзя Гураба.

– Шайтан тебя задери! – взревел тот. – Что ты здесь делаешь, недоумок?

– А ты что здесь делаешь? Гуляешь по палубе и дышишь свежим воздухом? Когда ни придешь, Чота все время один!

– Тоже мне, указчик нашелся! Тебе какое дело? Эта скотина принадлежит не тебе, а султану!

Оба осыпали друг друга упреками и ругательствами, однако завязывать драку ни одному из них не хотелось. Наконец на шум сбежались матросы и отвели обоих к капитану – смуглому человеку, питавшему пристрастие к опиуму. Капитан носил сапоги на высоких каблуках, которые громко цокали, когда он расхаживал по палубе.

– Слон один, а погонщиков двое, – изрек капитан, глядя на насупившихся мальчишек. – Получается перебор. Один из вас явно лишний.

– Погонщиком назначили меня, – заявил Гураб. – А этот сопляк пробрался на корабль тайком.

– Я ухаживаю за слоном, а он ничего не делает! – подал голос Джахан.

– Заткнитесь оба! – рявкнул капитан. – Я сам решу, кого из вас оставить.

Но он не спешил принимать решение. Гураб и Джахан, ожидая, пока определится их участь, держались друг от друга подальше и по очереди ухаживали за слоном. На корабле с мальчиками обращались хорошо, а питались они вместе с матросами, разделяя нехитрую трапезу, состоявшую из соленого мяса, сухарей и бобов. Что касается слона, то пища, которую тот получал, была ему явно не по вкусу, а может, просто душная атмосфера трюма пагубно воздействовала на его аппетит. Так или иначе, Чота почти ничего не ел и с каждым днем терял в весе.

Матросы на «Солнечном луче», как и все моряки на свете, были чрезвычайно суеверны. Некоторых слов матросы никогда не произносили, полагая, что они притягивают несчастье. Под строжайшим запретом были, например, такие слова как «тонуть», «крушение» и «скалы». Не следовало также говорить «ураган», даже если он бушевал вокруг, швы-

ря корабль из стороны в сторону, словно щепку. Дурными приметами считались, кроме того: перевернутые кверху дном ведра, спутанные веревки, погнутые гвозди и беременные женщины. Тот, кому довелось услышать пение русалок, должен был немедленно перебросить через левое плечо щепотку соли, ибо пение это – зов дьявола. К тому же на судне действовало множество других неписанных правил: услышав что-нибудь неприятное, следовало плюнуть и растереть плевком ногой; ни в коем случае нельзя было свистеть по ночам.

Джахан был поражен, узнав, что матросы с симпатией относятся к крысам. Считалось, что крысы покидают корабль перед крушением, поэтому присутствие серых грызунов на судне действовало на всех успокаивающе. А вот если на мачту садилась ворона, ее с проклятиями прогоняли прочь. Один из моряков признался Джахану, что перед отплытием сходил к колдуну и приобрел у того три попутных ветра. Конечно, он купил бы и больше, со вздохом сообщил собеседник, но у него была всего лишь одна серебряная монета, а колдун попался жадный.

Так или иначе, настал день, когда крысы исчезли. Небо, совсем недавно еще безоблачно-голубое, внезапно потемнело. Вскоре разыгралась стихия, название которой на корабле запрещалось произносить. Дождь хлестал как из ведра; порывы ветра едва не сбивали людей с ног; волны, которые с каждой минутой становились все выше, захлестывали палубу. Сломанный штурвал унесло волнами.

«Похоже, всем нам настал конец», – с содроганием думал Джахан. Но ему и в голову не приходило, что они со слонем должны стать первыми жертвами.

На третий день шторма в трюм спустились несколько матросов. Едва мальчик увидел их мрачные лица, сердце у него ушло в пятки.

– От этой скотины пора избавиться, – не разжимая губ, процедил один из моряков.

– Не надо было вообще брать его на борт! – подхватил другой. – Белый слон – это дурной знак. Он принес нам несчастье.

– Вы что, спятили? – возмутился Джахан. – Неужели вы и правда думаете, что все это устроил слон?

Но голос мальчика потонул в злобном ропоте моряков. Никто не желал его слушать. В отчаянии Джахан повернулся к Гурабу:

– Что ты молчишь, как бревно?! Они же убьют слона!

– А что я могу сделать? – пожал плечами Гураб. – Пойдем к капитану.

Джахан бросился вверх по лестнице. На палубе творилось настоящее светопреставление. Вокруг, куда ни глянь, вздымались грозные темные волны. Море забавлялось с кораблем, подобно злобному великану. В мгновение ока Джахан промок до нитки, голова у него закружилась от качки, и он судорожно вцепился в перила, опасаясь, что его смоем волной или унесет ветром. Найти капитана оказалось нетрудно. Его громовой голос, отдающий приказы, разносился по всему судну. Джахан подбежал к нему, схватил за локоть и принялся умолять спуститься вниз и убедить своих людей пощадить слона.

– Матросы испуганы, – ответил капитан. – Они не хотят, чтобы белый слон оставался на корабле. И их можно понять.

– Неужели вы позволите им выбросить Чоту за борт? И меня вместе с ним?

Капитан удивленно воззрился на мальчика.

– Ты-то здесь при чем? – бросил он. – Ты останешься на корабле. А от слона мы избавимся. Но убивать его никто не намерен.

– Выбросить Чоту за борт – это и есть убийство.

– Слоны умеют плавать.

– Но не в такую же погоду!

Джахан едва сдерживал слезы. Неожиданно в голову ему пришла новая мысль, и он ощутил проблеск надежды.

– Как вы думаете, султан Сулейман похвалит вас, узнав, как вы поступили с подарком, который послал ему шах? – спросил мальчик.

– Разгневанный султан не так страшен, как разгневанное море, – отрезал старый моряк.

– Вы говорите, что белый слон на борту приносит несчастье! – не сдавался Джахан. – Но убить его – значит навлечь на корабль несчастье еще более страшное.

– Я же сказал, никто не собирается убивать твоего слона, – пожал плечами капитан. – Если хочешь, я погружу его в лодку. И тебя вместе с ним. Тут поблизости есть остров, до которого, если повезет, вы сумеете добраться.

Он указал на одну из шлюпок. Джахан и подоспевший к тому времени на палубу Гураб ошеломленно переглянулись.

– Прыгайте оба! – распорядился капитан.

– Я не собираюсь обрекать себя на гибель из-за этого проклятого слона, – пробормотал Гураб. – Плевать я на него хотел.

– Ясно... – Капитан повернулся к Джахану. – А ты?

Мальчик понимал, что времени на размышления у него нет, тем более что от испуга он лишился способности соображать. Решение пришло само собой. Не говоря ни слова, он прыгнул в шлюпку.

– Это похоже на одну из притч о мудром царе Соломоне, – изрек капитан. – Как-то раз к нему пришли две женщины и привели ребенка, причем каждая из них утверждала, что именно она и есть его родная мать. Царь велел обеим взять малыша за руки и тянуть в разные стороны. Но одна из женщин наотрез отказалась делать это, не желая причинить ребенку вред. И тогда Соломон отдал мальчика ей, поняв, что она и есть настоящая мать. Вот и мы сейчас увидели, кто из вас настоящий погонщик, а кто самозванец, – заключил старый морской волк.

Чоту вывели на палубу. Слон обезумел от страха, ноги его разъезжались на мокрых досках пола. После нескольких попыток матросам удалось загнать животное в лодку, и через несколько мгновений ее спустили на воду. Слон издал душераздирающий вопль. Разъяренное море разинуло свою темную пасть и поглотило лодку, словно то была жалкая скорлупка.

* * *

Джахан смолк и поднял глаза на Михримах Султан, которая слушала, приоткрыв рот от ужаса.

– Как же вам удалось спастись? – выдохнула девушка.

– Нашу лодку прибило к маленькому острову. А потом нас подобрал другой корабль. Он назывался «Бегемот».

Губы принцессы тронула улыбка.

– И на этом корабле команда хорошо относилась к слону?

– Нет, ваше высочество. Там беднягу ждали новые беды. Многие моряки во время плавания заболели цингой. И, представьте, кто-то сказал, что мясо слона – лучшее средство от этого тяжелого недуга. Матросы уже готовы были убить Чоту, но их остановил капитан Гарет. Так что ему мы оба обязаны жизнью. Все остальное вам известно. Мы благополучно прибыли в Стамбул и ныне пребываем здесь.

– Жаль, что твоя история так быстро закончилась, – посетовала Михримах. – Мне кажется, если бы ты рассказывал тысячу дней, мне не наскучило бы слушать.

Джахану оставалось лишь сожалеть о своей опрометчивости. Он слишком быстро завершил рассказ, который можно было растянуть еще на несколько дней. А вдруг его высокогородная слушательница теперь больше никогда не придет? Мальчик тщетно ломал себе голову, пытаясь придумать, каким образом вновь возбудить любопытство Михримах, и тут

вдруг услышал хрип и судорожный кашель. Хесна-хатун, сидевшая поодаль, согнулась пополам, лицо ее стало багровым, дыхание – тяжелым и прерывистым. Дочь султана и погонщик слона бросились к ней на помощь. Михримах привычным движением развязала мешочек, висевший на поясе няньки, достала шепотку какого-то порошка и засунула той в нос. В воздухе моментально разнесся резкий запах. Джахан догадался, что странный аромат, который он иногда ощущал в присутствии Михримах, исходил из мешочка с сухими травами, что носила с собой ее провожатая. Хесна-хатун перестала хватать ртом воздух, дыхание ее стало более глубоким и ровным.

Девушка пояснила, что с ее няней случился приступ удушья: старуха давно уже страдала болезнью с мудреным названием «астма».

– Идем, дада, – сказала Михримах. – Тебе нужно отдохнуть.

– Да, мое ненаглядное сокровище, – ответила Хесна-хатун, поправляя на голове сбившееся покрывало.

Михримах повернулась к слону.

– До свидания, Чота! – ласково сказала она. – На твою долю выпало так много испытаний, бедняжка. В следующий раз я принесу тебе самые вкусные лакомства, какие только есть во дворце. – Она искоса бросила взгляд на Джахана и добавила: – Ты молодец, что не оставил слона в беде, мальчик-гиацинт. Похоже, у тебя доброе сердце.

– Милостивая госпожа, я... – начал было Джахан, но не успел закончить.

Ибо дочь султана сделала то, чего он от нее никак не ожидал. Она коснулась его: протянула руку, дотронулась до его щеки и легонько провела по ней пальцами, словно ища ямочку, ныне скрытую румянцем смущения.

– Да, погонщик слона, у тебя доброе сердце, – повторила девушка. – Жаль, что мы не можем проводить больше времени вместе.

Потрясенный до глубины души, Джахан застыл неподвижно, словно превратился в соляной столп. Дыхание застревало у него в горле, не говоря уже о словах благодарности или обещаниях порадовать дочь султана новыми историями. Все, что ему оставалось, – смотреть ей вслед, страстно желая, чтобы она вернулась.

* * *

– Эй, погонщик, ты куда запропастился?

Джахан вышел из сарая и увидел главного белого евнуха, который укоризненно взирал на него, уперев руки в бока.

– Чем это ты занимаешься?

– Я подметал в сарае...

– Вычисти слона как следует и наведи на него красоту. Он нужен верховному муфтию.

– Но... для чего?

Гвоздика Камиль-ага сделал шаг вперед и залепил мальчику оплеуху:

– Как ты смеешь спрашивать? Делай, что приказано.

С помощью других работников зверинца Джахан укрепил на спине слона хаудах – специальное седло-шатер. Когда Чота был готов, евнух смерил его взглядом, в котором проскальзывало презрение:

– Ладно, сойдет. Санграм покажет тебе, куда идти. Надеюсь, проклятый еретик не избежит возмездия.

– Да, эфенди, – кивнул Джахан, которого слова евнуха привели в полное недоумение.

Была пятница. Утро выдалось пасмурное, моросил мелкий дождь. Слон неспешно двигался по запруженным людьми улицам Стамбула, Джахан и Санграм покачивались в шатре. От индуса Джахан узнал то, что не считал нужным сообщить ему главный белый евнух. Им предстояло забрать верховного муфтия и доставить того на площадь, где должен был состояться суд над бродячим проповедником – суфием, которого обвиняли в нечестивых суждениях. Предоставляя своего слона верховному муфтию, султан выражал глубокое уважение к улемам.³ Правда, сам Сулейман отклонил предложение муфтия присутствовать на суде – в знак того, что не желает вмешиваться в богословские дебаты.

Проходя мимо старинного кладбища, откуда открывался вид на бухту Золотой Рог, слон внезапно остановился. Джахан легонько ударил его тростью, но Чота словно прирос к земле.

– Про слонов рассказывают удивительные истории, – заметил Санграм. – Говорят, они сами выбирают место, где им хотелось бы умереть. Похоже, этот слон такое место уже выбрал.

– Что за глупости! – возмутился Джахан, которому эти слова пришили совсем не по душе. – Чота еще молодой. Ему рано думать о смерти.

Санграм пожал плечами. К счастью, Чота наконец двинулся дальше, и неприятный разговор был исчерпан.

Незадолго до полудня они прибыли к дому верховного муфтия. То был роскошный особняк с голубятней из резного известняка, изящной беседкой под резным балдахин и эркером, откуда открывался вид на пролив Босфор. Джахан смотрел на особняк во все глаза. Он заметил, что в доме много витражных окон, но в большинстве своем – досадный просчет архитектора – они выходят на север.

«Как жаль, – вздохнул про себя мальчик, – ведь каждому известно, что северная сторона дома вечно пребывает в тени».

Он ясно представил, как изменчивые солнечные лучи, проникая сквозь цветные стекла витражей, подчеркнули бы их красоту. В душе Джахан пожалел, что у него нет с собой даже клочка бумаги. Ему бы так хотелось нарисовать этот прекрасный дом, внеся в его облик исправления, которые мальчику представлялись необходимыми.

³ Улемы – мусульманские ученые, признанные и авторитетные знатоки ислама.

Тем временем появился верховный муфтий. Его многочисленные жены и дети, никогда прежде не видевшие слона, глазели на белого гиганта из всех окон и дверей. Джахан и Санграм приветствовали хозяина дома низкими поклонами. С помощью лестницы и дюжины слуг верховный муфтий, человек весьма преклонных лет, вскарабкался на спину слона и устроился в шатре. Джахан, как всегда, уселся на шее слона. Санграму пришлось идти пешком.

– Случалось ли кому-нибудь падать с этой громадины? – осведомился муфтий, когда слон зашагал по улице.

– Нет, челеби,⁴ уверяю вас, что подобного никогда не случилось, – успокоил его погонщик.

– Иншаллах, надеюсь, я не буду первым.

К удивлению Джахана, старик неплохо перенес поездку. Они двигались по широким многолюдным улицам, избегая узких переулков, слишком тесных для слона. К тому же мальчик догадался: муфтий явно не прочь, чтобы как можно больше людей увидели его восседающим на спине гигантского животного. Желание вполне понятное, ведь не всякий день человеку выдается возможность прокатиться на слоне самого султана Сулеймана.

Наконец они добрались до площади, где прибытия верховного муфтия уже ожидала толпа народа. Увидев его на слоне, люди разразились радостными возгласами и принялись размахивать руками. Трудно было сказать, кого они приветствуют более горячо и радостно – муфтия или Чоту. А ведь все и без того были возбуждены в преддверии из ряда вон выходящего события. После того как верховного муфтия бережно сняли со спины слона, он приступил к обряду большого пятничного богослужения. Все улемы и сотни горожан повторяли слова молитвы вслед за ним. Джахан и Санграм, притулившись у ног слона, тихонько перешептывались и время от времени бросали любопытные взгляды на обвиняемого, который стоял в окружении четырех дюжих янычар. Он тоже молился, то опускаясь на колени, то поднимаясь на ноги. Это был высокий худощавый человек с тонкими чертами лица и впалыми щеками, поросшими темной щетиной.

Имя его было Лейли, хотя все называли его Меджнун-Шейх. Он был самым молодым богословом-суфием из всех, кто собрался на площади в эту пятницу. Серые глаза Лейли, влажные и невеселые, напоминали осенний дождь, щеки были испещрены веснушками, подобными каплям краски, а светлые волосы отличались удивительной густотой. То был человек, в котором соединялось несоединимое: детская любознательность, влекущая его к постижению внутреннего устройства мира, и невозмутимая мудрость старца. Смелость Лейли порой граничила с безрассудством, но иногда он бывал застенчив и робок. От него веяло бодростью и энергией, но при этом его неизменно окружала аура печали. Меджнун-Шейх был наделен даром красноречия, сведущ в области марифы,⁵ и проповеди его привлекали огромное количество слушателей, среди которых были не только верующие, но и сомневающиеся. Его голос, негромкий, мягкий, в минуты особого воодушевления приобретал глубину и звучность. Его суждения сбивали улемов с толку, приводя их в растерянность и смятение. Да и сам он тоже не питал к улемам особой приязни. Дня не проходило, чтобы Меджнун-Шейх не высмеял в своих проповедях представителей религиозной верхушки. Тому, кто достиг высшей ступени познания, утверждал он, следует постигать сущность веры, а не размышлять о грехах и пороках. Суфии стоят на самой высшей ступени, поэтому для них не обязательны все правила и постулаты, на соблюдении которых настаи-

⁴ Челеби – титул высшего духовенства. – *Примеч. перев.*

⁵ Марифа – в суфизме внеопытное знание, которое достигнуто иррациональным путем, в результате длительной духовной практики и субъективных ощущений.

вают улемы. Эти законы незыблемы лишь для тех, кто не желает думать самостоятельно и предпочитает, чтобы за него думали другие.

Меджнун-Шейх много говорил о любви: о любви к Богу и ближнему, о любви ко всему мирозданию в целом и к каждой мельчайшей его частице. Молитва – это выражение нашей любви, заявлял он. Любовь избавляет нас от всех страхов и разочарований. Человеку не следует бояться кипящих котлов ада или мечтать о райских кушах, населенных прекрасными девственницами-гуриями, ибо рай и ад, страдание и блаженство мы познаём уже здесь, на этой земле. «Доколе каждый из нас будет стремиться прочь от Бога, вместо того чтобы любить Его?» – вопрошал проповедник. Почитатели Меджнун-Шейха – разношерстное собрание мастеровых, крестьян и солдат – внимали его речам как замороженные. Его призывы находили отклик в сердцах не только бедных, но и богатых. Самые невежественные одалиски и озлобленные евнухи не оставались равнодушными, слушая его. Даже иудеи, христиане и зороастрийцы, коим принадлежит Авеста – некая таинственная книга откровений, порой оказывались во власти этого человека.

Большое пятничное богослужение подошло к концу. Ученые расселись по своим местам. Меджнун-Шейх потерял глаза, словно ребенок, которому отчаянно хочется спать, и принялся поочередно рассматривать тех, кому предстояло его допрашивать.

– Тебе известно, в чем тебя обвиняют? – спросил верховный муфтий.

– Да, в том, что вы называете ересью, – последовал ответ. – Но обвинение сие совершенно необоснованно.

– Это мы сейчас и выясним. Правда ли, что ты называл себя Богом и утверждал, будто Богом является всякий человек?

– Я утверждал лишь, что Создатель присутствует в каждом своем создании. И кузнец, и падишах вышли из одного жизненного источника.

– Как это возможно?

– Мы все сотворены не только по образу и подобию Божьему, но и несем в себе частицу Божественной сущности.

– Ты заявлял, что не испытываешь страха перед Богом. Это правда?

– Разве ты боишься тех, кого любишь? Почему я должен бояться Того, кого люблю всей душой?

По толпе прошел ропот. Кто-то крикнул:

– Тише!

– Значит, ты признаешь, что считаешь себя подобным Богу?

– Судя по всему, ты полагаешь, что Бог подобен тебе. Ты уверен, что Он так же зол, упрям и мстителен. А я считаю иначе: вместо того чтобы приписывать Богу худшие людские черты, предпочитаю верить, что частицу божественного можно найти в каждом человеке.

Один из ученых мужей, Эбуссууд-эфенди, попросил разрешения вмешаться в спор и поинтересовался:

– Ты хоть понимаешь, несчастный, что пятнаешь свои уста богохульством?

– Это почему же? – спросил Меджнун-Шейх и устремил на ученого вопросительный взгляд.

– Вместо того чтобы раскаяться в содеянном, ты смеешься над высоким судом, – процедил Эбуссууд. – Рассудок твой замутнен ересью, это ясно всякому.

– Я и не думал смеяться. К тому же между мною и тобой гораздо больше сходства, чем различий. И во мне ты ненавидишь то, что есть в тебе самом.

– Вздор! Невозможно представить двух более непохожих людей, чем я и ты! – возмутился Эбуссууд. – И твой так называемый Бог – вовсе не тот Бог, в которого верую я.

– А разве это не богохульство – рассуждать о моем и твоём Боге, словно Создатель не один?

По толпе прокатилась волна возбужденного шепота.

Верховный муфтий откашлялся и подал голос:

– Расскажи нам, каким ты представляешь Бога.

Меджнун-Шейх ответил, что Аллах отнюдь не похож на падишаха или раджу, восседающего на небесном престоле и взирающего на людей с высоты своего величия. И неправда, будто он записывает каждый наш грех на тайную скрижаль, чтобы воздать за него в Судный день.

– Бог не писец и не купец, чтобы вести учет, – заявил обвиняемый.

Не удовольствовавшись подобным ответом, ученые мужи продолжили допрос. Но с какой стороны они ни пытались подступиться к обвиняемому, тот твердо стоял на своем. В конце концов он заявил:

– Вы начертили линию и заявили, что никто не имеет права заходить за нее. Но эта линия – лишь начало моего пути. То, что вы называете харам – грязным, представляется мне халал – чистым. Вы повелеваете мне закрыть рот. Но как я могу молчать, если моими устами говорит сам Бог?

День клонился к вечеру, багровые отблески заката догорали в небе над холмами. Вдалеке, в море, виднелись огни, зажженные на рыбацких лодках. Чайки пронзительно кричали, сражаясь из-за куска тухлого мяса. Возбуждение, царившее на площади в первые часы, улеглось, зрители утомились и начали скучать. У всех собравшихся имелись дела, которые нужно было сделать, животы, которые нужно было чем-то набить, жены, которых следовало убаюкать. Толпа на глазах начала таять. На площади оставались лишь приверженцы еретика, не сводившие с него восхищенных взглядов.

– Мы предоставляем тебе последнюю возможность признать свою вину, – изрек верховный муфтий. – Если ты подтвердишь, что говорил о Боге кощунственно, и поклянешься никогда более не делать этого, тебе будет даровано прощение. А теперь я спрашиваю в последний раз: ты раскаиваешься?

– Мне не в чем раскаиваться, – ответил Меджнун-Шейх. Он вскинул голову и распрямил плечи, словно приняв решение. – Я люблю Бога, и Бог любит меня. Разве можно раскаиваться в любви? Есть множество вещей, достойных раскаяния. Алчность. Жестокость. Ложь. Но о любви сожалеть нельзя.

Джахан так заслушался, что не заметил, как слишком туго натянул поводья. Чота издал недовольный звук, который привлек всеобщее внимание.

– Какое удивительное создание... – произнес Меджнун-Шейх, с восхищением рассматривая слона. – Разве это животное не является свидетельством неисчерпаемого богатства и разнообразия нашего мира? Кому-то кажется, что это всего лишь огромный зверь, но ведь он вбирает в себя все сущее. Когда мы умираем, наша душа оставляет тело и входит в другое. Поэтому смерти не существует. Нам нечего мечтать о рае и бояться ада. Мне ни к чему молиться пять раз в день и соблюдать пост во время Рамадана. Тому, кто так высоко воспарил, не нужны правила, установленные для обычных людей.

Над площадью повисло напряженное молчание, которое, казалось, длилось целую вечность. Тишину разбил голос верховного муфтия:

– Все вы были свидетелями того, как обвиняемый отверг предоставленную ему возможность и отказался признать собственные ошибки. Еретик сам предрешил свой конец. Он будет предан смерти, прежде чем истекнут три дня. Все его приверженцы будут арестованы. Те из них, кто раскается в своих грехах, получают свободу. Прочие разделят участь наставника.

Джахан опустил глаза, опасаясь встретиться взглядом с человеком, обреченным на смерть. Упоминание о слоне, долетевшее до его ушей, заставило мальчика вздрогнуть.

– Если позволит верховный муфтий, я хотел бы поделиться одним соображением, пришедшим мне в голову, – произнес Эбуссууд-эфенди. – Как известно, жители Стамбула любят

белого слона, принадлежащего нашему великому султану. Почему бы этому диковинному зверю не стать для вероотступника орудием смерти? Пусть слон затопчет его ногами. Это будет воистину незабываемое зрелище.

Верховный муфтий выглядел озадаченным: никогда прежде в их городе не случилось ничего подобного.

– О почтенное собрание, мне доподлинно известно, что такие казни приняты в Индии. Воры, убийцы и насильники часто встречают свою смерть под ногами этих животных. Если слон затопчет еретика, это будет достойным уроком для тех, кого пленяют нечестивые воззрения, – настаивал Эбуссууд-эфенди.

После недолгого раздумья верховный муфтий произнес:

– Что ж, это предложение представляется мне не лишенным смысла. Я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы его осуществить.

Все взгляды устремились на слона и погонщика. Мальчик открыл рот, но от ужаса не мог вымолвить ни слова. Сердце пойманной птицей колотилось у него в груди. Наконец он обрел дар речи и пролепетал:

– Умоляю вас, досточтимые мужи, откажитесь от этого намерения. Чота никогда не делал ничего подобного. Он не сумеет убить человека.

– Разве ты и этот слон прибыли не из Индии? – спросил Эбуссууд, и в голосе его прозвучало подозрение.

– Мы прибыли именно оттуда, эфенди, – кивнул белый как мел Джахан.

Верховный муфтий провозгласил окончательное решение:

– Если слон не умеет убивать людей, научи его. У тебя есть на это три дня.

* * *

Через трое суток после суда Джахан, дрожа как лист, сидел на спине слона и глядел вниз, на толпу возбужденных зевак, казавшуюся ему настоящим людским морем. На человека, который лежал на земле совсем рядом с ним, мальчик старался не смотреть. Меджнун-Шейх был связан по рукам и ногам, глаза его тоже закрывала повязка. Он молился, но так тихо, что голос его тонул в рокоте толпы.

– Вперед, Чота! – закричал Джахан, не слишком, впрочем, уверенно. Слон не двинулся с места. – Давай двигай ногами, скотина!

И погонщик несколько раз ударил слона: сначала хлыстом, потом дубинкой. Он то осыпал животное упреками и проклятиями, то обещал ему орехи и яблоки. Но ничего не помогало. Наконец Чота пришел в движение. Однако, вместо того чтобы затоптать осужденного, он отступил назад и снова замер, беспокойно поводя ушами.

Судьи, заметив, что публика утомилась от ожидания, сочли за благо изменить способ казни.

– Согласно традиции, еретик и его последователи будут преданы смерти через повешение, – заявили они.

В конце концов Меджнун-Шейх и девять его приверженцев были повешены, а тела их брошены в Босфор. Один из учеников, избежавший общей участи, ибо в день суда был в отъезде, остался ждать на берегу, на косе, уходящей далеко в море. Он знал, волны Босфора непременно вынесут тела на сушу. Одно за другим он вылавливал их, очищал от тины, осыпал поцелуями и предавал земле. В отличие от прочих захоронений, могилы этих людей не были украшены надгробными плитами.

* * *

С того самого дня, как они с Чотой прибыли в зверинец, Джахан ждал, когда же султан Сулейман пожелает увидеть слона. Но прошли недели, потом месяцы, а повелитель не вспоминал о присланном ему из Индии подарке. Султан или командовал армией на полях сражения, или следовал к месту очередной битвы. В те редкие дни, когда властитель пребывал во дворце, он был поглощен государственными делами или же искал отдохновения в гареме. Джахан продолжал ждать. Султан так и не пожаловал, однако настал день, когда зверинец соизволила посетить его супруга Хюррем.

Быстрая, как ветер, бесшумная, словно кошка, она появилась неожиданно, застав всех врасплох. Только что сад был пуст, и вдруг султанша, сопровождаемая свитой, возникла точно из воздуха. На ней были пурпурное платье, отделанное мехом горноста, и головной убор с кистями, доходившими до ее острого подбородка. На среднем пальце правой руки сверкало кольцо с изумрудом размером с куриное яйцо.

За матерью, в отдалении от свиты, почтительно державшейся на расстоянии семи шагов, следовала Михримах Султан. Лицо ее было наполовину прикрыто прозрачным шарфом, а в глазах, поблескивающих, словно камешки на дне прозрачного ручья, плясали веселые искорки. Встретив восхищенный взгляд Джахана, девушка слегка улыбнулась, обнажив щербинку между передними зубами, придающую ее улыбке особое обаяние и шаловливость.

Джахан несколько раз открыл и закрыл рот, борясь с желанием заговорить с дочерью султана. Он невольно сделал шаг в ее направлении, но тут евнух отвесил ему затрепину и прошипел:

– На колени! Что ты себе позволяешь, олух!

Испуганный погонщик исполнил приказ так поспешно, что колени его громко стукнули о камни, которыми был вымощен двор. Кое-кто из присутствующих засмеялся, и бедняга покраснел до ушей.

Хюррем, не удостоив Джахана взглядом, прошла мимо. Подол ее платья едва не коснулся склоненной головы мальчика.

– Кто ухаживает за этим зверем? – спросила она.

– Я, всесветлая госпожа, – ответил Джахан.

– Как его зовут?

– Чота, всесветлая госпожа.

– Что он умеет?

Вопрос привел Джахана в замешательство, и после секундного размышления мальчик ответил несколько невпопад:

– Слон – благородное животное.

Он хотел объяснить султанше, что слоны отличаются не только гигантскими размерами, но и великодушием. В отличие от всех прочих зверей, они понимают, что такое смерть. У слонов есть особые ритуалы, с помощью которых они приветствуют появление на свет новорожденных и оплакивают ушедших. Львы свирепы, тигры величественны, обезьяны сообразительны, павлины красивы, но лишь слон сочетает в себе все упомянутые качества.

Однако у погонщика не было ни времени, ни возможности выразить все это словами.

– Покажи нам какие-нибудь трюки! – приказала султанша.

– Трюки? – растерянно переспросил Джахан. – Но Чота не обучен никаким трюкам.

Поднять голову он не осмеливался, так что выражения лица Хюррем видеть не мог. Все, что мальчик видел, – ее ноги в шелковых туфлях. Ноги эти сделали несколько шагов. Султанша подошла к слону и велела служанкам принести прут. Приказ был незамедлительно

исполнен. Джахан боялся, что гостя ударит Чоту, но она лишь взмахнула прутом в воздухе и спросила:

– Может слон поймать это?

Прежде чем мальчик успел ответить, Хюррем бросила прут, который, описав в воздухе полукруг, упал у задних ног слона. Тот взмахнул хоботом, словно отгоняя невидимую муху, и снова замер, не понимая, чего от него хотят.

Султанша презрительно рассмеялась. В этот момент Джахан увидел слона ее глазами. Неуклюжая громадина, которая слишком много ест, слишком много пьет и ровным счетом ничего не умеет.

– Неужели этот зверь ни на что не способен?

Слова Хюррем прозвучали скорее как утверждение, а не как вопрос.

– Всесветлая госпожа, это боевой слон. И все его предки тоже были боевыми слонами.

Чота еще совсем молод, но уже доказал свою храбрость на поле битвы.

Султанша с удивлением посмотрела на мальчишку, совершенно не сведущего в дворцовых обычаях.

– Говоришь, это слон-воин?

– Да... именно так, всесветлая госпожа, Чота – слон-воин.

Едва только слова эти сорвались с губ Джахана, как он уже пожалел о своей лжи.

– О, значит, тебе крупно повезло, – усмехнулась султанша. – Вскоре начнется война.

Супруга Сулеймана повернулась к главному белому евнуху:

– Этот слон будет сражаться вместе с нашей доблестной армией. Проследи за тем, чтобы про него не забыли.

И, сказав это, она повернулась и двинулась прочь, а вся свита послушно потянулась следом. Гвоздика Камиль-ага, смерив ледяным взглядом сначала слона, потом погонщика, тоже ушел. Но не все спутники султанши покинули зверинец. Две женщины, стоявшие поодаль, не сводили глаз с Джахана: Михримах и ее няня.

– Ты огорчил мою досточтимую мать, – заметила Михримах. – Никому не дозволяется огорчать супругу султана.

– Я не хотел, – ответил Джахан, едва сдерживая слезы.

– А почему ты сам так расстроился?

– На самом деле этот слон и понятия не имеет, что значит сражаться, милостивая госпожа.

– Значит, ты обманул мою досточтимую мать? – спросила девушка с притворным ужасом. – Посмотри на меня, погонщик.

Джахан на мгновение вскинул голову, взглянул в лицо Михримах – нежное овальное личико, которое она унаследовала от матери, – и вновь смущенно опустил взгляд. Но в то мгновение, когда глаза его встретились с глазами дочери султана, он успел разглядеть в них шаловливые искорки.

– Ты глупее, чем я думала, – изрекла Михримах. – Скажи, погонщик, ты бывал когда-нибудь на войне?

Джахан покачал головой. С дерева донеслось карканье вороны – пронзительный, резкий крик, который прозвучал как предостережение.

– Я тоже ни разу не была, – призналась Михримах. – Но я очень много путешествовала, честное слово. Больше, чем моя досточтимая матушка. Даже больше, чем мои благородные братья. Мой милостивый отец так меня любит, что берет с собой в дальние страны. Только одну меня из всех своих детей. Правда, – тут в голосе ее послышались нотки печали, – в последнее время мы перестали путешествовать вместе. Отец говорит, что я уже не ребенок и меня надо скрывать от чужих взглядов. А вот братья мои свободны, как перелетные птицы. Счастливые! Ты не представляешь, как бы я хотела родиться мальчиком!

Джахан, изумленный словами дочери султана, по-прежнему не осмеливался поднять голову. Но его почтительность, похоже, была ей не по душе.

– А некоторым мальчикам не худо было бы родиться девочками, – насмешливо бросила Михримах. – Взять хотя бы тебя. Ты готов зареветь от страха при одной мысли, что тебя отправят на войну, а я бы все отдала, лишь бы сражаться на поле битвы рядом с отцом. Эх, вот бы здорово нам с тобой поменяться местами, хотя бы на время!

* * *

Вечером, набравшись смелости, Джахан отправился к главному белому евнуху. Он объяснил ему, что Чота еще очень молодой слон и не готов сражаться. Говорил он торопливо и сбивчиво, множество раз повторяя одно и то же. Джахан не боялся, что Гвоздика Камиль-ага не поймет его. Он чувствовал: стоит ему смолкнуть, и из глаз хлынут слезы.

– Ты говоришь, он еще не готов? – переспросил евнух. – А какая подготовка ему требуется? Он же боевой слон, верно? Или индийский шах обманул нас?

– О, конечно же нет. Чота – настоящий боевой слон, как и все его предки. И все же ему надо пройти выучку. Сейчас он слишком легко пугается.

– И чего же он боится?

– Тигров, – судорожно сглотнув, сказал Джахан. – Я заметил, Чота начинает беспокоиться всякий раз, когда до него долетает рев тигра.

– Если он боится только тигров, то волноваться не о чем, – усмехнулся Гвоздика Камиль-ага. – Тигры в Кара-Богдании⁶ не водятся.

– В Кара-Богдании? – эхом повторил Джахан.

– Да, именно туда направляется наша доблестная армия. А теперь убирайся прочь и не вздумай впредь надоедать мне подобной ерундой.

* * *

Олев, неунывающий укротитель львов, снова пришел Джахану на помощь. Приказ есть приказ, сказал он. Его необходимо выполнять. И в оставшееся время им придется готовить слона к тем испытаниям, которые ему предстоят. А если Чота боится тигров, надо помочь ему преодолеть свой страх.

Неизвестно откуда Олев добыл тигриную шкуру. А затем попросил Санграма принести овцу, безобидное животное с глупыми карими глазами. Весь день овца паслась в саду, а на ночь ее загоняли в сарай. Олев дал одному из мальчишек, которые помогали на кухне, маленький бочонок и договорился, что тот наполнит его кровью, когда будут резать цыплят.

На следующее утро, когда Чота гулял во дворе, Олев попросил того же самого кухонного мальчишку набросить на плечи тигриную шкуру, встать на четвереньки и издать подобие тигриного рыка.

Слон не обратил на странное существо особого внимания, лишь взглянул на него краешком глаза. В тот день они не дали Чоте ни воды, ни пищи, зато тщательно наточили ему бивни. На следующий день Олев набил тигриную шкуру картошкой и поместил ее поблизости от клетки Чоты. Слона опять не кормили, лишь дали ему немного воды. На прогулку его тоже не выпускали. Понурый и голодный, слон глядел на тигриную шкуру, по всей видимости считая, что во всех его несчастьях виновата именно она.

⁶ Кара-Богдания – османское название Молдавии. – Примеч. ред.

На следующий день Олев обернул тигриной шкурой овцу. Бедное животное хотело сбросить столь неподобающий наряд, но Олев предусмотрительно смазал изнанку шкуры липкой сосновой смолой. Злополучную овцу он притащил к сараю Чоты и впустил внутрь. К этому времени слон уже обезумел от голода и жажды, а овца – от страха. Олев щедро окропил овцу куриной кровью, так что тигриная шкура и овечья шерсть пропитались ею насквозь. Резкий, тошнотворный запах крови носился в воздухе. Олев завязал овце глаза тряпкой. Лишившись возможности видеть, бедное животное окончательно впало в панику. Испуг его передался и Чоте, который принялся тяжело переступать с ноги на ногу. Овца с завязанными глазами в исступлении носилась туда-сюда и в конце концов врезалась в слона. Чота взмахнул хоботом и со всей мочи огрел овцу. Несчастное создание повалилось на землю, а потом с трудом встало, издавая жалобное бляение, которое потом еще долго звучало у Джахана в ушах.

Мальчик запер дверь сарая, оставив животных наедине. Припав ухом к двери и сжав ручку так крепко, что пальцы побелели, он ждал. Овца продолжала бляеть, потом бляение ее переросло в душераздирающий стон. Постепенно все звуки стихли. Джахан тихонько приоткрыл дверь. В нос ему ударил запах крови, мочи и помета. Затоптанная овца недвижно лежала на полу.

Вечером Джахан вместе с другими работниками зверинца сидел у очага, где весело потрескивали кедровые дрова. Все негромко разговаривали, дым от курительных трубок кольцами поднимался в воздух. Китайцы-близнецы, одурманенные гашишем, то и дело заходились в приступках беспричинного смеха. Полная луна стояла в небе совсем низко, заливая своими холодными лучами спящий Стамбул. Небо походило на решето, сквозь отверстия которого проникал свет звезд. Все треволения этого дня остались позади, и теперь Джахан ощущал лишь усталость. Что он делает здесь, среди диких животных, вдали от семьи и родного края? Наверное, все его сестры уже вышли замуж, может быть, у них даже есть дети. Сейчас они тоже сидят в своих домах у очагов, далеких очагов, тепло которых не может его согреть. Мысль об этом наполнила сердце Джахана печалью. О, как бы он хотел вернуться домой! Но вместо этого ему предстояло отправиться на войну.

* * *

В пятницу, после большого богослужения, султан отдал приказ бить в военный барабан. То был огромный бронзовый инструмент, в который, согласно традиции, перед началом новой войны полагалось ударить семь раз. Резкий тревожный звук эхом пронесся по мраморным залам дворца, по фруктовым садам и цветникам и достиг зверинца. Всякий, кто слышал грохот барабана, будь он богат или беден, ощущал, как мурашки бегут у него по коже и кровь стынет в жилах.

Весь город начал готовиться к войне. Матери прощались с сыновьями, которые должны были стать воинами. Янычары точили сабли. Паши седлали коней. Буквально все в Стамбуле, независимо от рода занятий – кузнецы, пекари, повара, портные, гончары, скорняки, садовники, ткачи, каменщики, красильщики, стекольщики, свечных дел мастера, пильщики, плотники, медники, чеканщики, гребцы, птичники, крысоловы и даже предсказатели будущего, – вооружались, кто чем мог. Да что там говорить, даже среди портовых шлюх и то царило лихорадочное возбуждение.

Все ждали, когда главный придворный астроном объявит день, наиболее благоприятный для начала войны. Как известно, звезды могут указать день, подходящий для любого важного события, будь то битва, свадьба или ритуал обрезания. Наконец после долгого наблюдения за звездами астроном вычислил судьбоносную дату. Войскам следовало отправиться в путь через двадцать дней.

Для того чтобы начать сражение, необходимо отыскать врага, если только враг не отыщет тебя первым. Османской армии предстояло пересечь пространство между бухтой Золотой Рог и рекой Прут. Слон и его погонщик получили приказ выступать в авангарде. Это обстоятельство не на шутку беспокоило Джахана. Он не хотел находиться поблизости от делибашей, известных своим безрассудством. Одетые в меха, с ног до головы покрытые татуировками, бритоголовые, с серьгами в ушах, делибаши славились своей беспощадностью, неистовством и свирепостью. Среди них было немало преступников, совершавших грабежи и убийства. Дуя в горны и трубы, колотя в барабаны и издавая дикие крики, они поднимали шум, способный разбудить мертвеца. Джахан опасался, что эта жуткая какофония звуков, призванная нагнать на врагов трепет, приведет слона в бешенство.

Пока мальчик размышлял, стоит ли делиться с кем-нибудь своими тревогами, проблема разрешилась сама собой. В то утро, когда армия выступила в поход, оглушительный гвалт, поднятый делибашами, привел Чоту в исступление, и он едва не затоптал нескольких солдат. После этого случая слона сочли за благо перевести в замыкающие ряды, туда, где двигалась кавалерия. Но теперь испугались лошади, и к концу первого дня похода слона и погонщика переместили в третий раз: теперь их поставили среди пехотинцев.

После этого дело пошло на лад. Чота бодро шагал, наслаждаясь свежим воздухом и возможностью двигаться, которой ему так не хватало в тесном пространстве дворцового сада. Джахан, сидя на шее слона, глядел вниз, на людское море, которому не было ни конца ни края. Он видел верблюдов, навьюченных тюками с провизией, и волов, тащивших пушки и катапульты, алебардчиков с длинными волосами, свисающими из-под шапок, и дервишей, нараспев читающих молитвы. Он видел предводителя янычаров, янычар-агу, гордо восседавшего на горячем жеребце, и даже самого султана – тот гарцевал на породистом арабском скакуне в окружении стражников: по левую руку от него скакали лучники-левши, а по правую – правши. Впереди всех ехал знаменосец с бунчуком – флагом, украшенным семью вороньими лошадиными хвостами.

Следом двигались тысячи простых смертных, вооруженных пиками, саблями, топорами, аркебузами, дротиками, щитами, луками и стрелами; боевые знамена и лошадиные

хвосты на шестах реяли над нестройными рядами. Никогда прежде Джахан не видел такого великого множества народу. Армия казалась не огромным скопищем людей, но единым целым, неким гигантским тысячеголовым чудовищем. Дружный топот человеческих ног и лошадиных копыт возбуждал и ошеломлял одновременно. Преодолевая сопротивление встречного ветра, войска поднялись на холм и спустились в долину: словно бы нож со всего размаху вонзился в живую плоть.

Время от времени Джахан, утомившись сидеть на шее слона, спускался, чтобы пройти пешком. На одной из таких прогулок он познакомился с жизнерадостным пехотинцем, несущим на спине бурдюк с водой.

– Всякий убитый враг – ступенька к райским кушам, – заявил солдат. – Чем больше ты прикончил неверных, тем просторнее будет дворец, ждущий тебя на небесах.

Джахан плохо разбирался в райских кушах и отнюдь не был уверен, что там людям вообще нужны какие-либо жилища, а уж тем более дворцы. Поэтому он предпочитал помалкивать. Новый знакомый рассказал, что сражался в битве при Мохаче, где полегли толпы неверных. Они падали на землю, словно подбитые птицы. Поле было сплошь покрыто убитыми, сжимающими мечи в окоченевших руках.

– В тот день шел дождь, проливной дождь... и все же я видел золотой свет, – сообщил пехотинец, понизив голос до шепота.

– Золотой свет? – изумленно переспросил Джахан.

– Клянусь, я видел его. Яркий золотой свет. Он сиял над полем. Аллах был на нашей стороне.

Рассказ нового знакомого был прерван пронзительным воплем. Солдаты бросились в разные стороны, над рядами пронесся ропот, командиры выкрикивали приказы. Там, где только что была ровная земля, зияла огромная воронка, подобная пустой глазнице. Земля открыла пасть и проглотила нескольких всадников. Они провалились в яму, утыканную острыми пиками и кольями, – то была ловко замаскированная ловушка, устроенная врагом. Через несколько мгновений все были мертвы, лишь одна из лошадей продолжала тяжело дышать, жилы вспухали на окровавленной шее. Стрела, пущенная каким-то сердобольным воином, прекратила ее мучения.

По поводу того, как поступить с телами погибших, разгорелся долгий спор. Одни считали, что мертвецов надо оставить в яме, другие настаивали на том, что их необходимо извлечь из ловушки и похоронить должным образом. Солнце меж тем начало клониться к закату. В конце концов было решено не терять понапрасну драгоценного времени и закопать людей и лошадей в яме, ставшей для них общей могилой.

«Как все же несправедливо, – рассуждал Джахан, – что люди, принявшие мученическую смерть, отправляются на небеса, а для животных, разделивших их участь, врата рая закрыты». Но эти размышления он предпочитал держать при себе, понимая, что изменить подобный порядок вещей не в человеческой власти.

Несколько дней подряд армия пересекала бескрайние долины и поднималась на крутые холмы. С наступлением темноты войска прекращали движение и устраивались на ночлег. Через шесть дней и пять ночей они подошли к берегам реки Прут. Над водой вздымался легкий туман. Нигде не было видно ни моста, ни лодок, с помощью которых можно было бы переправиться на другой берег. Солдатам приказали разбить лагерь и как следует отдохнуть, ожидая, пока командиры примут решение.

Джахан подвел слона к самой воде, туда, где изгиб реки образовывал небольшую илистую заводь. Чота, радостно трубя, принялся валяться в грязи. Удовольствие, которое доставляло ему это занятие, было столь очевидным, что солдаты, глядя на слона, не могли сдерживать улыбок.

– Что это он делает? – спросил у Джахана его знакомый пехотинец.

– Покрывает себя грязью.

– Но зачем?

– Слоны, в отличие от людей, никогда не потеют. Поэтому им приходится обливать себя водой, чтобы немного освежиться. А грязь защищает их от палящего солнца. Так объяснял мне Тарас.

– А кто такой Тарас?

– Ну... один из самых старых работников в нашем зверинце, – ответил Джахан. – Он знает о животных все.

В глазах пехотинца вспыхнули подозрительные огоньки.

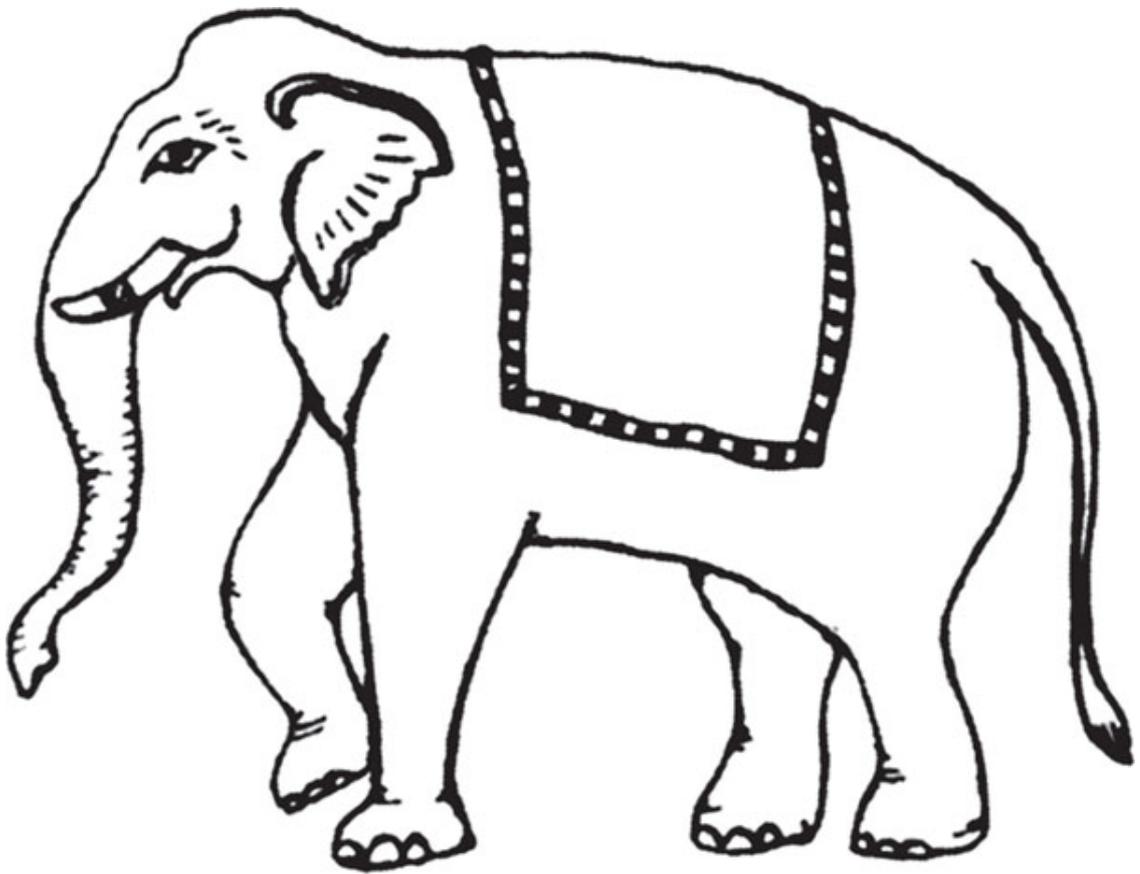
– Так, значит, Тарас рассказал тебе о повадках слонов? А я думал, по части того, что касается этих зверюг, ты сам можешь научить любого. Ведь ты же сызмальства рос среди слонов. Или нет?

Джахан растерянно потупил голову. Он понял, что по неосторожности проговорился. Всякий раз, когда он хоть чуть-чуть приоткрывал свою душу перед другим человеком, ему тут же приходилось об этом пожалеть.

Вскоре выяснилось, что Чота – единственный, кто наслаждается привалом. Янычары, грезившие о победе и предвкушавшие добычу, изнывали от затянувшегося ожидания. Ветер, который бил в лица солдат на протяжении всего похода, стих, но зато появились тучи насекомых. Они жалили воинов с такой яростью, будто сражались на стороне вражеской армии. Люди томились, лошади беспокоились. В поисках продовольствия фуражирам приходилось посещать одни и те же деревни, и жители с каждым разом встречали их все менее приветливо. Похлебка день ото дня становилась все жиже и отвратительнее на вкус.

Было принято решение возводить мост, и строители приступили к работе. Мост рос на глазах. Когда сначала одна, а потом и остальные опоры его обвалились, все восприняли это как происки шайтана. К концу недели был возведен новый мост, более прочный и внушительный на вид, чем первый. Тем не менее он рухнул еще быстрее. Несколько солдат при этом были ранены, а один погиб. У строителей опустились руки. Здесь слишком вязкая почва, слишком сильное течение, говорили они. Построить мост невозможно. Боевой дух армии стремительно падал, уныние и апатия готовы были вот-вот засосать ее, точно болотная тряпина. Джахан не спрашивал пехотинца, что тот думает о происходящем, ибо заранее знал ответ. Разумеется, бывалый воин сказал бы, что всемогущий Аллах, который помог им преодолеть все тяготы похода, внезапно лишил их своих милостей. Так или иначе, обстоятельства складывались против оттоманской армии. Нетерпение оказалось главным ее врагом, угрожавшим нанести ей сокрушительное поражение еще до начала битвы.

Учитель

* * *

Ожидание у реки Прут продолжалось. Глубокий и бурный поток отделял османскую армию от неприятеля. Янычары, одержимые жаждой победы, рвались на тот берег.

Как-то утром Джахан увидел земберексибази,⁷ который куда-то бежал со всех ног. Янычар так разогнался, что врезался в Джахана, не успевшего отступить в сторону.

– Как поживает твоя зверюга, погонщик? – спросил янычар, после того как Джахан поднялся на ноги, а сам он немного перевел дух.

– У Чоты все хорошо, эфенди. Он готов вступить в бой.

– Скоро у него будет такая возможность, Иншаллах. Но прежде нам надо переправиться через эту проклятую реку.

Сказав это, янычар вновь пустился бегом и через минуту скрылся в просторном шатре, около которого стояли в карауле два солдата. Джахана, конечно, туда никто не звал, но ему отчаянно хотелось узнать, что происходит. Не дав себе труда подумать, чей это шатер, он вошел внутрь так уверенно, что караульные приняли его за спутника земберексибази и не стали задерживать.

Внутри оказалось столько народу, что на мальчика никто не обратил внимания. Тихо, как мышь, Джахан проскользнул в дальний закуток и там затаился. Оглядевшись по сторонам, он подивился богатому убранству шатра. Стены затянуты дорогой тканью, полы устланы узорными коврами, повсюду парчовые диваны, резные светильники, курильницы с благовониями, подносы, уставленные всякими лакомствами. Может, удастся стащить здесь что-нибудь для капитана Гарета, подумал мальчик, но тут же отверг эту мысль как совершенно безрассудную.

Джахан увидел человека в белом тюрбане, украшенном пером цапли, и догадался, что это великий визирь. И страшно перепугался, сообразив, что султан тоже здесь.

Облаченный в шелковый халат золотистого цвета, величественный и неподвижный, как статуя, правитель восседал на драгоценном троне. Трон стоял на возвышении, так что Сулейман имел возможность наблюдать за собравшимися. Шейх-уль-ислам,⁸ янычар-ага и прочие вельможи стояли по обе стороны от трона, поочередно высказываясь. Присутствующие обсуждали, как найти выход из сложившейся ситуации. Многие склонялись к тому, что армии следует изменить маршрут, найти на берегу место, где земля будет тверже, а течение – слабее, и построить там мост. Но это означало потерю драгоценного времени – нескольких недель, а возможно, и месяцев. К тому же погода могла в любой момент измениться и стать не столь благоприятной.

– Мой мудрый повелитель, – произнес Лютфи-паша. – Среди нас есть человек, способный построить надежный мост.

Султан пожелал узнать, кто же это.

– Один из твоих преданных слуг, – ответил Лютфи-паша. – Имя его Синан, и он служит в отряде хасеки.⁹

Султан приказал привести человека, о котором шла речь, и приказ был незамедлительно исполнен. Синан опустился на колени в нескольких шагах от того места, где стоял Джахан. Мальчик смог рассмотреть его: высокий лоб, точеный нос с горбинкой, большие темные глаза, спокойные и печальные. Получив распоряжение подойти поближе к султану, Синан поднялся с колен и сделал несколько шагов, склонив голову, точно в лицо ему дул

⁷ *Земберексибази* – командир отряда янычар, обслуживающего катапульту.

⁸ *Шейх-уль-ислам* – титул высшего должностного лица по вопросам ислама.

⁹ *Хасеки* – элитный янычарский отряд, сопровождающий султана в мечеть, на охоту и т. д.

сильный ветер. На вопрос о том, действительно ли он способен возвести надежный и крепкий мост, строитель ответил:

– О мой мудрый повелитель, я возведу мост, если на то будет воля Аллаха.

– Сколько дней, по твоим расчетам, займет строительство?

Синан задумался, но ненадолго.

– Десять, мой достославный повелитель.

– А почему ты так уверен, что достигнешь успеха там, где все остальные строители потерпели неудачу?

– Мой достославный повелитель, все прочие, при всем благородстве их намерений, сразу начинали строить из дерева и камня. А я прежде строю мост у себя в уме и лишь после этого воплощаю свой замысел в действительности.

Ответ этот, хотя и звучал загадочно, пришелся по душе Сулейману. Синан получил распоряжение приступить к строительству. Он покинул шатер так же, как вошел в него, спокойно и неторопливо. Когда строитель проходил мимо Джахана, взгляд его упал на лицо мальчика и губы тронула едва заметная улыбка. Никогда прежде Джахан не видел, чтобы человек, занимающий столь высокое положение, улыбался.

Тут мальчика осенило. Если он станет помощником зодчего, сокровища Сулеймана Великолепного уже не будут для него столь недостижимыми, как сейчас. Ему не раз доводилось слышать, что тем, кто проявил отвагу на поле брани, султан дарует целые ларцы с золотом и драгоценностями. Не теряя понапрасну времени, Джахан выскочил из палатки.

– Подождите, эфенди! – крикнул он, бесцеремонно хватая строителя за рукав. – Я погонщик слона.

– Знаю, – ответил Синан. – Я видел тебя верхом на слоне. И видел, как ты за ним ухаживаешь.

– Чота сильнее, чем сорок солдат. Он может быть очень полезен на строительстве.

– А ты что-нибудь понимаешь в этом?

– Ну... да, понимаю. В Индии мы с Чотой помогали строить дома.

Синан погрузился в задумчивость, не сводя с мальчика глаз.

– А как ты оказался в шатре великого визиря?

– Незаметно проскользнул, только и всего, – признался Джахан, радуясь возможности наконец-то сказать правду.

Складка, залегшая меж бровей Синана, разгладилась.

– Думаю, слон и в самом деле будет нам полезен, – произнес он. – И смысленый, проворный мальчик вроде тебя – тоже.

Джахан ощутил, как щеки его вспыхнули румянцем. Ему и в голову не приходило, что хоть один человек в мире может назвать его смысленым. С этого дня слон и его погонщик стали строителями и начали работать под началом человека по имени Синан.

* * *

Хотя Синан обещал султану возвести мост за десять суток, в первый день никто из строителей и пальцем не шевельнул. То же самое повторилось и назавтра. Со стороны казалось, что Синан слоняется без дела. Он прогуливался туда-сюда по берегу реки, смотрел вдаль, проводил какие-то измерения, записывая на листах бумаги некие цифры и делая наброски, загадочные, как карты оракула. Солдаты меж тем беспокоились все сильнее. Разговоры о том, что этот человек не способен выполнить взятую на себя задачу, все чаще слышались в шатрах и вокруг костров.

На третий день Синан объявил о начале работ. К всеобщему удивлению, для строительства он выбрал место, расположенное в двух донумах¹⁰ от лагеря: река там была наиболее широкой. Когда его спросили, какими соображениями он руководствуется, зодчий ответил, что устойчивость моста зависит не от его длины или ширины, а от прочности его оснований.

Чота доставлял к месту строительства бревна и камни, которые должны были защищать опорные столбы от речного течения. Вскоре выяснилось, что при многих тяжелых работах слон воистину незаменим. Учитывая, что приходилось постоянно стоять по шею в воде, гигантский помощник стал настоящей находкой для Синана. Джахан, весь потный и грязный, трудился наравне с остальными строителями. То были удивительные люди. Грубоватые, немногословные, они тем не менее заботились о своих товарищах и никогда не подводили друг друга. Если кто-нибудь упоминал пророков Сета и Ибрагима, они всякий раз прижимали правую руку к сердцу, ибо именно эти пророки считаются покровителями строителей и каменщиков. С этими людьми Джахану было легко и просто, как никогда. Подобно им, он получал удовольствие от работы. Ровно через десять дней, как Синан и обещал султану, мост был готов.

Сулейман подъехал к мосту верхом, дабы испытать его первым. За ним следовали великий визирь и прочие советники, включая Лютфи-пашу, который сиял от гордости: ведь это он отыскал столь умелого зодчего. Когда султан и его свита достигли противоположного берега, солдаты разразились ликующими криками. Воины, которых бурный речной поток страшил куда сильнее жаркой схватки с врагом, возносили благодарственные молитвы. Вскоре началась переправа. На мост входили по шесть человек одновременно. Настала очередь Джахана и Чоты, и мальчик уже собирался направить слона на мост, но субаши – городской стражник – остановил его:

– Подожди. Боюсь, твоя скотина слишком тяжелая.

Синан пришел к ним на выручку:

– Эфенди, этот мост, если потребуется, сможет выдержать пятьдесят слонов.

– Ну, если ты уверен... – пробурчал субаши.

Синан повернулся к слону и погонщику:

– Ступайте на мост. Я пойду вместе с вами.

Мальчик и строитель шли по мосту рядом, сзади грузно переступал слон.

Едва Синан оказался на другом берегу, его позвали на совет визирей. Ну а поскольку Джахан не получил распоряжения оставаться на месте, он решил, что они с Чотой вполне могут следовать за архитектором.

Визирь обсуждали, как поступить с мостом, после того как переправа будет закончена. Судя по их озадаченным лицам, они никак не могли прийти к единому мнению. Лютфи-паша утверждал, что на берегу необходимо возвести сторожевую башню и оставить у моста отряд, который будет его охранять. Великий визирь и губернатор Румелии, Софу Мехмет-паша,

¹⁰ *Донум* – мера площади; кусок земли, который можно вспахать за один день.

возражал, что выделять целый отряд воинов – это непозволительная роскошь. Отчаявшись найти решение, вельможи обратились за помощью к архитектору.

– О мудрые мужи, если мы построим башню, враги захватят ее так же, как и мост, – изрек Синан. – Если мы оставим здесь отряд воинов, враги пришлют сюда два.

– Что же ты предлагаешь? – спросил великий визирь.

– Мы построили этот мост своими руками, своими руками и разрушим его, – последовал ответ. – Вернувшись, мы возведем новый мост.

Лютфи-паша, ожидавший, что Синан, которого он представил дивану,¹¹ примет его сторону, вспыхнул от ярости:

– Трус! Ты боишься, что окажешься среди караульных!

Щеки Синана залила бледность, но, когда он заговорил, голос его звучал так же спокойно и невозмутимо, как и всегда:

– О светочи разума, я простой янычар. Если султан прикажет мне построить башню и нести в ней караул, я беспрекословно выполню приказ. Но вы просили меня высказать свое мнение, и я не стал его утаивать.

Повисло молчание, которое нарушил губернатор Румелии.

– Что ж, арабы часто сжигают свои корабли, – произнес он.

– Мост – это не корабль, а мы не арабы, – прошипел Лютфи-паша, пытаясь насквозь прожечь Синана гневным взглядом.

Визирь разошелся, так и не придя к согласию. В тот же день султан, которому сообщили о мнениях различных сторон, вынес свое решение. Предложение Синана показалось ему наиболее убедительным. Мост следовало уничтожить.

* * *

Вскоре Джахан убедился, что разрушать значительно легче, чем строить. И все же ему больно было видеть, как мост, которому они отдали столько труда и сил, превращается в бесформенную гору камней. «Как мог Синан обречь дело наших рук на гибель?! – спрашивал он себя. – Неужели пот, который мы все пролили, значит для него не больше, чем речная вода?»

Как только мальчику представился случай поговорить с зодчим, он решил задать мучивший его вопрос:

– Эфенди, простите, но я не понимаю, зачем мы это делаем. Мы ведь положили на возведение этого моста столько трудов.

– В следующий раз нам придется трудиться еще больше.

– Да, конечно, но как вы могли обречь наше творение на гибель? Разве вам его не жалко?

Синан вперил в мальчика долгий взгляд.

– Моим первым учителем был отец, – задумчиво произнес он. – Он был лучшим резчиком по дереву в округе и учил меня всему, что умел сам. Накануне праздника Затик¹² отец всегда постился сорок дней. А меня каждый день заставлял вырезать из дерева агнца. Когда я приносил ему свою работу, он всякий раз говорил, что агнец получился скверно, и забирал его у меня. «Иди и сделай другого, – приказывал он. – А этого я выкину, иной участи он не заслуживает». Мне было обидно до слез, но я повиновался. И каждый новый агнец получался у меня лучше прежнего.

¹¹ Диван – высший орган власти в ряде исламских государств.

¹² Затик – армянская Пасха.

Джахан вспомнил отчима, и по спине у него пробежали мурашки. Отчим тоже ворчал, что Джахан ничего не умеет делать толком. Заявлял, что печь, которую тот сложил для матери на заднем дворе, никуда не годится. С тех пор прошло много лет, но гнев и обида, охватившие тогда Джахана, никуда не исчезли, ибо они пустили глубокие корни в его сердце.

Не подозревая о тяжелых воспоминаниях, которые его рассказ пробудил в душе мальчика, Синан продолжал:

– Когда отец умер, мы нашли у него в сарае сундук, где лежали все агнцы, вырезанные мною в детстве. Он не выкинул ни одного из них.

– Наверное, эфенди, ваш отец хотел, чтобы вы стали искусным резчиком, – пробормотал Джахан. – Но он причинял вам боль.

– Иногда боль необходима человеческой душе, сынок. Без боли душа не растет.

– Я не понимаю вас, эфенди, – сердито бросил мальчик. – В любом случае я не хочу, чтобы кто-то уничтожал мою работу.

– Для того чтобы стать настоящим мастером, нужно не только создавать, но и уничтожать плоды своего труда.

– Будь это действительно так, в мире не было бы ни одного целого дома, – осмелился возразить Джахан. – Строители превращали бы в груды обломков все, что возвели своими руками.

– Надо разрушать не дома, сынок. Надо разрушать свое желание владеть ими. Все в этом мире принадлежит одному лишь Богу. И дерево, и камни, и все наши знания и навыки.

– Я не понимаю вас, эфенди, – повторил Джахан, но на этот раз уже без всякого вызова.

Через несколько дней войска Сулеймана Великолепного покинули берега реки Прут, оставив после себя груды развалин, некогда бывшую мостом, в который строители вложили столько сил, труда и веры.

* * *

Ночь перед битвой оставила в душе Джахана след куда более глубокий, чем ночь, наступившая после того, как битва завершилась. Он не мог сомкнуть глаз ни на минуту, ибо не знал, где встретит следующий вечер – в этом мире или же в мире ином. «Сейчас я цел и невредим, но вот что будет завтра?» – гадал Джахан, ворочаясь на своем тюфяке. А еще он думал о Михримах и никак не мог отогнать эти мысли прочь. Дочь султана стояла у него перед глазами как живая: мальчик видел, как она расчесывает волосы, как идет по саду, легкая, стройная. Ее улыбка преследовала его. Ее голос звенел у него в ушах. Джахан приказывал себе забыть ее, но девушка возникала вновь, словно сотканная из воздуха.

Вскоре после заката лагерь охватило возбуждение, люди сновали туда-сюда, не находя себе места. К тому времени как сгустилась темнота, воздух над лагерем был насквозь пронизан тревожным ожиданием. Всякого, кто поднимал глаза к звездному небу, вне зависимости от ранга и положения, пронзала одна и та же мысль: возможно, он видит звезды в последний раз. Воины знали: завтра, когда взойдет солнце и при свете дня станут видны колонны врага, каждый из них без колебания выполнит свой долг. Но сегодня вера и сомнение, отвага и трусость, верность и измена соперничали в их сердцах.

Тревожные предчувствия томили солдат. Никому не хотелось расстаться с жизнью в этой угрюмой долине. Никому не хотелось, чтобы тело его было оставлено без погребения и оказалось добычей хищников, а бесприютная душа скиталась бы потом до скончания мира. Куда лучше лежать в родной земле, на тихом кладбище, среди кипарисов и розовых кустов, под камнем, к которому приходят родные, чтобы прочитать молитву за упокой твоей души. Споры нет, победа и щедрая добыча – это замечательно, но жизнь важнее всех побед и трофеев на свете. Многим втайне приходила мысль о побеге, и они с замиранием сердца представляли, как здорово будет, вскочив на лошадь, мчаться в неизвестном направлении – ведь о возвращении домой после такого позора нечего было и думать.

Хотя барабаны давно уже возвестили отбой, никто не мог уснуть. В шатрах раздавался приглушенный шепот – люди рассказывали друг другу истории из своей жизни, открывали тайны, давали обеты, шептали молитвы. Джахану встретился дюжий янычар, распевавший песню на неведомом языке. Среди янычаров попадались уроженцы самых дальних краев, от Балкан до Анатолии. Воспоминания о прежней жизни были заперты в потайных ларцах их душ, а ключи давно выброшены или потеряны. И все же в судьбоносные моменты, когда им предстояло встретиться со смертью лицом к лицу, ларцы открывались сами и воспоминания вырывались на свободу, несвязные и обрывочные, как виденный давным-давно сон.

Под предлогом того, что ему надо найти пищу для слона, Джахан бродил по лагерю с корзиной в руках. Он смотрел на дервишей, стоявших кругом. Правая рука каждого была обращена к небу, а левая – к земле, дабы брать и давать одновременно. Джахан видел, как благочестивые мусульмане молятся, преклонив колени на истертые коврики. Один из воинов рассказал ему, что носит в кожаном мешке за поясом скорпиона. Если удача отвернется от него и он попадет в плен к неверным, придется выпустить скорпиона и получить от него смертоносный укус, заявил солдат. Джахан слышал, как янычары ругаются, вполголоса посылая друг другу проклятия. «Неужели они не понимают, что завтра их ссора покажется сущим пустяком?» – подумал мальчик. Он видел продажных женщин, которые, несмотря на строжайший запрет не тревожить сон солдат накануне битвы, слонялись между шатрами. В эту ночь желающих воспользоваться их услугами было куда больше, чем обычно, ибо многие пытались таким образом забыться и отвлечься.

Джахану повстречались три шлюхи, лица их были наполовину скрыты покрывалами. Увлекаемый любопытством, он тихонько пошел за ними. Одна из женщин – молодая, стройная и одетая как иудейка – обернулась и увидела мальчика.

– Что, отважный воин, не спишься? – спросила она.

– Я не воин, – пробормотал Джахан.

– Но я уверена, отваги тебе не занимать.

Джахан не нашелся что ответить.

Женщина улыбнулась:

– Дай-ка на тебя посмотреть.

Ее прикосновение заставило Джахана вздрогнуть. Она сжала его ладонь так крепко, что мальчик не мог вырваться. Но пальцы у женщины были мягкие и нежные; от нее исходил аромат дыма и влажной травы. Пытаясь скрыть смущение, бедняга резко дернул руку и освободил ее.

– Прошу тебя, не уходи, – взмолилась девушка, словно Джахан был ее возлюбленным, разбившим ей сердце.

Слова эти прозвучали так неожиданно и так искренне, что Джахан окончательно растерялся. Не придумав ничего лучше, он пустился прочь, чуть ли не бегом. Женщина следовала за ним, шелест ее платья напоминал звук, который производят голуби, когда чистят свои перья. Джахан упорно смотрел вперед, словно в темноте перед ним смутно маячил какой-то загадочный образ, который необходимо было разглядеть. Было уже поздно, и он понимал, что может навлечь на себя неприятности, разгуливая по лагерю в обществе проститутки. Оставалось одно: вернуться в свой шатер. Джахан надеялся, что девушка отстанет, но она неотступно следовала за ним по пятам.

У конюхов, его соседей по шатру, просто глаза на лоб полезли от удивления.

– Кого это ты нам привел, парень? – спросил один из них. – Как я посмотрю, индусы даром времени не теряют. Где ты поймал эту газель?

– Никто ее не ловил, – буркнул мальчик. – Она сама пришла.

Несколько мгновений соседи Джахана озадаченно молчали. Потом самый старший конюх, у которого водились деньги, сделал девушке знак подойти.

Джахан, пытаясь казаться равнодушным, ушел в свой угол, развернул тюфяк и растянулся на нем. Но сон не шел к нему. Прислушиваясь к возне, пыхтению и стонам, долетавшим с тюфяка пожилого конюха, он невольно морщился. Когда звуки наконец стихли, мальчик приподнялся на локте и огляделся по сторонам. В слабом свете свечи он увидел их обоих: девушку, неподвижно распростертую на тюфяке, и взгромоздившегося на нее конюха. Широко открытые глаза шлюхи были устремлены на тени, метавшиеся по потолку, тени каких-то загадочных существ, которых не было в этом шатре. Неожиданно она повернула голову и встретилась взглядом с Джаханом. В это мгновение в глазах девушки он увидел вселенную, а в ее одиночестве угадал собственное одиночество. Вокруг него все поплыло, он ощутил, что летит в пропасть. Какая-то неведомая ему самому сила, дикая, неистовая, проснувшись в тайных глубинах его существа. То была темная сторона его души, заповедный погреб, который он никогда доселе не посещал, хотя и догадывался о его существовании.

Джахан вскочил на ноги и бросился к конюху, не замечавшему ничего вокруг. Прежде чем тот успел опомниться, Джахан со всей силы нанес ему удар. Хотя руке мальчика досталось куда сильнее, чем подбородку противника, конюх все же свалился на пол. Растерянно мигая, он уставился на обидчика, причем лицо его выражало скорее недоумение, чем ярость. Когда смысл произошедшего дошел до конюха, он расхохотался. Смеху его вторили все остальные. Джахан взглянул на проститутку и увидел, что она тоже над ним смеется.

Дрожа всем телом, мальчик выскочил из палатки. Ему отчаянно захотелось увидеть слона, своего единственного друга, который всегда был ему рад, никогда над ним не смеялся и, в отличие от людей, не знал, что такое злоба и надменность.

Чота, по обыкновению, дремал стоя. Спал он всего несколько часов в сутки. Джахан принес ему свежей воды, проверил, достаточно ли у слона пищи. Проститутка по-прежнему преследовала его, теперь как навязчивое видение – он ощущал ее прикосновение, тепло ее руки, вспоминал, как она шла за ним по пятам, как лежала потом на грязном тюфяке. Но когда мальчик устроился на соломе и закрыл глаза, перед его внутренним взором возникла совсем другая девушка – Михримах Султан. Прекрасная и нежная, она склонилась к нему и легонько поцеловала в губы. Джахан испуганно открыл глаза, потрясенный тем, что его воображение осмелилось нарисовать подобную картину. То, что особа столь благородного происхождения соседствовала в его мыслях с жалкой проституткой, было кошунственно, но Джахан не в состоянии был ничего с собой поделать. Не мог ни запретить себе грезить о дочери султана, ни прогнать прочь соблазнительный образ молоденькой шлюхи.

Утром он проснулся на рассвете, разбуженный словами молитвы. Его соседи уже встали. Напрасно мальчик вглядывался в их лица, выискивая следы раскаяния или усталости. Конюхи, все как один, были бодры и сосредоточены. Можно было подумать, что прошлой ночью ничего не случилось.

Приготовления к битве были долгими и утомительными, сама же она разразилась стремительно, словно буря, – по крайней мере, так показалось Джахану. До него донесся гул, повторяемый эхом и становившийся все ближе. Враг, о котором он так много слышал, перестал быть отвлеченным понятием. Теперь у него было лицо – точнее, тысячи лиц, тысячи глаз, тысячи рук. Сидя на слоне, Джахан с высоты озирает поле сражения. Вдали, там, где сошлись две армии, все краски исчезли, поглощенные серой лавиной. Тут и там вспыхивали холодные искры – это скрещивались боевые клинки. Куда бы Джахан ни посмотрел, он видел одно и то же: человеческие тела, метущиеся, извивающиеся, корчащиеся от боли, и металл – мечи, сабли и копья.

Грохот стоял такой, что можно было оглохнуть. Цокот копыт, лязг стали, свист катапульт, вопли, стоны, без конца повторяющиеся крики, призывающие Господа. Воины сражались за своего султана. Они бились во имя всемогущего Аллаха. А еще эти люди давали сейчас выход ярости, накопленной с детских лет, мстили за все те удары, зуботычины и оплеухи, которые им пришлось безропотно снести. Земля насквозь пропиталась кровью, трава стала красной, а конца сражению не предвиделось. Пена клочьями летела и с людей, и с лошадей, клубы дыма поднимались в воздух. Завеса дыма так плотно затянула небо, что казалось, в разгар дня сгустились сумерки.

Растерянный и испуганный, Чота шаркался то в одну сторону, то в другую. На слона надели тяжелые доспехи, к которым он не привык, и ему отчаянно хотелось их сбросить. Бивни его были наточены, как два кинжала. Джахан пытался поговорить с Чотой и успокоить своего питомца, но слова его тонули в шуме битвы. Краем глаза мальчик увидел, как рослый франк с мечом в руках метнулся к янычару, который, споткнувшись о мертвое тело, потерял равновесие и упал, выронив копьё. От первого удара меча янычар сумел увернуться, но второй пришелся ему в плечо. Джахан хлестнул Чоту, направляя его к противникам. Слон подхватил франка хоботом и поднял в воздух, вонзив бивни ему в живот.

– Молодец, Чота! – крикнул Джахан. – Теперь можешь его отпустить.

Слон повиновался и швырнул на землю визжащего от боли солдата. Но мгновение спустя он вновь подхватил того хоботом и воткнул бивни ему в грудь. Из рта у франка хлынула кровь, во взгляде металось недоумение, словно он никак не мог поверить, что смерть предстала перед ним в обличье диковинного исполинского зверя. Джахан, оторопев от ужаса,

наблюдал за кровавой расправой. Он понял, что Чота ему больше не повинуется: теперь слон командовал своим погонщиком.

Так что мальчику оставалось лишь смириться с участью зрителя. Чота носился, врезаюсь в ряды неприятеля, давя людей ногами, расшвыривая их хоботом и пронзая бивнями. Расправу с одним солдатом он намеренно затянул, играя с ним, словно кошка с мышкой, и, похоже, получая удовольствие от страданий жертвы. Однако различия между чужими и своими были выше разума слона, и несколько раз он пытался затоптать янычаров. Но, как видно, люди эти родились под счастливой звездой, ибо им удалось увернуться и избежать нелепой смерти.

Битва длилась недолго, хотя впоследствии Джахан бесчисленное множество раз оживлял в воображении каждое ее мгновение. Тогда, будучи еще ребенком, он видел, как люди падают, истекая кровью, но отказывался понимать, что они погибли; он слышал жуткие звуки, но отказывался верить, что это предсмертные стоны. Многие десятилетия спустя, став уже пожилым человеком, Джахан снова и снова переживал тот день, сознавая всю глубину разыгравшейся перед ним трагедии. Он опять видел забрызганные кровью щиты, стрелы с приставшими к ним кусками человеческой плоти, лошадей со вспоротыми животами, и к горлу его подступал комок. А еще он видел лицо той молоденькой проститутки – оно выплывало из дымки, неподвластное времени, и он вновь слышал ее залихватистый смех.

Ближе к концу битвы Джахан увидел солдата, бредущего не разбирая дороги. Лицо его было белым как мел, а из живота торчал наконечник пики. Джахан узнал храброго пехотинца, с которым свел дружбу во время похода.

– Стой, Чота! – крикнул он. – Опустить меня на землю.

Чота и не подумал повиниться приказу. Тогда Джахан недолго думая спрыгнул со спины слона, неловко упав на землю боком. Встав на ноги, он бросился к пехотинцу, который рухнул на колени и вытянул перед собой руки, словно цепляясь за невидимую веревку. Из носа у него ручьями текла кровь, так что талисман, висевший на шее, весь покраснел. Джахан стащил с себя куртку и прижал ее к страшной ране. Опустившись на землю рядом с умирающим солдатом, он взял его руку в свои и ощутил под пальцами затихающее биение жизни.

Губы умирающего тронула улыбка. Невозможно было понять, узнал он Джахана или же принял его за кого-то другого. Несчастный пытался что-то сказать, но зубы его лязгали и язык отказывался повиниться. Наконец, наклонившись так низко, что щека его почти касалась запекшихся губ солдата, Джахан сумел разобрать:

– Ты... видишь... свет?

– Да, – кивнул Джахан. – Он прекрасен.

Внезапно лицо умирающего просветлело от радости. В следующее мгновение тело его обмякло на руках у Джахана, нижняя губа отвисла, а широко открытые глаза, устремленные в небо, начали стекленеть.

* * *

Позднее, уже после того, как битва завершилась триумфом оттоманской армии, Джахан не смог заставить себя присоединиться к всеобщему ликованию. Он оставил лагерь, где шумело веселье, и побрел в сторону поля сражения, где ныне царил тишина. Это было рискованно, ведь у мальчика не имелось никакого оружия, кроме кинжала, которым он не умел пользоваться. Тем не менее Джахан долго бродил по долине, погруженной в туман, среди мертвых тел, которые всего несколько часов назад были чьими-то сыновьями, мужьями и братьями. Ему казалось, что этим полем, усеянным мертвецами, заканчивается мир и если он пойдет дальше, то окажется у края земли и сорвется с него в пропасть. Джахан знал: если

он умрет, Чота, о котором некому будет заботиться, тоже погибнет от голода и жажды. Но сейчас его не волновала участь слона.

Несколько раз Джахану случалось наступить на что-то мягкое, и, приглядевшись, он с содроганием понимал, что это отрубленная рука или нога. Зловоние, стоявшее на поле, было поистине ужасающим. Иногда мимо пробежала лошадь, оставшаяся без всадника, и топот ее копыт заставлял мальчика вздрогнуть. Порой до него долетали стоны умирающих, но где именно те лежат, он понять не мог.

Внезапно Джахана пронзила боль, острая, нестерпимая. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного. Он знал, что цел и невредим, но от этого боль не становилась слабее. Болело все: голова, ноги, руки. Бедняга не мог определить, где находится источник боли, ибо она металась по его телу, то ломая кости, то вгрызаясь во внутренности. Корчась от страданий, мальчик согнулся пополам, и его вырвало.

Подчиняясь внутреннему голосу, велевшему ему уходить отсюда, Джахан побрел прочь с поля боя. Он с трудом переставлял отяжелевшие ноги, лоб его взмок от пота, а перед глазами стояла красная пелена. Наконец он увидел на земле поваленное дерево и уселся на него. Неподалеку отряд оттоманских могильщиков рыл огромную яму, дабы сложить в нее тела своих погибших товарищей. Какая участь ожидает убитых франков, мальчик понятия не имел. Он был настолько поглощен своими мыслями, что не услышал шаги у себя за спиной.

– Что ты здесь делаешь, маленький индус? – раздался голос у него над ухом.

Джахан испуганно повернулся:

– Мастер Синан!

– Тебе нечего здесь делать, сынок.

– Я не хочу возвращаться в лагерь, – виновато пояснил мальчик.

То, что зодчему тоже нечего здесь делать, не пришло ему в голову.

Синан устремил пристальный взгляд на бледные щеки и опухшие глаза ребенка. Потом медленно опустился на бревно рядом с ним. Солнце садилось, окрашивая горизонт всеми оттенками багрянца. В небе пролетела стая аистов, направляющихся в жаркие страны. Не в силах более сдерживаться, Джахан залился слезами.

Синан достал из ножен кинжал, отрубил от дерева сучок и принялся что-то вырезать. Работая, он рассказывал про деревню, в которой родился, – называлась она Агырнас, стояла в окружении бескрайних полей, и зимой ледяные ветры продували ее насквозь, распевая печальные песни. Армянская церковь соседствовала там с греческой, и обе не имели колоколов. Синан поведал, какой вкусный суп из кислого молока готовила его мать: летом его ели холодным, а зимой – горячим. Он рассказал мальчику, как отец учил его мастерству, объясняя, что всякий кусок дерева живет и дышит и это дыхание надо почувствовать. Джахан узнал, что в возрасте двадцати одного года Синан принял ислам, стал янычаром и вступил в корпус Бекташи, названный так в честь Хаджи Бекташи, суфия из Хорасана, который считается святым покровителем воинов. С тех пор его жизнь превратилась в бесконечную череду войн: он сражался на Родосе и в Белграде, в Персии и на Корфу, в Багдаде и Мохаче, где битва была особенно жестокой и кровопролитной. Не раз он видел, как отъявленные храбрецы уносят ноги с поля боя, а в робких сердцах закипает львиная кровь.

– Мой слон... – пробормотал Джахан, когда рыдания его наконец улеглись. – Мы с Олевом научили Чоту убивать. И сегодня он убивал людей. И лишил жизни многих.

Синан отложил работу в сторону:

– Не стоит переживать из-за слона. Ты ни в чем не виноват.

Мальчик продолжал, чувствуя, как тело его сотрясает внезапная дрожь:

– Когда мы строили мост, эфенди, я ощущал себя полезным. Я бы хотел всегда заниматься чем-то подобным.

– Понимаю. Недаром сказано: «Когда ты делаешь то, что тебе по душе, в тебе, словно река, течет радость».

– А кто это сказал, эфенди?

– Один хороший поэт и мудрый человек. – Синан положил руку на пылающий лоб мальчика. – Значит, ты бы хотел стать строителем?

– Да, больше всего на свете! – пылко воскликнул Джахан.

Когда темнота сгустилась, они двинулись в лагерь. На полпути им встретилась оседланная лошадь без всадника. Синан остановил ее, усадил мальчика в седло и повел лошадь под уздцы. Он довез Джахана до шатра и велел конюхам, чтобы те позаботились о слоне, а погонщику дали возможность отдохнуть.

Едва добравшись до своего тюфяка, Джахан провалился в тяжелую дремоту. Всю ночь он горел в лихорадке, и всю ночь Синан сидел рядом, прикладывая к его лбу смоченные уксусом тряпицы и продолжал что-то вырезать из дерева. На рассвете, когда жар у Джахана спал, Синан разжал кулак мальчика, вложил ему в ладонь свою поделку и ушел. Утром Джахан проснулся насквозь мокрым от пота, но здоровым и с удивлением увидел, что держит в руке крошечного деревянного слоника. Только вместо смертоносных бивней у этого слона были цветы.

* * *

Город с нетерпением ждал возвращения победоносной армии. Еще на рассвете люди оставили свои дома и высыпали на улицы и площади, заполнив их подобно густому тягучему шурупу – так называют здесь сироп. На всем пути от Адрианопольских ворот до дворца люди стояли сплошной стеной, самые проворные залезали на деревья и устраивались на крышах домов. Жители Стамбула были одержимы одним желанием – приветствовать победителей. Весь город с его извилистыми улицами, величественными мечетями и пестрыми базарами оделся в праздничные наряды и расцвел улыбками.

– Солдаты идут! – заорал мальчишка, висевший на дереве у фонтана.

Его слова долетели до толпы и, многократно повторенные сотнями глоток, подобно волне устремились к центру. Через некоторое время эхо, завершив круг, донесло их до мальчишки, и тогда он закричал снова:

– Султан бросает людям монеты!

Ремесленники, чьи сердца переполняли радость и гордость, купцы, прятавшие под одеждой кошель с выручкой, торговцы жареной печенью, за которыми следовали по пятам стаи уличных кошек, суфисты, помнящие наизусть девяносто девять имен Бога, писцы, чью одежду усеивали чернильные пятна, нищие с чашками для подаяния, карманники, пальцы которых проворством не уступали белкам, изумленные путешественники, прибывшие из земли франков, венецианские шпионы с медоточивыми устами и фальшивыми улыбками – все эти люди пытались протиснуться поближе, дабы собственными глазами увидеть воинов-победителей.

Вскоре отборные отряды султанской кавалерии, в парадной форме, на украшенных гирляндами лошадях, были уже у ворот. Кавалькада двинулась по обсаженной акациями улице, лошади шли неспешным церемониальным шагом. За ними на чистокровном арабском жеребце ехал сам Сулейман Великолепный. Правитель был облачен в шелковый халат лазурного цвета, а тюрбан на нем был такой высокий, что пролетавшие мимо птицы испуганно шарахались в сторону.

Толпа дружно испустила восхищенный вздох, за которым последовали приветственные возгласы и молитвы. Лепестки роз, которые люди бросали с балконов и из окон, носились в воздухе.

Ряды закованных в доспехи солдат казались бесконечными; за всадниками двигались пешие воины, а затем – опять всадники. Но вот появился слон. Первоначально Джахан получил приказ сидеть у слона на шее, а хаудах предоставить командиру янычаров. Но стоило Чоте сделать несколько шагов, янычар-ага, белый как мел, потребовал, чтобы его спустили на землю. Хотя этому отважному человеку было не привыкать ко всякого рода тяготам и опасностям, однако качка, которой он подвергся на спине у слона, оказалась для него непереносимым испытанием. В результате честь ехать в шатре выпала Джахану. Глядя вниз, на ликующую толпу, он ощущал себя монархом, который возвращается на родину после долгого изгнания, и это было очень приятно. Впервые мальчик забыл о кровопролитном сражении, о горах мертвых тел, о трупном запахе, которым, казалось, насквозь пропиталась его кожа.

Вскоре стало ясно, что белый слон находится в центре внимания толпы. Никто больше, кроме, разумеется, султана, не вызвал такого шквала восторженных криков. Люди смотрели на Чоту во все глаза, радостно махали ему, смеялись, хлопали в ладоши. Торговец тканями бросил слону гирлянду из лент, молодая цыганка послала ему воздушный поцелуй, уличный мальчишка едва не свалился с ветки дерева, пытаясь потрогать бивни диковинного зверя. Чота, которому столь горячий прием явно нравился, важно шествовал, помахивая хвостом

из стороны в сторону. Джахан меж тем грезил наяву. Никогда прежде он не чувствовал себя столь важной персоной. Теперь он сам себе виделся чуть ли не центром мироздания, человеком, от которого зависит судьба города, если не всего мира. С пылающими щеками и горящими глазами он махал зевакам рукой, принимая все почести как заслуженные.

В зверинце Чоту встретили как героя. Было принято решение: никогда, ни при каких обстоятельствах не отсылать белого слона в другой зверинец. Теперь до конца жизни ему предстояло оставаться здесь, во дворце. Количество пищи, выдаваемой ему ежедневно, было удвоено. К тому же раз в неделю слону было позволено купаться в заросшем лилиями пруду, расположенном в отдаленной части внутреннего двора. До сей поры подобной привилегии не удостоивался ни один из обитателей зверинца.

Постепенно Джахан простил слону жестокость, которую тот проявил на поле сражения. Мальчик надел на его опасно заточенные бивни шелковые чехлы и своими руками смастерил слону новую попону, украшенную по краям серебряными колокольчиками. В попону он вшил несколько синих бисеринок, ведь известно, что бисер – лучшее средство от дурного глаза. Дни шли за днями, спокойные, безмятежные. То была благословенная пора, но, как часто бывает в жизни, это стало понятно лишь после того, как она закончилась.

* * *

Как-то раз, когда Джахан подметал пол в сарае, к нему подошел Олев, укротитель львов.

– Тебе письмо, – сообщил он. – Вернее, записка.

– От кого? – спросил Джахан, и голос его невольно дрогнул.

– Не знаю. Какой-то человек – сам я его не видел – оставил записку стражнику и попросил передать ее тебе. Так, по крайней мере, мне сказали. – И с этими словами Олев вручил мальчику сложенный лист пергамента.

– Я не умею читать, – выпалил Джахан, словно надеясь, что это обстоятельство защитит его.

Объявив себя неграмотным, он несколько покривил душой. С помощью Тараса Сибирика мальчик выучил буквы, научился складывать их в слоги и слова и даже пробовал читать книги, хотя строки, написанные от руки, по-прежнему представляли для него серьезную трудность.

– Читать тут нечего, – усмехнулся Олев. – Я уже заглянул в этот листок.

Джахан трясущимися руками развернул пергамент. На гладкой поверхности был нарисован огромный зверь, причем нарисован настолько неумело, что в нем с трудом можно было угадать слона. На спине у слона сидел лопухий мальчишка. Слон улыбался и выглядел вполне довольным жизнью, а из груди у мальчика торчало копье, с которого капала кровь. В том, что это именно кровь, сомневаться не приходилось, ибо капли были темно-красного цвета. Вне всякого сомнения, автор послания использовал настоящую кровь, чтобы изобразить их.

– Не представляю, что это может означать, – пробормотал Джахан и швырнул листок на пол.

– Тем лучше, – попытался успокоить его Олев. – Порви этот дурацкий листок и никому о нем не рассказывай. Но помни, тебе следует быть настороже. Человек, который это прислал, в любой день может предстать перед тобой собственной персоной. Стены дворца высоки, но не настолько, чтобы защитить от врагов, если они у тебя имеются.

* * *

Когда султанша Хюррем во второй раз посетила зверинец, ее отношение к слону изменилось: теперь взгляд гостьи был полон интереса, граничащего с одобрением. Джахан вновь склонился до земли, так что ему был виден лишь край ее платья. Свита султанши, почти-тельно ожидавшая в стороне, все так же пребывала в столь глубоком молчании, что в ее существовании можно было усомниться. А Михримах опять наблюдала за происходящим, едва сдерживая улыбку.

– Говорят, слон во время сражения проявил себя настоящим храбрецом, – изрекла супруга султана, не удостоив погонщика взглядом.

– Да, милостивая госпожа, Чота сражался отважно, – подтвердил Джахан.

Разумеется, он умолчал о том, что до сих пор чувствует себя виноватым, ибо сам научил слона убивать.

– Хмм, это делает ему честь. А вот про тебя я слыхала совсем иное. Говорят, ты так испугался, что опрометью бежал с поля боя и, весь дрожа, укрылся в шатре. Это правда?

Джахан побледнел. Кто распускает подобные слухи у него за спиной? Словно прочтя его мысли, Хюррем добавила:

– Об этом мне поведали птицы... Мои почтовые голуби приносят мне вести отовсюду.

У Джахана правдивость этих слов не вызвала ни малейшего сомнения. Перед мысленным взором мальчика возникли стаи голубей, которые приносят своей повелительнице новости со всех концов света. Он молчал, пытаясь сохранить на лице непроницаемое выражение.

– Еще я слышала, что горожане в восторге от слона. Все только о нем и говорят. Этого зверя приветствовали куда более горячо и радостно, чем воинов самого янычар-аги.

Хюррем смолкла, ожидая, пока смысл этих слов дойдет до туповатого, на ее взгляд, погонщика.

Джахан знал, что это правда. Никто из военачальников не вызвал в толпе такой бури восторга, как Чота.

– Мне пришла в голову занятная мысль, – продолжала султанша. – Вскоре двум нашим сыновьям предстоит церемония обрезания. В честь этого события будет устроено торжество. Предполагается праздничное шествие и представление.

Сердце у Джахана сжалось, когда он понял, к чему клонит высокая гостья.

– Светоносный султан и я желаем, чтобы слон принял участие в шествии. Пусть он порадует народ, показав, на что способен.

– Но... – осмелился подать голос Джахан.

Хюррем уже повернулась, чтобы идти.

– Что такое, индус? – бросила она через плечо.

Джахан подавленно молчал, на лбу у него выступили бисеринки пота.

– Знай, у тебя есть недоброжелатели, – изрекла султанша. – Они полагают, что ты не заслуживаешь доверия. Считают, что тебя вместе со слоном стоит отправить в разрушенный храм неверных, где живут другие большие звери. Возможно, эти люди правы. Но я верю в тебя, юнец. И ты должен оправдать мое доверие.

– Я сделаю все, что в моих силах, милостивая госпожа, – судорожно сглотнув, выдохнул Джахан.

Хюррем имела обыкновение добиваться своего, перемежая угрозы и ласку. Разговаривая с человеком, она то напоминала собеседнику, что голова его может полететь с плеч, стоит ей только приказать, то вдруг бросала несколько милостивых фраз. После беседы с султаншей всякий ее подданный пребывал в растерянности и смятении. Джахан понятия не имел о подобной тактике, ибо столкнулся с ней в первый раз. Склонив голову, он наблюдал, как

супруга Сулеймана удаляется по дорожке сада, а служанки поспешно следуют за ней. Как и в прошлый раз, две фигуры не двинулись с места. То были Михримах Султан и ее няня, Хесна-хатун.

– Судя по всему, моей сиятельной матушке пришелся по душе белый слон, – изрекла Михримах с преувеличенной важностью, явно подражая напыщенному тону взрослых. – Если ты хорошенько развлечешь зевак, моя милостивая родительница щедро вознаградит тебя. И тогда вы со слоном будете на седьмом небе от счастья.

– Не представляю, как мы сумеем развлечь зрителей. Чота не обучен никаким трюкам, – произнес Джахан так тихо, что сам не понял, сказал он что-нибудь или нет.

– Ты это уже говорил.

Михримах сделала знак няне, и та достала из-под своей длинной накидки дюжину железных колец.

– Начни с этого, – приказала дочь султана. – Завтра мы придем и посмотрим, как у вас продвигаются дела.

Всю следующую неделю Джахан по несколько часов в день бросал кольца Чоте, который не обращал на них ни малейшего внимания. Отчаявшись добиться успеха, мальчик заменил кольца сначала обручами, потом мячами и, наконец, яблоками. Только тут дело сдвинулось с мертвой точки. Чота соизволил ловить яблоки, чтобы тут же отправлять их себе в пасть.

Дочь султана и ее няня приходили каждый день. Если Чоте удавалось выучить новый трюк, Михримах угощала его изысканными лакомствами и осыпала похвалами. Если же новоявленному артисту похвастаться было нечем, девушка утешала его и уговаривала не отчаиваться. Благодаря белому слону дочь султана и погонщик вновь сблизились. Но оба они уже не были детьми, поскольку стремительно повзрослели. И разумеется, оба не могли не замечать, как изменились их тела. Впрочем, они старательно избегали смотреть друг на друга, тем более что все их встречи проходили под неусыпным оком Хесны-хатун.

Джахан учил дочь султана тому, чему выучился сам за время службы в зверинце. Он показывал ей, как по кольцам на срубе дуба определить возраст дерева, как правильно засушить бабочку, объяснял, почему смола превращается в сверкающий янтарь. Рассказывал, что страусы бегают быстрее лошадей и что полосы на шкуре каждого тигра составляют особый, неповторимый узор. Доверие, возникшее между ними, постепенно крепло. Дочь султана тоже о многом рассказывала погонщику. О своем детстве, о братьях и матери. Она была единственной девочкой среди многих мальчиков, сыновей султана, один из которых должен был унаследовать оттоманский престол, и, по собственному ее признанию, часто ощущала себя одинокой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.